

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

ПРАЗДНИК СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

ТРИЕДИНСТВО БОЖЕСТВА И ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

РОССИЯ ЧЕРЕЗ СЕМЬ ТАИНСТВ

А. С. Хомяков. Церковь одна

Выпуск 6

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

ИЗДАЮТСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Главный редактор
Высокопреосвященный ИОАНН,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Ответственный секретарь Н. К. Симаков

Выпуск 6. Май 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архиерейские богослужения и рукоположения	6
---	---

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

Архиеп. Серафим (Соболев). Слово в день сошествия Св. Духа	7
Великомученик Георгий Победоносец	10

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

(Чудотворные иконы Божией Матери)

О. В. Губарева. Икона Божией Матери, именуемая «Нечаянная Радость»	12
--	----

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Слово девятое	14
--	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Архиеп. Иларион (Троицкий). Триединство Божества и единство человечества	18
---	----

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Игнатий Брянчанинов. Размышления о вере	27
Крест свой и Крест Христов	28

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов. Церковь свт. Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище	30
--	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Проф. Н. А. Мещерский. Отрывки воспоминаний (продолжение)	34
---	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни (продолжение)	38
Стихи: Григорович. Сошествие Святого Духа	9
Понамарев. Троицын день	9
П. А. Вяземский. Молитва Ангелу Хранителю	17
Вел. кн. К. К. Романов. «Научи меня, Боже, любить...»	17
А. Липецкий. Дни страстей	33
А. К. Толстой. Благовест	33

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Редакторы отделов: В. В. Антонов и И. В. Попов; зам. отв. секретаря С. Г. Мамай, техн. редактор И. А. Шумакова.
Фото Ю. Г. Корытченкова.
Адрес редакции: Обводный канал, 17.

Сдано в набор 4.01.92. Подписано в печать 3.03.92. Формат 60×90¹/₈. Печать офсетная. Печ. л. 6,0. Тираж 10 000 экз. Заказ 1590.
«Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

МАЙ

6 мая 1991 года в нашем городе, по Литейному проспекту, 40, открылся Международный Библейский центр, созданный по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, Патриаршей, Синодальной и Северо-Западной Библийскими комиссиями, Объединенными Библийскими обществами и Научно-издательским центром «Духовное просвещение». В торжественной церемонии официального открытия Библийского центра принимали участие ректор Петербургских Духовной академии и Семинарии прот. Владимир Сорокин, православное и иностранное духовенство нашего города, делегация Объединенных Библийских обществ, а также представители дипломатического корпуса и многочисленные иностранные гости.

Цель петербургского Библийского центра — активная духовно-просветительская деятельность, широкое распространение и издание Библии, знакомство петербуржцев с библийской работой, ведущейся за рубежом.

8 мая, у Синявинских высот, близ Петербурга, было совершено перезахоронение останков солдат, погибших при защите нашего города в 1941—1944 гг. Перезахоронение было произведено по инициативе Международного неправительственного фонда «Вечная память солдатам». Панихиду по погибшим отслужил настоятель Благовещенского собора г. Петрокрепости прот. Димитрий Абарцумов. В церемонии приняли участие немецкие граждане, ухаживающие за могилами русских солдат в Германии.

9 мая 1991 года, в день 46-й годовщины победы в Великой Отечественной войне, на Пискаревском мемориальном кладбище делегация С.-Петербургской епархии во главе с Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном возложила к памятнику Матери-Родины венки в память горожан и соотечественников, погибших в годы войны и блокады.

В храмах епархии в этот день состоялись панихиды по погибшим и благодарственные молебны по случаю Дня Победы.

10—11 мая в помещении Петербургских Духовных школ прошел семинар по миссионерской и благотворительной деятельности, организованный делегацией Греческой Православной Церкви в Америке.

11 мая 1991 года и. о. настоятеля церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала иеромонах Лукиан (Куценко) освятил помещение медицинского центра «Нейрон», занимающегося лечением больных хроническим алкоголизмом. Тем самым продолжена традиция, начало которой было положено в начале века в Петербурге Всероссийским Александро-Невским братством трезвости. Оно работало при церкви Воскресения Христова, долго бывшей центром борьбы Православия за народную трезвость.

21 мая настоятелем Софийского собора (г. Пушкин) прот. Геннадием Зверевым был отслужен молебен по случаю начала реставрационных работ в Царскосельском Государевом соборе во имя Иконы Феодоровской Божией Матери, возвращенном епархии в конце прошлого года.

24 мая 1991 года, в праздник Святых равноапостольных учителей словенских Кирилла и Мефодия, архимандритом Симоном, секретарем Митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна, был отслужен водосвятный молебен свв. Кириллу и Мефодию в церкви их имени, что расположена в нижнем ярусе колокольни Крестовоздвиженской церкви, на углу Лиговского проспекта и Обводного канала. Крестовоздвиженский храм возвращен в начале мая, и он должен стать главным храмом петербургского казачества. В торжестве, посвященном свв. Кириллу и Мефодию приняли участие казаки из местного землячества «Невская станица» во главе с атаманом Борисом Алмазовым. В память о казаках, положивших живот свой за Веру и Отечество, архимандритом Симоном была отслужена панихида.

25 мая, в Троицкую родительскую субботу, на Левашовской пустоши под Петербургом для свободного посещения открылось мемориальное кладбище, где покоятся останки репрессированных в 1940—1950-х годах граждан. Панихиду отслужил клирик Спасо-Преображенского собора протоиерей Александр Ранне.

В этот же день после 59-летнего перерыва возобновились богослужения в левом (свв. Антония и Феодосия Киевопечерских) приделе Казанского собора. Настоятелем храма игуменом Сергием (Кузьминым) был отслужен водосвятный молебен и свершено малое освящение храма. Затем им же была отслужена

Водосвятный молебен в день праздника святых первоучителей словенских Кирилла и Мефодия в Крестовоздвиженской церкви.

первая Божественная литургия и панихида. Вечером того же дня игумен Сергей служил в Казанском соборе всенощное бдение.

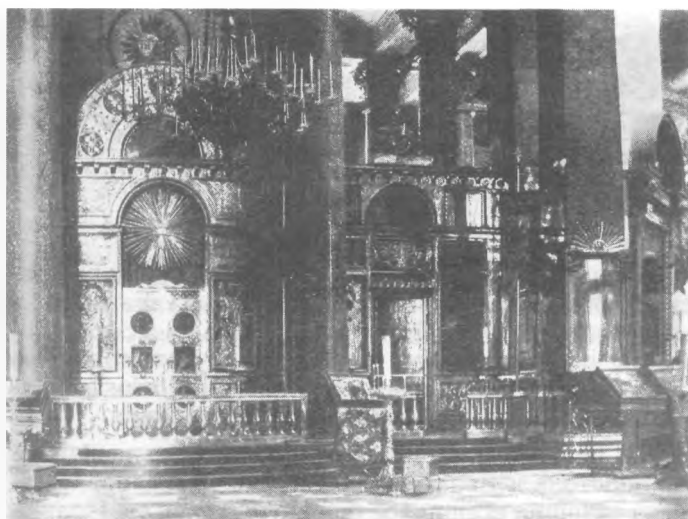
В воскресенье 26 мая, в праздник Святой Живоначальной Троицы, он свершил в храме Божественную литургию. Начиная с праздника Святой Троицы, хотя Казанский собор еще не возвращен епархии, богослужения в нем будут совершаться во все воскресные и праздничные дни.

Учитывая то, что Казанский собор является величайшей Всероссийской православной святыней, а в фондах Музея истории религии и атеизма, размещающегося до сих пор в стенах собора, находятся многие православные реликвии: иконы, св. мощи, богослужебные книги и церковная утварь, конфискованные в 1920—1930-х годах из закрытых храмов, Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн обратился к руководству городского Совета с просьбой опечатать хранилища музея и назначить комиссию для ревизии фондов.

В праздник Пресвятой Троицы, 26 мая, когда отмечается очередная годовщина основания Императором Петром Великим нашего города, в два часа дня, у южного портика Петропавловского собора Петропавловской крепости, настоятелем Князь-Владимирского собора прот. Павлом Красноцветовым был отслужен молебен святым небесным покровителям С.-Петербурга: св. апостолу Петру, св. блаж. Ксении

Праздник свв. Кирилла и Мефодия в Крестовоздвиженской церкви на Лиговском проспекте.

С.-Петербург. Казанский собор. Придел свв. Антония и Феодосия Киевопечерских, в котором возобновлено богослужение. Фото 1915 г.

Петербургской, св. благ. и вел. князю Александру Невскому и св. прав. Иоанну Кронштадтскому. В проповеди о. Павел призвал собравшихся быть достойными светлой памяти наших великих предков.

В связи с референдумом о возвращении С.-Петербургу его исторического названия, **25 мая** Высокопреосвященнейший митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн дал интервью газете «Вечерний Ленинград», в котором на вопрос о своем отношении к возвращению исторического имени городу на Неве, ответил: «Конечно, я за то, чтобы вернуть нашему городу историческое имя, и сделать это как можно скорее. Петр Первый назвал вновь создаваемый город в честь своего ангела — апостола Петра, который был твердым и мужественным человеком. Когда город был переименован, он лишился покровительства святого апостола Петра. Возвращение прежнего названия — это устремление нашего внутреннего зренья к небесному покровителю сего града и возвращение его заступничества...»

28 мая 1991 года, в день 86-й годовщины Цусимского сражения, на месте храма-памятника Спас-на-Водах, служившего братской могилой моряков, павших в войну с Японией 1904—1905 годов, состоялась панихида по погибшим морякам. Отслужил ее настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора прот. Богдан Сойко при участии соборного хора. При этом о. Богдан был в чудом сохранившемся облачении последнего настоятеля Спаса-на-Водах.

На панихиду собрались около двухсот рабочих и служащих Адмиралтейского объединения, на территории которого оказались ныне фундаменты разрушенного храма: представители Военно-морского флота, прежние прихожане Спаса-на-Водах, заводская администрация. После панихиды о. Богдан произнес проповедь, в которой призвал горожан, моряков и адмиралтейцев восстановить святыню Православия и русского народа — храм Спас-на-Водах.

С 21 по 30 мая в нашем городе по приглашению С.-Петербургской епархии гостила делегация из города-побратима Сиэтла (США) во главе с епископом Винсентом Уорнером. 29 мая делегацию принял митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн.

В дни своего пребывания в городе гости посетили православные святыни Петербурга, больницу блаж. Ксении, Пюхтицкий Успенский женский монастырь в Эстонии.

29 мая 1991 года и. о. настоятеля церкви Воскресения Христова у Варшавского вокзала иеромонах Лукиан (Куценко) отслужил первый молебен у стен бывшей дачи графа Воронцова, что на Петергофской дороге (просп. Стачек, дом 186-а). Здание это православная община просит передать ей, дабы устроить в его стенах церковь свв. мцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

31 мая пожарной охраной опечатан Андреевский собор на Васильевском острове по требованию работников музея этнографии Академии Наук СССР, которые опасаются за сохранность своих коллекций. До сих пор, несмотря на все усилия общины, отдел музея, в котором хранятся черепа, отказывается выехать из собора.

С 24 по 28 мая в Петербурге пребывала делегация церковных властей города Гамбурга, которую возглавил епископ Круше (ЕЛЦ). В праздник Пресвятой Троицы гости из Германии посетили Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры, где после Божественной литургии в торжественной обстановке были приняты Митрополитом С.-Петербургским и Ладужским Иоанном. Накануне праздника делегация посетила Петербургские Духовную Академию и Семинарию, где гости молились за всеобщим бдением в храме св. Иоанна Богослова.

Собор св. Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

1 мая, в среду, в праздник Преполовления Пятидесятницы, Высокопреосвященнейшим Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном была совершена Божественная литургия в Спасо-Преображенском соборе Петербурга, за которой Владыкой был рукоположен во диакона Роман Яцив, назначенный ко служению в Князь-Владимирскую церковь поселка Лисий Нос.

4 мая, в субботу, вечером Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в церкви Владимирской Божией Матери, а на следующий день, в воскресенье 5 мая, совершил Божественную литургию в Казанском соборе города Луги.

11 мая, в субботу, Владыка служил всенощное бдение в гатчинском Павловском соборе. В воскресенье 12 мая Митрополитом Иоанном в том же соборе была совершена Божественная литургия, за которой им рукоположены во диакона — Владимир Седов, во иерея — диакон Михаил Камышев. Оба оставлены служить в Павловском соборе города Гатчины.

14 мая, во вторник, накануне Отдания праздника Святой Пасхи, Митрополитом Иоанном в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры была совершена утренняя. На следующий день, в самый праздник, им была отслужена Божественная литургия в том же соборе.

Вечером 15 мая, в канун праздника Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, Владыка Иоанн служил всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. В самый праздник Вознесения Господня, в четверг 16 мая, Митрополит Иоанн там же совершил Божественную литургию, за которой рукоположил во иерея диакона Владимира Сергиенко, назначенного настоятелем Крестовоздвиженской церкви Петербурга.

17 мая, в пятницу, в храме Тихвинской Божией Матери, в резиденции Владыки на Каменном острове, митрополитом Иоанном были пострижены в монашество: Парамонов Василий Михайлович с именем Николая, диакон Иоанно-Богословского храма Петербургской Духовной Академии и Семинарии Марков Константин Леонидович с именем Никиты, Чорба Анатолий Юрьевич с именем Дионисия и диакон Благовещенского собора Петрокрепости Трегулов Рустик Халимович с именем Пахомия.

18 мая, в субботу, митрополит Иоанн служил всенощное бдение в храме святого прав. Иова Много-

страдального на Волковом кладбище накануне престольного праздника храма. В самый праздник, в воскресенье 19 мая, Владыка совершил здесь же Божественную литургию, за которой рукоположил во диакона Евгения Михайлова, назначив его ко служению в Софийский собор города Пушкина.

В понедельник **20 мая**, накануне праздника св. апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Владыка совершил всенощное бдение в церкви св. Иоанна Богослова Петербургских Духовной академии и Семинарии.

21 мая, в сам праздник, им была там же совершена Божественная литургия, за которой Митрополитом Иоанном монах Дионисий (Чорба) был рукоположен во иеродиакона с направлением в Казанский собор г. Луги, иеродиакон Никита (Марков) — во иеромонаха и назначен настоятелем Покровской церкви в Мариенбурге.

Вечером того же дня, накануне празднования перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар, митрополитом Иоанном было совершено всенощное бдение в кафедральном Николо-Богоявленском соборе. **22 мая**, в самый престольный праздник собора, Владыкой там же была совершена Божественная литургия, за которой он рукоположил монаха Николая (Парамонова) во иеродиакона и назначил его ко служению в Шлиссельбургский Благовещенский собор (г. Петрокрепость), а иеродиакона Пахомия (Трегулова) — во иеромонаха, назначив его настоятелем церкви Воскресения Христова, что у Варшавского вокзала.

В Троицкую родительскую субботу, **25 мая**, Владыка Иоанн служил всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

26 мая, в сам праздник Святой Живоначальной Троицы, престольный праздник собора, Высокопреосвященнейший митрополит Иоанн совершил Божественную литургию в том же соборе. За нею Владыка рукоположил диакона Серафима Сологуба во пресвитера, назначив его настоятелем Вознесенской церкви в Колпине.

Вечером того же дня, накануне праздника Сошествия Святого Духа, Владыка Иоанн служил всенощное бдение в Никольской Большеохтинской церкви, а на следующий день, **27 мая**, в самый праздник, совершил в том же храме Божественную литургию, за которой рукоположил во диакона Андрея Кудряшова, назначенного в Никольскую Большеохтинскую церковь.

Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Благодать Св. Духа есть самое драгоценное для нас благо. Будем дорожить этим сокровищем, избегая всякого греха.

Ныне св. Церковь празднует сошествие благодати Св. Духа на Апостолов. С этого момента начала существовать на земле святая Церковь, ибо благодать есть ее основа. Если бы сошествие благодати Св. Духа не было, то не было бы на земле св. Церкви Христовой. Тогда не было бы и таинств, через которые Церковь преподает верующим сию благодать.

Тогда спасение от греха, проклятия и смерти не могло бы совершаться в нашей жизни; мы не могли бы соединиться со Христом, ибо этим спасающим и соединяющим нас с Богом средством является благодать Св. Духа, и мы были бы обречены на вечные мучения. Вот почему Ап. Павел сказал: «Благодатию вы спасены через веру» (Еф. II, 8).

Если бы на Апостолов не сошла благодать Св. Духа, тогда не воссияло бы в сердцах верующих людей Царство Божие с его святостью и райским блаженством, ибо благодать является основой и Царства Божиего. Недаром тот же Ап. Павел сказал: «Царство Божие... есть правда и мир и радость о Духе Святе» (*Рим. XIV, 17*). Иначе сказать, св. Апостол в этих своих словах говорит, что Царство Божие есть благодать Св. Духа в ее дивных проявлениях праведности, мира и радости. И как же может быть иначе, когда Сам Господь, приточно уподобляя Царство Божие драгоценному бисеру (*Мф. XIII, 46—47*), сокровищу, сокровенному в поле, (*Мф. XIII, 44*), и талантам (*Мф. XXV, 14—30*). Под Царством Божиим, как свидетельствуют св. отцы Церкви, разумел именно эту возрождающую благодать св. Духа, которая сошла на Апостолов в 50-й день, а затем стала сообщаться верующим через таинства Церкви. Отсюда понятно, почему св. Симеон Новый Богослов учит, что возрождающая благодать Св. Духа есть Царство Божие, есть Царство Небесное.

Ясно, что сия благодать является самым великим, самым драгоценным для нас благом. Она была венцом и целью всего Божественного домостроительства в деле нашего спасения. Ради дарования нам сей благодати Господь пролил Свою кровь на кресте. Поэтому-то Он и сказал Своим ученикам: «...Лучше для вас, чтобы Я пошел, ибо, если Я не пойду (на крест и смерть), Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам» (*Ин. XVI, 7*).

Что может быть драгоценнее крови нашего Спасителя? — Ничто не свете. Следовательно, и благодать Св. Духа, дарованная нам кровью Христа, есть самое драгоценное для нас благо.

Спрашивается: какой же спасительный для нас вывод следует из сказанного нам, мои возлюбленные о Христе чада? Если благодать Св. Духа есть самое драгоценное сокровище, то будем дорожить этим сокровищем. Поэтому, получивши от Бога эту благодать через таинства Церкви, будем всецело стремиться к тому, как бы ее не потерять, как бы от нее не отпасть. К сему побуждает нас и св. Ап. Павел, говоря: «Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией» (*Евр. XII, 15*). «Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу с благоговением и страхом» (*Евр. XII, 28*).

Но не только мы должны бояться, как бы не потерять благодати, этого величайшего сокровища. Мы должны стремиться приумножать сию благодать, чтобы сия вскрылась в нас через исполнение божественных заповедей и в нашей жизни были плоды Духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...», о каковых плодах говорит Ап. Павел в своем послании к Галатам (*Гал. V, 22—23*).

Конечно, мы не уподобимся тому лукавому рабу, который получивши от Господа божественный талант, закопал его в землю (*Мф. XXV, 25*); мы приумножим благодать, полученную от Бога, если будем избегать всякого греха. Через грехи благодать Св. Духа оставляет нас, ибо благодать и грех несовместимы, как несовместимы свет и тьма.

«...Какое общение,— говорит тот же Ап. Павел,— праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (*2 Кор. VI, 14—15*).

В особенности будем, возлюбленные, избегать гордости. Она есть мать всех грехов, страстей и пороков. Она ослепляет нас и заставляет нас всегда заблуждаться, всегда грешить, всегда печалиться, унывать, тосковать и еще здесь предвкушать вечную геенну кромешного ада. Поэтому будем всемерно удаляться гордости и ее самого пагубного для нас порождения — осуждения. За гордость и осуждение Господь наказывает нас страшными бедствиями. Он даже предаёт нас постыдным страстям и не прекращает нас наказывать до тех пор, пока мы не смиримся.

Если так губельна для нас гордость, то будем всеми силами своей души стремиться к смирению или к самоосуждению. За это смирение Господь избавляет нас от всех бед и зол, подает нам благодать для неуклонного исполнения Его заповедей, изливает на нас все свои неизреченные милости и соединяет нас навеки с Собою для предвкушения еще здесь Его Божественной радости.

Будем подражать в смирении святым. Несмотря на все свои нравственные совершенства, на все свои благодатные дарования, они считали себя первыми грешниками и не ближних, а самих себя считали виновными во всех своих напастях. Какой великой святости и какой благодатной высоты достиг св. Ап. Павел, но он о себе сказал, что он есть первый из всех грешников (*1 Тим. I, 15*). Какого нравственного совершенства достиг прп. Серафим Саровский и каких изумительных видений и откровений Господь его удостоил. Ему двенадцать раз являлись во всей Божественной славе Спаситель и Пречистая Божия Матерь. Подобно Ап. Павлу он был вознесен до третьего неба и созерцал райские обители. И что же? Незадолго до своей смерти он ходил к приготовленной для него могиле и горько плакал. На вопрос: почему он плачет, прп. Серафим отвечал: «Очень несовершенно прожил свою жизнь». Вот почему он от всего своего сердца с глубоким сокрушением иначе не называл себя, как грешным и убогим Серафимом и особенно любил тех, которые никогда и никого не осуждали.

Пусть нашими первыми учителями в стяжании смирения будут Христа ради юродивые. Они всю жизнь боролись с гордостью. Те похвалы, которые являются губительным порождением тщеславия и гордости, и коих мы так ищем, они ненавидели и даже считали своим позором. Лет тридцать тому назад, в бытность свою архимандритом и ректором Воронежской духовной семинарии, я ежегодно ездил в Задонский монастырь для поклонения мощам Святителя Тихона. Тогда же я посещал и расположенный близ самого Задонского монастыря женский Скорбященский монастырь, в котором жила и действовала великая раба Божия и Христа ради юродивая Лиза. За дивное ее смирение Господь даровал ей великие дары исцеления и прозорливости, очевидцем проявлений каковых даров я лично был. Однажды, будучи в этой женской обители, я увидел Лизу среди монастырского двора, окруженную крестьянскими женщинами. Я подошел к ним. Женщины, обернувшись ко мне и указывая на Лизу, сказали: «Она угадывает», т. е. имеет дар прозорливости. При этих словах Лиза заволновалась, стала ругаться, схва-

тила свою корзинку, наполненную камнями, склянками и всяким мусором и быстро побежала к игумении жаловаться на крестьянских женщин. Игуменья сообщила мне, что Лиза пожаловалась на них за то, что они опозорили ее пред архимандритом, т. е. сказали, что она прозорливая. За такое смирение благодать Св. Духа блистала в жизни этой юродивой своими дивными проявлениями.

Так и в нашей жизни, мои возлюбленные о Христе чада, благодать, полученная нами с момента крещения, будет дивно раскрываться в своих проявлениях, если мы будем смиряться. Тогда эта благодать, как исшедшая от Духа Святого, Духа Истины, предохранит нас от губительных заблуждений, поставит нас на истинный путь спасительной жизни, ибо обогатит нас своим божественным ведением. Тогда ради нашего смирения эта благодать, как исшедшая от Святого Духа, Которого Господь назвал силою (Деян. 1, 8), незримо будет всегда вливать в нас божественную силу для борьбы со грехом и страстями, для неуклонного соблюдения нами всех спасительных заповедей. Тогда божественная благодать, как исшедшая от Духа Святого, Духа Утешителя, будет для нас

источником утешения в скорбях, она далеко отгонит от нас демонский мрак печали, уныния, тоски и отчаяния, навеки соединит нас с Господом, и мы еще здесь будем испытывать райское единение со Христом, а после нашей смерти эта благодать, как одежда Христова, покроет нас от всех бесовских мытарств и введет нас в чертог Христа, в Его Небесное Царство для вечного блаженства.

Сего да сподобит нас Господь Своею благодатью, как истинных причастников Св. Духа по неизреченной любви к нам Своего Божественного Отца и всей Святой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами». Аминь.¹

Архиепископ СЕРАФИМ (Соболев)

¹ Произнесено в Русском Свято-Николаевском храме в г. Софии 30 мая/12 июня 1949 г.

СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА

Собрались в горнице они
И верой в них сердца горели,
И нечто дивное, доселе
Непостижимое для них
Рождено в сознании их.
Чья вдохновляющая речь,
Зерно великой правды сея —
Проникнет в душу фарисея?
Во тьме коснеющим слепцам
Укажет кто зарю Христову?
Чьему возвышенному слову
Доступен путь к людским сердцам?
Кто возвестит им вдохновенье
Высоких помыслов и дум?
И вот, как ветра дуновенье,
Пронесся в небе сильный шум,
Подобный шуму непогоды.
Над их главой разверзлись своды
И опустился в тот же миг
Над каждым огненный язык.

Григоревич

газета «Колокол», Спб., 1906 г.

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Весеннее утро: и блеск и прохлада
И песни веселые птиц;
Вся в зелени церковь; все в блеске народа
И радостью веет от лиц.

И молятся люди молитвой прилежной
Творцу мировой красоты;
И дышат в руках у них свежестью нежной
И льют ароматы цветы.

И с их ароматом к небесному своду
Несутся молитвы сердец;
И верится сладко, что внимлет народу,
Как детям любимым, Отец!

Прекрасный обычай! Как чудно сближенье
Весны и молитвы святой!
Как радуется душу и будит моление
Природа своей красотой!..

Но время проходит, весна улетает,
И годы тускнеют в тиши;
Одна лишь краса неизменно сияет —
Краса непорочной души...

Господь мой и Бог мой! Твой храм возделенный
В душе непорочной, в любви:
О, даруй мне, Господи, дух умиленный
И чистое сердце яви!

С. Пономарев

газета «Колокол», Спб., 1906 г., № 102.

ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Память 6 мая (23 апреля)

«Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его.» (Апок. 3, 5)

Святой Георгий Победоносец — пресветлый юноша на белом коне, поражающий змия, — один из самых любимых героев у православных народов. Сколько построено Георгиевских монастырей и храмов, существует книг, канонических и апокрифов, вплоть до самых невероятных поверий!

Для русской земли святой великомученик Георгий (в старину — Егорий, Юрий) стал небесным покровителем воинства и защитником Православной державы. Щит с изображением белого всадника, налетающего на адского змия, охранял грудь двуглавого орла — герб нашего Отечества. Георгиевским крестом награждались русские солдаты и офицеры за особый подвиг и личное мужество... Охранение Святой Руси от нечестивых захватчиков было частью той «невидимой брани», брани Господней с дьяволом, образ которой заключен в житии и посмертных чудесах святого великомученика Георгия Победоносца.

Жил сей воин Христов при Императоре Диоклетиане, в конце III века. Он родился в Каппадокии, одной из провинций Римской империи, в христиан-

ской семье. Отец его принял мученическую смерть, когда св. Георгий был еще совсем маленьким, и мать переселилась с ним в Палестину, откуда была родом Юноша вырос храбрым, красивым и сильным. Поступив на военную службу, он быстро сделал карьеру и уже к двадцати годам был крупным военным начальником в римских войсках. Однажды св. Георгия вызвали на совет к Императору, где он узнал о готовящемся страшном злодеянии.

Диоклетиан поклонялся богу Апполону и по всякому поводу обращался за предсказаниями к его волшебным треногам. Но треноги стали лгать, и виновниками жрецы указали христиан. Император созвал совет, постановивший истребить всех последователей Христа, населявших империю.

Св. Георгий раздал все свое имущество, явился во дворец и, оставив всякий человеческий страх, обратился к нечестивому совету с такой речью: «Доколе вместо добрых судов и законов вы будете вымещать ярость вашу на невинных и никого не обижавших людях? Или сами познайте истину и научитесь благочестию, или придерживающихся истины и благочестия не смущайте безумием своим. Идолы ваши не боги, не прельщайтесь ложью. Христос есть единый Бог!»

Долго Император пребывал в тяжелом молчании: ему жаль было терять одного из лучших своих воинов. Наконец, он решил образумить его, рисуя радости земной жизни. Но праведник Божий, не боясь «убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10, 28), призвал самого Диоклетиана покаяться и сподобиться Царствия бессмертного. «Ведь то царство, которым ты сейчас наслаждаешься, — сказал он, — есть царство непостоянное, суетное и скоро погибающее.»

Император приказал копьями гнать мученика в темницу, где его заковали в колодки и на грудь привалили тяжелый камень. Всю ночь св. Георгий провел в молитвах. Наутро он предстал перед судом с трудом дыша, но непоколебимый духом и пообещав Императору, что тот первый изнеможет его мучить. Так, с Божьей помощью, и случилось.

Св. Георгия колесовали. Его тело было истерзано ножами, и он потерял сознание. Но внезапно поднялся туман и среди грома послышался голос: «Не бойся, Георгий, я с тобой». Рядом с колесом явился светоносный Ангел и исцелил мученика от ран. В этот час уверовала жена Диоклетиана Царица Александра, а два претора, Анатолий и Протолеон, готовившиеся к крещению, громко исповедовали свою веру и приняли мученическую смерть.

Святого бросили в ров с негашеной известью, но и там, по молитве, он остался невредим. Тогда его обули в раскаленные железные сапоги с гвоздями и погнали в темницу. Диоклетиан же стал гадать о колдовстве, которым исцелялся св. Георгий.

На следующий день он призвал своего искусного волхва Афанасия и велел испытать мученика. Афанасий предложил св. Георгию две чаши: одну — с ядом, другую — с зельем, убивающим волю. Святой помолился и выпил отраву как простую воду. Изум-

ленный Диоклетиан стал допытываться, что за Бог у св. Георгия, и какие Он творит дела. «Слепых просвещает, прокаженных очищает,— начал рассказывать святой,— хромым хождение, глухим слух возвращает, бесов изгоняет, мертвых воскрешает...» «Нет,— прервал его Афанасий,— нельзя воскресить мертвых!» «Что ж,— отвечал св. Георгий,— можете проверить истину моих слов.» Стражники созвали народ, и процессия во главе с Императором направилась на кладбище.

Там как раз хоронили покойника. «Боже веков, Боже милостивый, Боже всех сил и всемогущий,— взмолился св. Георгий.— Не посрами уповающих на Тебя, Господи Иисусе Христе, услышь меня, смиренного раба Твоего в час сей, дай роду сему лукавому знамение просимое и воскреси мертвеца, лежащего во гробе!» Свет померк, началось землетрясение и среди грохота мертвец восстал из гроба.

Сраженный чудом, волхв Афанасий припал к ногам святого и исповедовал Христа. Диоклетиан пришел в неопишемую ярость. Он велел казнить и воскресшего, и волхва, а св. Георгия бросить в темницу.

Много дней мученик находился в заточении, где не переставал творить чудеса. Христиане подкупали стражников и ходили к нему со своими нуждами. Однажды пришел язычник, бедняк по имени Гликерий. У него только что пал единственный вол, которого он просил воскресить. «Иди, Гликерий,— ласково молвил святой,— твой вол жив». Обнаружив свою скотину действительно невредимой, потрясенный крестьянин стал во весь голос славить христианского Бога. Его тотчас схватили и поволокли на казнь. Но до самой смерти Гликерий не переставал славить Бога и только молил, чтобы излияние крови ему вменено было как крещение.

Однажды ночью св. Георгий сподобился видения Самого Христа. Господь одел ему на голову венец и возвестил скорый конец земным мучениям. Наутро узник попросил впустить к себе своего верного слугу. Он заповедовал ему записать о всех своих страданиях, а тело отнести в Палестину. Распростившись со слугою, св. Георгий велел стражникам передать Диоклетиану, что он хочет войти внутрь храма и видеть языческих богов. Входить в жилище богов, кому-нибудь, кроме жрецов, было запрещено обычаям. Но Диоклетиан решил его нарушить, радуясь отречению святого от Христа, и задумал исполнить просьбу мученика принародно.

Войдя в храм, св. Георгий духовными очами сразу распознал бесов, которые прятались в идолах. Усмехнувшись, он обратился к одному из них: «И ты хочешь, чтобы я тебе жертву принес как Богу? Да как вы здесь пребывать дерзаете,— возвысил он голос,— когда пришел служитель истинного Бога?» Бесы бросились вон из храма, уронив всех идолов на пол.

При виде такого зрелища народ толпой устремился к св. Георгию, желая дотронуться хотя бы до одежды чудотворца. Не могла скрывать больше свою веру и Царица Александра. Не имея возможности пробиться сквозь толпу, она взмолилась Богу, чтобы Диоклетиан призвал св. Георгия к себе. Милосердный Господь исполнил ее просьбу, и Царица со слезами пала к ногам мученика. Немыслимая злоба охватила Императора, и он приказал немедленно отрубить голову жене и св. Георгию.

Их повели за город. Дорогою Царица утомилась, присела, приклонила голову к стене и предала дух

своему Богу. Увидев это, св. Георгий прославил Господа, дающего каждому испытание в меру сил его, и радостно продолжал свой путь.

После мученической кончины в 303 году святой Георгий совершил множество чудес. Он был скорым помощником всем несчастным и обиженным, но самым прославленным его чудом стало избавление языческой принцессы от змия.

Около сиропинийского города Вирита в озере поселился змий, который пожирал жителей и отравлял воздух своим ядовитым дыханием. Люди не могли его победить и по совету своих идолов договорились по очереди отдавать чудовищу детей. Настал черед дочери царя. Ее одели в лучшие одежды и послали к озеру на съедение. Горько плакала принцесса, ожидая страшной смерти. Но в этот час ей явился святой великомученик Георгий в образе воина на белом коне с копьем в руках. «Зачем стоишь здесь? Кого ожидаешь?» — спросил ее св. Георгий. Девушка ответила, и воин Христов пообещал спасти ее. Когда чудовище приблизилось, св. Георгий перекрестился и со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — устремился на змия, пронзил его гортань копьем и прижал к земле, а конь поправил его ногами. Потом он велел принцессе связать чудовище поясом и вести в город. Жители испугались и хотели поспрятаться, но святой сказал им: «Не бойтесь ничего, но уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него. Он послал меня к вам избавить вас от змия.» Змий был обезглавлен и сожжен за городом. Царь же и весь народ уверовали в Христа и приняли святое крещение.

С древних времен Православная Церковь указывала на символическое значение этого чуда, раскрывая его как образ неизбежной победы Бога над силами ада. Все в повествовании имеет внутренний духовный смысл. Озеро и змий означают ад и его хозяина дьявола, этого невидимого змия, от которого предостерегает Слово Божие: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5, 8). Язычники — это несчастные грешники, послушные бесам и добровольно предающие свои души дьяволу. Принцесса в царских одеждах — душа человеческая, столь же прекрасная и высокородная, ибо создана она по образу и подобию Божию.

К ней, плачущей грешной душе, и обращается св. Георгий: «Зачем стоишь здесь на краю гибели? Зачем покорно ожидаешь вечных мук? Борись и ничего не бойся, но уповай на Господа Иисуса Христа и веруй в Него!»

Воин Небесный, получивший в Православной Церкви второе имя — Победоносец, указывает путь к победе: обращение к Источнику и Свершителю ее, Иисусу Христу. Сам он — Его посланник на «невидимую брань» с врагом рода человеческого, облеченный по Писанию «во всеоружие Божие, чтобы ... можно было стать против козней диавольских» (Еф. 6, 11). Здесь броней является праведность, щитом — вера, а мечом — Слово Божие.

«Мученик Твой, Господи, Георгий, во страдании своем венец прият нетленный от Тебе, Бога нашего; имеяй бо крепость Твою, мучителей низложи, сокруши и демонов немощные дерзости. Того молитвами спаси души наша» (Тропарь, гл. 4-ый).

О. В. Губарева

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Чудотворные иконы Божией Матери

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМАЯ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

В душеспасительной книге святителя Димитрия Ростовского «Руно Орошенное» есть назидательное повествование об одном грешнике, который получил неожиданную духовную радость покаяния от иконы Божией Матери. Этот случай так полюбился русскому народу, что в память его была написана икона, получившая название «Нечаянная Радость». На ней изображен коленопреклоненный грешник, молящийся перед образом Богородицы и омывающий душу слезами раскаяния.

Этот беззаконник имел правило каждый день молиться Пресвятой Богородице, часто повторяя слова архангельского приветствия: радуйся, Благодатная! Однажды по своему обыкновению перед очередным злодеянием он обратился к Пречистому Образу, но вдруг в страхе увидел, что Пресвятая Дева предстала ему будто живую со Своим Божественным Сыном на руках. У младенца на руках, ногах и в боку стали открываться язвы, и кровь заструилась из них потоками, точно на кресте. При виде этого, грешник повергся на колени и закричал:

— О, Госпожа! Кто это сделал?

— Ты и прочие грешники. Вы снова распинаете Сына Моего своими грехами, как иудеи,— тихо ответила Богородица.

— Помилуй меня, о Матерь милосердия,— зарыдал разбойник.

— Вы называете Меня Матерью милосердия, а сами оскорбляете и огорчаете своими делами.

— Нет, Владычице! — возопил в страхе преступник, — да не преодолеем злорадия моя неизреченную благодать и милосердие Твое! Ты Одна — надежда и прибежище всем грешникам! Преклонись на милость, Благая Мати! Умоли за меня Сына Твоего и Творца моего.

Видя душу, очищающуюся раскаянием, Преблагословенная Матерь начала умолять Сына Своего с такими словами:

— Благоутробный Сын Мой, любви ради Моей, помилуй этого грешника.

Но отвечал Ей Сын:

— Не прогневайся, Мать Моя, что Я не послушаю Тебя. И Я молил Отца Моего, чтобы миновала меня чаша страданий, да Он не послушал Меня.

Снова и снова умоляла Сына Богородица, вспоминая, как вскормила Она Его Своей грудью, как страдала у Его креста. Но не склонялся на милость

Господь. Тогда поднялась Богородица, посадила Своего Сына и хотела припасть к Его ногам.

— Что Ты хочешь сделать, О Мать Моя! — воскликнул Сын.

— Пребуду, — отвечала Она, — лежащей у ног Твоих вместе с этим грешником, пока не простишь ему грехи.

Тогда молвил Сын:

— Закон повелевает сыну почитать мать, а справедливость требует, чтобы законодатель был сам послушен закону. Я — Сын Твой, Ты — Мать Моя: Я должен Тебя почитать, исполняя то, о чем Ты умоляешь. Будет же по Твоему желанию! Ныне прощаются ему грехи Тебя ради! А в знамение прощения, пусть он приложится к Моим язвам».

Встал грешник, с трепетом и радостью коснулся губами пречистых язв Его и пришел в себя. Когда окончилось видение, человек тот ощутил в своем сердце и страх, и радость. Душа его ликовала, слезы потоками текли по лицу. Он припал к иконе, преисполненный благодарности, за дарованное покаяние и прощение, и молил сохранить дар видеть свои пригрешения и иметь помилование. Жизнь его изменилась совершенно и оставалась богоугодной до последних дней.

«Смотри, каково попечение Ходатаицы нашей о прощении согрешений наших! — заканчивает свое повествование св. Димитрий Ростовский, — Слава милосердию Ее, слава неизреченному благоутробию Ее, слава богатству Ее, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Икона, в которой так ярко запечатлелись чаяния народа на милосердное заступничество и помощь Пресвятой Богородицы, была всегда чтима и любима в России. С чудотворных образов, хранившихся в Москве и Киеве, делались списки во многие храмы. В 1913 году недалеко от города Умани была освящена церковь в честь иконы «Нечаянная Радость»: там началось строительство посвященного ей монастыря. И сейчас православные люди, прибегающие к ней с теплой сердечной молитвой, находят себе утешение в скорбях и бедах.

«Днесь вернии люди духовно торжествуем, прославляющие Заступницу усердную рода христианского, и прибегающе к Пречистому Ея образу, взываем сие: О, Премилостивая Владычице Богородице, подаждь нам нечаянную радость, обременным грехи и скорбями многими, и избавь нас от всякого зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего спасти души наша» (Тропарь, гл. 4-ый).

О. В. Губарева

Икона Божией Матери «Нечаянная Радость»

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Прп. Симеон Новый Богослов СЛОВА

Слово девятое

О причастии Святого Духа. О том, что дела добродетели иначе не могут быть несомненными, как только через пришествие Духа, без Которого никто не совершает добродетелей и не может назидать других, или принимать открываемые ему помыслы. Каков должен быть наставник и иерей, принявший свыше власть вязать и решить? О равенности во всем и тождестве Троицы Божества.

Как светильник, хотя бы он был со светильнею и полон елєя, или иного удобовозжигаемого вещества, однако если не прикоснется к огню и не зажжется, будет темень: так и душа. Бог есть Огонь (Евр. 12, 29), и так именуется во всем Богодухновенном Писании. Душа же каждого из нас — светильник. И так, хотя бы она, по нашему мнению, украшалась и всеми добродетелями, но если не прикоснулась к сему Огню, то есть не сделалась причастницею Божественного существа и света, то она еще не возжена и темна, и дела ее сомнительны: ибо необходимо, чтобы Свет сей все обличил и сделал явным. У кого же светильник души еще не таков, то есть не причастен Божественному Огню, тот нуждается в наставнике, или лучше светильнике, который бы освещал, а вместе и рассуждал о действиях его, и чрез исповедание сострадал ему в открываемых согрешениях его и исправлял то, в чем он повсечасно согрешает. Ибо как невозможно, чтобы ходящий ночью не претыкался, так невозможно не согрешать тому, кто еще не взирает на Божественный Свет, как говорит Христос: «аще кто ходит во дни, не поткнется, яко свет-мира сего видит; аще же кто ходит в нощи, поткнется, яко света не имат в себе» (Ин. 11, 9—10); сказав же «в себе», Господь указал на Божественный и невещественный Свет, ибо чувственного никто не может иметь в себе.

И как ходящий во тьме никакой не получает пользы, хотя бы он и держал много прекрасных, но потухших свечей, ибо он ни самого себя ни другого кого либо не видит: так и полагающий, что имеет в себе — если бы это было возможно, и все добродетели, но не имеющий света Святого Духа не может хорошо видеть своих дел, ни быть совершенно уверен, угодны ли они Богу, а также и других не может наставить, или научить воле Божией, ни принять чужие помыслы, пока не стяжет освящающего в нем света, хотя бы от людей поставлен был и Патриархом. Ибо Христос говорит: «ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет, и ходяй во тме, не весть, камо идет» (Ин. 12, 35). И так если он не знает, куда сам идет, как он другим покажет путь? И какая польза, если на подсвечнике поставят светильник потухший, лишенный огня, который бы горел и светил? Не так подобает делать: но как же? Как сказал Сам Высший над всеми Бог: «никто же, светильника вжєг, в скрове полагает, ни под спудом, но на свещнице, да входящий свет видят». (Лк. 11, 33). Сказав сие, Он присовокупляет и признаки того, кто уже сделался светильником и имеет в себе свет, говоря так: «светильник телу есть око» (Лк. 11, 34). Какое око Он под сим разумеет? Конечно — ум, который никогда не будет прост, пока не увидит простой свет. Свет же простой есть Христос.

А кто постоянно имеет Свет Его, сияющий в его мыслях, об том говорится, что он имеет ум Христов. И так когда сие твое око будет просто, то и все безтелесное тело души твоей будет светло; когда же ум будет лукав, то есть помрачен и погашен, то и сие твое тело будет темно. «Блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть» (Лк. 11, 35). Смотри, говорит, не думаешь ли иметь то, чего не приобрел. Видите ли, как и Сам Владыка беседует к Вам вместе с нами, рабами Своими? Смотри, говорит, чтобы ты не ошибся, полагая, что в тебе свет, когда это не свет, но тма. Видите ли, что и мы вещаем к Вам, братьям нашим, тоже самое, что и Владыка, и не говорим ничего извращенного или худого? Ибо мы говорим: смотрите, братья, чтобы, когда-нибудь думая быть в Боге и полагая иметь общение с Ним, вы не оказались вне Его и отлученными от Него за то, что еще здесь не видите Света Его. Ибо если бы Он коснулся светильников ваших, то есть ваших душ, то ясно возсиял бы в вас, как сказал Сам Бог и Господь наш Иисус Христос: «Аще убо тело твое все светло, не имый некия части темны, будет светло все, яко же егда светильник блистанием просвещает тя» (Лк. 11, 36). Какое другое свидетельство большее сего привести к удостоверению вашему? Если же не поверишь Владыке, то как, скажи, будешь иметь веру мне, подобному тебе рабу?

Но что сказать тем, которые любят быть важными лицами и хотят быть поставленными в Иереи, Архиереи и Игумены и воспринимать чужие помыслы, и говорят, что они достойны власти вязать и решить; когда вижу, что они не знают ничего из необходимых и Божественных предметов, не учат сему других и не вводят в свет разума? Что иное, как не то, что говорит Христос Фарисеям и Законникам: «яко взясте ключ разумения, сами не внидосте, и внити хотящим возбраните» (Лк. 11, 52). А что иное есть ключ разумения, как не благодать Святого Духа через веру даруемая, которая через просвящение открывает в нас истинный разум и познание и отверзает затворенный и покровенный наш ум, как я часто многими притчами и гаданиями (иногда) же ясными словами говорил вам и теперь опять скажу.

Не будем обольщать самих себя и не соблудим в делах наших, ходя в след похотей плоти нашей, поставляя самих себя учителями и восходя на Игуменство, Священство и Архиерейство с презрением Бога и своего спасения. Ибо когда Иисус сказал Никодиму: «Аще кто не родится свыше, не может царствия видети Божия», а Никодим отвечал ему: «како может человек родиться стар сый? Еда может второе внити во утробу матери своя и родиться?» то Иисус укорил его и сказал: «ты еси учитель Израилев, и сих ли не веси?» (Ин. 3, 3.4—10). Хотя он еще вовсе не веровал и не знал благодати. Сколь же великого осуждения достойны мы, учителя по благодати и не ведущие благодати, столько насладившиеся учения и всякий день поучаемые Апостолами, (Пророками) Учителями, Самим Господом и слышащие свидетельства их? Ибо если мы не знаем, каким образом нам должно проводить жизнь и в каких добродетелях прежде всего воспитывать себя, чтобы представлять самих себя рабами правде, как перед Господом, а не перед людьми предстоящих, и обещавшимися служить непорочно Богу (живому) не ведаем и того, какими и каковыми мы сперва должны быть, чтобы начальствовать над другими: то как, скажи мне, вручена нам будет стража Владычного стада и попечение о нем?

Как оное упасем по воле Архипастыря Иисуса Христа и изведем на пажити вечно живые? Но о нечувствие наше и презрение Бога и всего Божественного! Ибо, заткнувши уши, как аспид, как будто оглохши, и онемевши подобно мертвым, и ослепшие душевными чувствами, ни чувством не ощущаем того, что говорится, ни того, что есть Христианство, не понимаем, ни тайны промысла Божия, не разумеем и не знаем в точности таинств Христиан, а других поучаем о свете разума, даже еще более, — безстыдно покушаемся показывать прочим и самый свет разума. Разум сей не есть свет; но Свет сей есть разум, ибо «из Того, и Тма и в Нем всяческая» (Рим. 11, 36). Отрицаясь же Его зрения, мы явно показываем, что мы ни рождены, ни произошли в свете, сходящий свыше, но еще в чреве носимые младенцы; или, лучше сказать, выкидыши, а домагаемся священных мест, и восходим на Апостольские престолы. А что всего хуже, не страшась Бога, большею частью деньгами покупаем священство; и никогда не бывши овцами, желаем, подобно Пастырям, пасти царское стадо, и это для того только, чтобы, на подобие зверей, наполнить чрево свое и совершить все, чего требует порочное желание и похотение и вожделение дольняго. Таковы ли, братья, были сначала Апостолы? Таковы ли преемники Апостолов? Таковы ли наши отцы и учителя? Увы, какая страшная дерзость таковых! Они, взирая к одному ковчежцу, не только через тленные деньги становятся предателями и святотатцами, но еще осмеливаются прикасаться и к самому Божественному богатству, и потому не стыдятся говорить: наше есть вязать и решить, и сию власть мы приняли в настоящей жизни свыше. О безстыдство, чтобы не сказать, крайнее безумие! От кого, скажи мне, и за что получил ты свыше власть сию? За то ли, что оставив все последовал Христу? За то ли, что презрел земную славу? За то ли, что стал смирен духом? за то ли, что продав все, роздал бедным? За то ли, что погубил душу твою, то есть умертвил ее для мира и не обрел ее ни в одной плотской похоти? Или и ты, как древле ученики Христовы, слышал от Него, дунувшего на тебя и сказавшего: «прими Дух Свят, имже отпустиши грехи, отпустятся им, и имже удержиши удержатся» (Ин. 20, 22—23)? Но ты говоришь, что власть эта принадлежит Иереям. Знаю и я, что это подлинно так. Но не всем равно так называемым Иереям, а тем, которые, согласно с волею Божиею, священнодействуют Евангелие в духе смирения, проводят непорочную жизнь, которые сперва себя представили Господу, и внутри храма тела своего духовно приносят жертву совершенную, святую, благоугодную, чистое служение свое (Рим. 12, 1), которые приняты и поставлена на горнем жертвеннике, и Архиереем Христом принесены, как совершенное приношение, Богу и Отцу и искуплены (и силою Духа Святого претворены и изменены) и преобразены во Христа, нас ради умершего и воскресшего во славе Божества; которые в совершенном смирении ночь и день каются и плачут и молятся со слезами не только о себе, но и о вверенной им пастве и о всех в мире Святых Божиих Церквах. И не это только, но горько плачут пред Богом и о чужих грехах; ничего сверх необходимости не употребляют, телу нисколько не угоджают и о наслаждении телесном ни мало не пекутся, но как писано: «Духом ходят и похоти не совершают плотския» (Гал. 5, 16); кроме сего в деле правды и заповедей Божиих не оказывают предпочтения ни нищему, ни богатому, ни началь-

нику, не подчиненному, ни даже тому, кто увенчан диадемою; и ни под предлогом милости, ни ради даров, ни из страха, или любви, ни ради другой какой-либо вещи или побуждения не уступают и не нарушают заповеди Превышнего Бога. Таковым принадлежит власть вязать и решить, священнодействовать и учить, а не тем, которые только от людей получают избрание и рукоположение. «Никто же бо сам о себе приемлет честь, но званный от Бога» (*Евр. 5, 4*). Не сказал святой Апостол: получивший избрание от «людей», но «от Бога» на сие предуставленный и рукоположенный. Ибо (поставляемые) от людей и людьми суть тати и разбойники, как сказал Господь: «Аз есмь дверь. Все, елико их прииде, и приходят не Мною, но прелазяще инуд, татие суть и разбойницы» (*Ин. 10, 9, 8, 1*).

Не обольщайтесь, братия, пребывающий во тьме находится вне двери; кто и думает, что вошел, но если не светом вошел, и тот находится вне ограды. Ибо если Христос есть свет мира и дверь (*Ин. 10, 9, 8, 12*), то всячески дверь световидная (а не просто только дверь), и вошедший в нее, вошел в свете мира. Ключ же сей двери есть Святой Дух. «Приимите, — говорит Господь, — Дух свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им, а имже держите, держатся» (*Ин. 20, 22, 23*). «Дом же есть Отец, ибо в дому Отца моего многи обители суть» (*Ин. 14, 2*). Вникни же внимательно в смысл этих слов. И так если ключ сей не отверзет, — «сему сказано, дверник отверзает» (*Ин. 10, 3*) — то дверь сия не отверзается. Если же дверь сия не отверзается, то никто не войдет в дом Отца, как говорит Христос: «никто же приидет ко Отцу токмо Мною» (*Ин. 14, 6*). А что Дух Святой сперва отверзает ум наш, научая нас об Отце и Сыне, Он опять сказал: «егда же приидет Он, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне, и наставит вы на всяку истину» (*Ин. 16, 13; 15, 26*). Видишь ли, как Духом, или точнее в Духе Отец и Сын познаются нераздельно. И опять «Аще бо Аз не иду, Утешитель, говорит, не придет к вам. Егда же придет Он, воспомянет вам вся» (*Ин. 16, 7; 16, 13; 14, 26*). И опять «Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте. И Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами во веки Дух Истины» (*Ин. 14, 15, 16*). И немного спустя: «в той день, то есть когда Дух Святой придет к вам, уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне и Аз в вас» (*Ин. 14, 20*). И опять: «Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститься Духом Святым» (*Деян. 1, 5*); и справедливо. Ибо если кто Духом Святым не крестится, то он не может быть ни сыном Божиим, ни сонаследником Христовым. Но и Петру говорит Господь: «Дам ти ключи Царства Небесного» (*Мф. 16, 19*), по истине не медные или железные ключи, но ключи, соответственные одному дому. Каков же оный дом, услышь от Павла в послании к Тимофею: «Завещаю ти пред Богом оживляющим всяческая и Христом Иисусом»; и немного спустя: «Блаженный и един сильный, Царь царствующих и Господь господствующих, Един имеяй безсмертие, и во свете живой неприступным» (*1 Тим. 6, 13, 15—16*). Ибо если сей дом есть неприступный свет, то очевидно, что и дверь сего дома также есть свет неприступный. Если же ты скажешь, что одно приступно, а другое неприступно, то неприступное истребит приступное, и ключ тот никогда не мог бы отворить, если бы и он не был неприступен и того же естества; иначе он будет сожжен дверью, или

дверь домом, и дом будет равно для всех неприступен; паче же если Святая Троица разделится на приступное и неприступное и большее и меньшее, то и вера наша разорится.

Смотрите же, чтобы слыша сие и принимая уподобления от чувственных домов и дверей, вы не составили в уме своем какой-либо телесный образ и чтобы душа ваша не впала в недоумение и в хулу; но все Благолепно и добро рассматривая в себе, если можете, по слову разума и закону, найдете, что объяснено все правильно; если же уразуметь сие так Боголепно не можете, то примите сие одною верою и отнюдь не пожелайте много испытывать. Ибо ключем называем Духа Святого, потому что от Него и в Нем сперва осияемая в уме и, будучи очищаемы, просвещаемы светом разума, крещаемся светом разума, крещаемся свыше, возраждаемся и становимся чадами Божиими, как говорит Павел: «Сам Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанymi» (*Рим. 8, 26*); и опять: «Даде Бог Духа Своего в сердца наша вопиющая Авва Отче» (*Гал. 4, 6*). И так Он (Дух Святой) показывает нам дверь, потому Он есть свет; дверь же сия, (Сын Божий) показывает нам, что и Живущий внутри дома также есть Свет неприступный. Не иной же есть Бог живущий (в доме) и иной Свет — Дом Его, также как не иной есть Бог и иной Свет — Божества Его: но Он Единый есть Дом и Живущий в Доме, также как Он же есть и Свет и Бог. Богословски же и Сын называется Домом, как и Отец, ибо Он говорит: «Ты Отче во Мне, и Аз в них, и тии во Мне, и аз Отче в Тебе, да Едино будем» (*Ин. 17, 21, 23*). И Дух таким же образом; ибо сказано: «вселюся в них, и похожу» (*2 Кор. 6, 16*). «Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим» (*Ин. 14, 23*), то есть чрез Св. Духа, как Павел говорит, Дух есть Господь (*1 Кор. 12, 4, 5*). Не то что Святой Дух есть Сын: отступи от хулы сей; но то сие значит, что Сын Божий зрится и усматривается в Святом Духе. И так если Св. Дух есть Господь, и Отец в Нем, и Он в нас, то также опять мы в Нем, и Он с Богом Отцем и Бог в Нем.

Если нужно сказать что-либо с большею точностью, то выходит: где что-либо говорится об одном лице в том же усматривается и два; ибо сии Три (Лица) суть в тождестве, и познаются в едином существе и естестве и царстве. И так что говорится об Одном, сие по естеству усматривается и в прочих, кроме сего: Отец и Сын и Святой Дух, то есть кроме того: рождать и рождаться и исходить; ибо одни сии (свойства) непрекословно последуют Св. Троице ипостасно и по естеству. Изменения же или переставления или перемены в Них имен не возможно нам помыслить, или сказать. Ибо в сих именах познаются Три Лица, и в этом ни Сына нельзя поставить прежде Отца, ни Духа Святого прежде Сына; но говори совокупно так: Отец, Сын и Святой Дух, не допуская в Них какого-либо разсечения относительно времени, даже до малейшего мгновения, потому что вместе с Отцом есть и Сын рожденный и Дух исходящий. Во всем же другом одно и то же название или уподобление усматривается и в каждом из Трех. Например: если скажешь Свет, то и каждое из Них есть Свет, и Три суть единый Свет. Равным образом каждое из сих (Лиц) — Сын и Дух и Отец есть вечная Жизнь, и Три сии единая Жизнь. Также Бог и Отец есть Дух, и Господь есть Дух, и Дух Святой есть Бог. Каждое из сих (Лиц) есть Дух, и вместе Три сии (Лица) суть

единый Дух. И Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог; каждое из сих (Лиц) есть Бог, и вместе Три Сии Единый Бог. Каждое (из Трех Лиц) есть Господь, и Три Сии единый Господь, сущий над всеми Бог. Бог есть Создатель всего. Каждое (из Трех Лиц) есть Создатель всего, и Сие (Три) единый Бог Творец всех. Говорит же и Ветхое Писание: «в начале сотвори Бог небо и землю» (*Быт. 1.3*). Это слово должно разуметь об Отце. И Давид говорит: «Словом Господним небеса утвердишася» (*Псал. 32, 6*): сие, как мы познали, сказано о Сыне. «И духом уст Его вся сила их» (*там же*), а это мы относим к Святому Духу. И Иоанн, Сын Громов говорит в Евангелии: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу», т. е. Отцу, «и Бог бе Слово», т. е. Сын, «Вся тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть» (*Ин. 1, 1; 3*).

И так научитесь всему этому, именующиеся чадами Божиими, молю вас, считающие себя Христианами, учащие иных пустым словам и думающие начальствовать, — но ложно. Священники и иноки, вопросите старце и Архиереев ваших, соберитесь вкупе, и с любовью Божиею, и постарайтесь сперва делом научиться сему и испытать сие, а потом желайте еще когда-либо и увидеть (сие) и на самом деле быть Богоподобными; а не только об одном внешнем образе и одежде пекитесь; и тогда уже принимайте Апостольский сан, чтобы не услышать вам, еще не разумеющим таин Божиих и безрассудно устремляю-

щимся на начальство над другими: «горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни; горе полагающим свет тму, и тму свет» (*Ис. 5, 21, 20*). И так молю вас, братия о Христе, в созидании добродетелей положите сперва основанием благо смирения, потом чрез подвиги благочестия воздвигайте дом разумения таин Божиих и освещайтесь Божественным светом, и очищенным оком сердца узрите Бога, сколь возможно нам, человекам, и чрез сие тайно научитесь совершеннейшим тайнам Царствия Небесного; и тогда уже, от сего разума, даруемого свыше Отцом светов, выйдите на слово учительства, и научайте ближних наших, «что есть воля Божия благая и совершенная и угодная» (*Рим. 12, 2*), да учением нашим приведем «люди избранные» (*Тит. 2, 14*) Богу, рукоположившему нас Духом Своим Святым во учителя Церкви Своей, чтобы нам не быть изверженными из чертога Христова, как презрителям и неимеющим брачной одежды, но напротив как мудрым домоправителям право правящим слово учения к братьям нашим, а прежде сего хорошо устроившим собственную нашу жизнь, невозбранно войдти туда со светлостью жития и разума небесного, световидные и исполненные Святого Духа, и чтобы нам царствовать вместе со Христом, наследуя с Ним Царство Бога и Отца в Святом Духе, вечно живом и безсмертном Источнике и Жизни, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. А ми н ъ.

П. А. Вяземский МОЛИТВА АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ

Научи меня молиться,
Добрый ангел, научи!
Уст твоих благоуханьем
Чувства черные смягчи!
Да во глубь мою проникнут
Солнца вечного лучи,
Да в груди моей забьются
Благодатных слёз ключи!
Дай моей молитве крылья,
Дай полёт мне в высоту;
Дай мне веры безусловной
Высоту и теплоту!
Неповинных, безответных
Дай младенцев простоту
И высокую святую
Нищих духом чистоту!
Дай стряхнуть земные узы
С прахом страннических ног,
Дай во мне угаснуть шуму
Битв житейских и тревог!
Да откроется тобою
Мне молитвенный чертог,
Да в одну сольются думу
Смерть, бессмертие и Бог.

* * *

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биением.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею пречистою кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

К. Р. (Вел. Князь Константин Константинович).

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

АРХИЕПИСКОП ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ)

(1886—1929 гг.)

Архиепископ Иларион (в миру Василий Александрович) родился в 1886 году в семье священника с. Липицы, Серпуховского уезда Московской губернии. Его отличало большое прилежание и любовь к обучению. Он превосходно учился, начиная с духовного училища и кончая Духовной академией, которую он окончил в 1910 году со степенью кандидата богословия. «Очерки из истории догмата о Церкви», одна из первых крупных его богословских работ, за которую он получает степень магистра богословия. В стенах обители прп. Сергия Радонежского 28 марта 1913 года он принимает монашеский постриг с именем Илариона, а затем вскоре был рукоположен во иеромонаха. В этом же году он становится инспектором Московской духовной академии, его утверждают в звании экстраординарного профессора по Священному Писанию Нового Завета и возводят в сан архимандрита. Впоследствии он был удостоен ученой степени доктора богословия. Архимандрит Иларион был выдающийся богослов, проповедник и церковный деятель русской православной церкви. Его труды характерны церковным направлением, неустанной борьбой со схоластикой и специфическим латинством, проникшим в наше богословие с митрополита Петра Могилы. Его идеал — это церковность духовной школы и богословской науки. Его постоянное напоминание: вне Церкви нет спасения, вне Церкви нет таинств. Его по праву можно назвать богословом церкви, т. к. большинство его богословских работ были посвящены именно раскрытию православного учения о церкви. Он стал богословом церкви не только в своих творениях, но и в своей жизни и деятельности. Архимандрит Иларион был горячим сторонником восстановления патриаршества, и как член Поместного Собора 1917—1918 г., вдохновенно выступал на Соборе в защиту Патриаршества. 12 мая 1920 г. архимандрит Иларион был хиротонисан во епископа Вереяского, викария Московской епархии. Его современники рисуют его портрет светлыми красками. Он молодой, жизнерадостный, всесторонне образованный, прекрасный церковный проповедник — оратор и певец, блестящий полемист с атеистами, всегда естественный, искренний, открытый. Физически очень сильный, высокого роста, с широкой

грудью, имел пышные русые волосы, ясное, светлое лицо. Любимец народа, он был блестящий проповедник-оратор. Его проповеди звучат с амвонов церквей, словно колокол, призывая народ Божий к вере и нравственному обновлению.

Епископ Иларион пользовался большим авторитетом среди духовенства и своих собратьев — епископов, называвших его за ум и твердость в вере — «Великим».

В июне 1923 года Патриарх возводит епископа Илариона в сан архиепископа.

В период, когда обновленцы ведут борьбу с церковью, архиепископ Иларион становится на ее защиту и отдает этому все свои силы. Он занимается восстановлением церковной организации, составляет ряд патриарших посланий. Для обновленцев он становится грозой и неотделим от Святейшего Патриарха Тихона. В декабре 1923 года архиепископ Иларион был осужден в Соловки, так вместе со всей церковью начинается его крестный путь.

И здесь, в Соловецком лагере, архиепископ Иларион остается верным богословом Церкви Христовой, ее исповедником и мучеником. Те, кто в это время находились в Соловках вместе с ним, являлись свидетелями его полного монашеского нестяжания, глубокой красоты, подлинного смирения, детской кротости. Владыку Илариона очень веселила мысль, что Соловки есть школа добродетелей — нестяжания, кротости, смирения, воздержания, терпения, трудолюбия. Однажды обокрали прибывшую партию духовенства, и отцы сильно огорчились. Один из заключенных в шутку сказал им, что так их обучают нестяжанию. Владыка Иларион от этой шутки был в восторге. В смутное время, когда после обновленческого раскола проникли разногласия и в среду ссыльных архиепископов на Соловках, архиепископ Иларион явился настоящим миротворцем среди них. Он сумел на основе Православия объединить их между собой. Владыка Иларион был в числе епископов, выработавших в сентябре 1927 года текст так называемого «Послания соловецких епископов» — послания, имевшего громадное значение в борьбе с возникшими тогда разделениями. Как богослов Церкви, архиепископ Иларион, мыслил и утверждал, что только при соборности Церкви произойдет умиротворение церковное, вызванное обновленчеством и расколами, и утвердится нормальная деятельность Русской Православной Церкви в новых условиях — советского государства.

Крестный путь его завершился в декабре 1929 года. Он был отправлен на вечное поселение в Среднюю Азию, в Алма-Ату. По дороге его обокра-

ли, и в Ленинград он прибыл в рубище, кишасшем паразитами, и уже больным. Из тюремной больницы в Ленинграде он писал: «Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге, в субботу 15 декабря, решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу».

В больнице ему заявили, что его надо обрить, на что Преосвященный ответил: «Делайте со мной что хотите». В бреду говорил: «Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет».

Ангел смерти стоял уже у главы страдальца. За несколько минут до кончины к нему подошел врач и сказал, что кризис миновал, и что он может поправиться. Архиепископ Иларион едва слышно прошептал: «Как хорошо! Теперь мы далеки от...» И с этими словами исповедник Христов скончался.¹

Владыку Илариона похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря, недалеко от могил родственников архиепископа, впоследствии Патриарха Алексия.

Вся жизнь архиепископа Илариона Троицкого была наполнена верой и любовью к Церкви Христовой, он стал ее богословом, мучеником и исповедником.

Н. К. Симаков

¹ Вестник Ленинградской духовной академии 1990, № 2. Архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн (Снычев). «Церковные деятели Русской Православной Церкви 20—30 годов», стр. 35.

Архиепископ Иларион (Троицкий)

ТРИЕДИНСТВО БОЖЕСТВА И ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Да будут едино, якоже и мы» (Ин. 17, 11). Так молился Господь Иисус Христос Своему небесному Отцу в последний день своей земной жизни пред спасительными страданиями. Христос основал Церковь, новое общество людей, в котором они должны объединяться между собою каким-то особым внутренним и духовным единением. Царство Христово не то, что царства земные, где люди объединены искусственными юридическими нормами, но могут быть в то же самое время совершенно разъединены друг от друга всем своим существом, всей своей нравственной природой. Сам Христос единство верующих уподоблял органическому единству ветвей одного дерева (Ин. 15. 1—7). В последнем же Своем молитвенном торжественном обращении к Отцу Христос указывает как бы идеал церковного единения спасенного Им человечества. Таким идеалом в словах Христа является то существенное единство, которое три Божественных Лица соединяет во Единое Трипостасное Божество. Божество — Троица во Еди-

нице. Спасенное человечество, т. е. Церковь должна быть единственной во множестве.

Великие отцы Церкви не мало любознательствовали об этом подобии церковного человечества единству лиц Пресвятой Троицы и богословские созерцания их богопросвещенного ума могут дать нам многое для уразумения истины троичности Божества и единства человечества в Церкви. Главнейшие из этих святоотеческих созерцаний мы и представим в настоящей очерке, сопровождая их необходимыми разъяснениями.¹

Мысль о единстве человечества в Церкви по образу триединства Божества мы встречаем еще у ранних церковных писателей, начиная со среды третьего века. Первый святоотеческий труд, специально посвященный вопросу о Церкви, это трактат св. Киприана, епископа Карфагенского, «о единстве католической Церкви». Всю свою литературную деятельность св. Киприан посвятил преимущественно раскрытию понятия о Церкви, а всю свою церковную

деятельность, запечатленную блаженной мученической кончиной, — защите единства Церкви от покушений «зломыслящих еретиков и раскольников». Вся вселенская Церковь для св. Киприана есть некоторое особое единство. «Бог заповедует, чтобы в доме его жили только мирные, согласные и единоклубные. Он хочет, чтобы возрожденные и остались такими, какими Он сделал их вторым рождением, чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божиим, — чтобы у нас, у которых один Дух, было одно сердце и чувство. Для Бога большая жертва — наш мир и братское согласие, народ, соединенный в единстве Отца и Сына и Святаго Духа».¹

Члены тела и совокупляются в единстве вселенской Церкви и связываются узами христианской любви.² Церковь есть единоклубный и согласный народ Божий.³ «Сынам Божиим надлежит быть миротворными, кроткими сердцем, простыми в слове, согласными во взаимной расположенности, верно сопряженными друг с другом союзом единоклубия. Такое единоклубие было когда-то при апостолах: так новый народ верующих, соблюдая наставления Господа, держался взаимной любви. Это подтверждает Божественное Писание, которое говорит: народу же верующему бе сердце едино и душа едина (Деян. 4, 32)».⁴ «Вот что значит быть истинными чадами Божиими по духовному рождению! Вот что значит подражать, по небесному закону, правде Бога Отца».⁵ А затем истина единства всего человечества в Церкви поставляется в прямую связь с истиной Божественного Троиинства. «Христос молился Отцу за всех, говоря: не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут, якоже Ты, Отце, во мне и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут (Ин. 17, 20, 21). Велика благодать и любовь Господа в устроении нашего спасения! Не довольствуясь тем, что искупил нас Своею кровию. Он еще и просил за нас! А прося, смотрите, какое Он имел желание: да и мы пребываем в том самом единстве (in ipsa unitate), в каком Отец и Сын едино суть».⁶ «Господь говорит: Аз и Отец едино есма (Ин. 10, 30). И опять об Отце, Сыне и Святом

Духе написано: и сии три едино суть (1 Ин. 5, 7)! Кто же подумает, что это единство, основывающееся на непременимости Божественной и соединенное с небесными таинствами, может быть нарушено в Церкви и раздроблено разногласиями противоборствующих желаний? Нет, не хранящий такового единства не соблюдает закона Божия, не хранит веры в Отца и Сына, не держится жизни и спасения».¹ «Господь, внушая нам, что единство Церкви происходит от Божественной власти, утверждает и говорит: Аз и Отец едино есма (Ин. 10, 30), и, направляя Свою Церковь к такому единству, прибавляет: и будет едино стадо и один пастырь (Ин. 10, 16)».² Таким образом, для св. Киприана единство Лиц Пресвятой Троицы есть основание единства церковного. Воля Божия такова, чтобы в Церкви люди пребывали в том самом единстве, в каком пребывают от вечности три Лица Божественной Троицы; к этому именно единству направлял Господь Иисус Христос Свою Церковь. Свой новый народ, возрожденный Его пришествием на землю. Св. Киприан видит выражение церковного единства в общей молитве, в благотворительности, в единстве веры и в единстве епископства. Все добродетели христианские поставлены у св. Киприана в связь с догматическим учением о единстве Церкви, а в основе этого учения лежит истина триединства Божества. Следовательно, вся христианская мораль в творениях св. Киприана есть нравственное следствие догмата о триединстве Божества, следствие, выведенное чрез посредство учения о Церкви. Истина Церкви как бы стоит между догматом о Пресвятой Троице и христианским нравоучением.

Из того же третьего века Анастасий Синаит сохранил нам такой отрывок из писаний св. Мефодия Патарского. «Три прородительския главы всего человечества, эти единосущныя лица, были прообразовательно некоторым подобием святой и единосущной Троицы, именно не имеющий (земного) виновника своего бытия и нерожденный Адам представлял образ и подобие безначального Виновника всего, Вседержителя Бога и Отца, рожденный же сын его — представлял образ рожденного Сына и Слова Божия, а происшедшая (от него) Ева означала исходящее лице Святаго Духа».³ Здесь, как видим, утверждается единство прародительских глав всего человечества, оне названы даже единосущными лицами, и это единство родоначальников человечества почитается некоторым подобием единосущной Троицы.

Но особенно часто и весьма настойчиво проводилась параллель между единством человечества и единосущием Лиц Пресвятой Троицы во время догматических споров о догмате Троицы, в IV-ом веке, когда об этом догмате говорили даже на площадях и рынках. Вся Церковь была потрясена еретическим учением Ария. Интеллигенту наших дней, безразлично относящемуся к вопросам своего спасения, совершенно неразумеваящему даже азбуки богословия и церковной жизни, догматические дви-

¹ В русской богословской литературе на мысль об единстве церковного человечества по образу существенного единства Лиц Пресвятой Троицы еще 20 лет назад указал Архиепископ Антоний (Храповицкий) в своей статье: «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы», а потом и в статье: «Нравственная идея догмата Церкви». Но до сих пор не исполнена работа, указанная нашим богословом, — проверка этой мысли по святоотеческим творениям (см. Полное собрание сочинений, т. 2, изд. 2. СПб. 1911, стр. 76, прим. 1). Нижеследующее и да будет попыткой собрать святоотеческий материал, подтверждающий основную мысль указанных статей глубокопочтимаго Святейшего и богослова Российской Православной Церкви.

¹ О Молитве Господней, гл. 23. Творения, ч. 2 (Киев, 1891), стр. 217.

² Письмо 36 к Корнелию, гл. 1. Творения, ч. 1, стр. 197.

³ Письмо 59 к Стефану, гл. 2. Творения, ч. 1, стр. 330.

⁴ О единстве Церкви, гл. 24, 25. Творения, ч. 2, стр. 197.

⁵ О благотвор. и милостынях, гл. 25. Творения, ч. 2, стр. 288—289.

⁶ О молитве Господней, гл. 30. Творения, ч. 2 стр. 221.

¹ О единстве Церкви, гл. 6. Творения, ч. 2, стр. 181.

² Письмо 62 к Магну, гл. 5. Творения, ч. 1, стр. 363—364.

³ Mai. Scriptorum veterum collectio. t. 9. p. 619. Русск. перев. проф. Е. Ловягина в полном собрании творений св. Мефодия. 2-е изд. СПб. 1905, стр. 287.

жения IV-го века нередко кажутся лишь ненужной игрой праздной иерархии, чрезмерно увлекшейся диалектическим искусством. Но Церковь знала, что такое была Ариева ересь и чем грозила она религиозной жизни человечества. При общей напряженности церковной жизни все прекрасно понимали, что с искажением истины Троицы должна непременно погибнуть нравственная жизнь человечества, которое будет тогда лишено надежды на обновление и возрождение, ибо не может человек сделаться бессмертным и нетленным без воплощения бессмертного и нетленного Единородного Сына Божия, Единосущного Богу Отцу.

Величайшие отцы Церкви стояли во главе догматических движений IV-го века. В блестящем созвездии отцов IV-го века наиболее яркой звездой был св. Василий Великий. Григорий Богослов и Григорий Нисский сами считают себя учениками Василия.¹ Но у св. Василия мы и встречаем мысль о единосущности человечества, подобном единосущию Лиц св. Троицы, именно в его письме к брату Григорию, вскоре по его посвящению в епископа Нисского, «о различии сущности и ипостаси». Здесь св. Василий пишет: «Одни именованья, употребляемые о предметах многих и численно различных, имеют некое общее значение; таково например имя: человек. Ибо произнесший слово сие, означив этим именованьем общую природу, не определил сим речением одного какого-нибудь человека, собственно означаемого сим именованьем: потому что Петр не больше есть человек, как и Андрей, и Иоанн, и Иаков... Другия же именованья имеют значение частное, под которым разумеется не общность природы в означаемом, но очертание какого-либо предмета по отличительному его свойству... Таковое речение ни мало не относится к общему естеству, но изображает именами понятие о некоторых определенных предметах, отделив их от собирательного значения».² Подобное, по мысли св. Василия, можно сказать и о Пресв. Троице. «Какое понятие приобрел ты о различии сущности и ипостаси в нас, перенеси оное и в божественные догматы,— и не погрешись».³ Единство Лиц Святой Троицы состоит в том, что «есть между ними некое неизреченное и недомыслимое как общение, так и разделение; ни разность ипостасей не расторгает непрерывности естества, ни общность сущности не сливает отличительных признаков».⁴ Последние слова характеризуют отношение между Лицами св. Троицы. То же следовало бы сказать и о церковном обществе, но современная св. Василию действительность не позволяла ему этого сделать. Догматические споры разделили церковное общество на несогласные друг с другом части, и, конечно, трудно было даже мыслить аналогии между взаимными отношениями Лиц Св. Троицы с одной стороны, и членов Церкви с другой. Св. Василий

выставлял для Церкви своего времени идеал тела. Церковь должна быть единым телом. Но откуда же несоответствие между взаимоотношением Лиц Троиединого Божества и взаимными отношениями членов единой Церкви? Оттуда, отвечает св. Василий, что единое человеческое естество рассечено грехом на множество враждующих частей. Воплощение на земле Единородного Сына Божия открыло возможность восстановления единства естества человеческого. Если люди следуют Христу, то они достигают того состояния, когда их множество не разделяет единого естества, и человечество, поскольку, конечно, возможно это для существ ограниченных, уподобляется Троиединому Божеству. Осуществление этого идеала церковного или хотя бы приближение к нему Св. Василий видит в монашеских общинах, где люди свободно объединяются настолько, что ясно видно их единое естество, которого не разрушает и которому ничуть не противоречит существование отдельных личностей. «Что равняется сему житию? Но что и блаженнее оного? Что совершеннее такой близости и такого единения? Что приятнее этого слияния нравов и душ? Люди, подвижнившиеся из разных племен и стран, привели себя в такое совершенное тождество, что во многих телах видится одна душа, и многия тела оказываются орудиями одной воли. Они в равной мере и рабы, и господа друг другу, и с непреодолимой свободой взаимно оказывают один перед другим совершенное рабство,— не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающею в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостью производится свободой произволения, когда любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет, свободу самопроизволом. Богу угодно было, чтобы мы были такими и в начале; для этой цели и сотворил Он нас. И они то, изглаждая в себе грех праотца Адама, возобновляют первобытную доброту, потому что у людей не было бы разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не разсек естества. Они то суть точные подражатели Спасителю и Его житию по плоти. Ибо, как Спаситель, составив лик учеников, даже и Себя соделал общим для Апостолов: так и сии, повинующиеся своему вождю, прекрасно соблюдающие правило жизни, в точности подражают житию Апостолов и Господа. Они то соревнуют жизни Ангелов, подобно им во всей строгости соблюдающей общительность... Они то предвосхищают благо обетованного царствия, в доброхвальном своем житии и общении представляя точное подражание тамошнему жителю и состоянию. Они то ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило нам Спасителем вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей разсеченное естество человеческого, по мере сил своих, снова приводят в единение и с самим собою и с Богом. Ибо это главное в Спасителем домостроении во плоти — привести человеческое естество в единении с самим собою и с Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство; подобно тому, как наилучший врач целительными врачествами вновь связывает тело, расторгнутое на многия части».¹ Таким образом, по мысли св. Василия Великого, естество

¹ См. проф. А. А. Спасский. История догматических движений в эпоху вселенских соборов, т. 1. Сергиев Посад, 1906, стр. 478—479. Сравн. Виктор Несмелов. Догматическая система святого Григория Нисского. Казань, 1887, стр. 51—52, 53.

² Письмо 38. Творения, изд. 4. ч. 6, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902, стр. 80.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 85.

¹ Подвижнические уставы, гл. 18. Творения, ч. 5, стр. 358, 359, 360.

человеческое до грехопадения было именно образом Божественной триединой Сущности. Цель Церкви в том и полагается, чтобы возстановить это поврежденное грехом единое человеческое естество. «Любовь связует горних; любовь и сих привела в согласие друг с другом».¹ В Церкви много лиц, но природа ея едина и самая Церковь есть единство во множестве, где отдельные личности — только носители единого естества без разделения между собою.

В науке нередко Василия Великого и других каппадокийских отцов обвиняют в «требожии».² То же делали еретики еще в 4 веке. Евномий надсмехался над св. Василием за его рассуждение о сущности и ипостасях Петра и Павла и обвинял его в признании трех богов. Но мысль св. Василия была вполне усвоена и прежде всего братом его св. Григорием Нисским. Св. Григорий Нисский имел особенный повод рассуждать подробно о приведенной еще св. Василием аналогии между единством Божеского и человеческого естества. Ариане напали на одного из его почитателей и учеников, именем Авлавия, пользуясь аналогией св. Василия, доказали ему, что он — требожник. Авлавий обратился за разъяснением к св. Григорию, который и написал ему подробный ответ, где доказывает, что ариане неправы, когда из подобной аналогии выводят мысль о существовании трех богов. Свое недоумение, возбужденное в нем арианами, Авлавий выразил так: Петр, Иаков, Иоанн, как человечество их одно, называются тремя человеками, и нет ничего нелепого соединенных по естеству, если их много, по именованию естества называют во множественном числе. Посему, если нам допускает это обычай, и никто не запрещает двоих называть двоими, а если больше двоих, то и троими; почему в таинственных догматах, исповедуя три ипостаси, и не примечая в них никакой разности по естеству, некоторым образом противоречим исповеданию, утверждая, что Божество Отца и Сына и Святого Духа одно, запрещая же называть их тремя Богами?³ Отвечая Авлавию, св. Григорий подробно говорит о единстве естества человеческого. Он решительно утверждает, что выражение: многие человеки — совершенно не точно. «Есть некое неправильное словоупотребление в обычае неразделяемых по естеству называть во множественном числе одним и тем же именем естества и говорить: «многие человеки, чему подобно будут, если сказать: «многие естества человеческая».⁴ «Выражаемся так по неточному словоупотреблению, а не в собственном смысле, по какой-то привычке».⁵ Естество одно, сама с собою соединенная и в точности неделимая единица, неувеличиваемая приложением, неумаляемая отчаянием; но, как есть одна, так, хотя и во множестве является, сущая нераздельною, нераздробляемою, всецело, не уделяемою причастникам ея по особой части каждому.⁶ Имя естества по обычаю погреш-

тельно употребляется при означении множества, потому что ни умаления, ни приращения в истинном смысле не происходит в естестве, когда оно усматривается во многих. О золоте, хотя оно раздроблено на многие разного вида части, говорим, что оно есть одно, и называется одним; монеты и статиры именуем многими, во множестве статиров не находя никакого приумножения в естестве золота; почему и говорится о золоте, что его много, когда рассматривается в большом или в сосудах, или в монетах, но по множеству в них вещества не говорится, что много, а золото одно; так в естестве человеческом по одиночке взятых людей оказывается много, например, Петр, Иаков, Иоанн, но человек в них один.¹ «Петр, Павел, Варнава по имени: человек — суть один человек, и по этому же самому, по имени: человек, — не могут быть многими, называются же многими людьми по неточному словоупотреблению, и не в собственном смысле. Но что говорится в смысле неточном, то у людей здравомыслящих не предпочитается сказанному в смысле собственном».² Уже при самом создании человека «целое наименовано одним человеком... Все естество, простирающееся от первых людей до последних, есть единый некий образ Сущаго».³ Ссылку ариан на Священное Писание, где имя человек употребляется и во множественном числе (*Быт. 18, 2. Псал. 35, 8. Евр. 6, 16 и под.*), св. Григорий устраняет, заявляя, что Писание, ведясь обычаем господствующего наречия, пользуется словом согласно с господствующим обычаем.⁴ Научное словоупотребление в Свящ. Писании не дано; оно должно быть установлено независимо от него. Не по сущности разнятся Павел с Петром, которым придается имя: человек; различаются же они ипостасью лица... Имя: человек означает общее в сущности, а не особое лицо, положим, например, Павла или Варнавы. Посему имя: человек, по правилам науки, никоим образом не сопровождается словом: такой-то. Но если общее употребление имеет в этом нужду, и именованная сущности неправильно употребляет в означение лиц, то сие делается не по точному правилу логического ведения.⁵ «Должно говорить: не такой-то и такой-то Бог, или такой-то и такой-то человек, но такая-то ипостась Божия, и такая-то ипостась человеческая. Ибо справедливо утверждаем, что у одного человека ипостасей много, и у единого Бога три ипостаси».⁶

Итак человеческое естество едино. Много только отдельных личностей. Во всех своих сочинениях св. Григорий Нисский постоянно говорит об этом едином естестве, но и он делает различие между естеством человека испорченным и естеством возстановленным, спасенным. Сам св. Григорий говорит, что «христианство есть подражание божескому естеству», «возведение человека в древнее благополучие».⁷ Грехопадение произвело разделение в естестве человеческом. «Естество наше чрез грех рассеклось,

¹ Там же, стр. 361.

² Об этом у проф. А. А. Спасского. Цит. соч., стр. 503. В. Несмелов. Цит. соч., стр. 302—303.

³ Творения св. Григория, еп. Нисского, ч. 4, Москва, 1862, стр. 112.

⁴ К Авлавию. Творения, ч. 4, стр. 114.

⁵ К еллинам на основании общих понятий. Творения, ч. 4, стр. 182.

⁶ К Авлавию. Творения, ч. 4, стр. 115.

¹ К Авлавию. Творения, ч. 4, стр. 127—128.

² К еллинам. Творения, ч. 4, стр. 184.

³ Об устройстве человека, гл. 16. Творения, ч. 1, Москва, 1861, стр. 144—145.

⁴ К Авлавию. Творения, ч. 4, стр. 128—130. К еллинам. Творения, ч. 4, стр. 184—186.

⁵ К еллинам. Творения, ч. 4, стр. 190.

⁶ Там же, стр. 186—187.

⁷ К Армонию. Творения, ч. 7. Москва, 1865, стр. 217.

У могилы архиепископа Илариона (Троицкого) на Новодевичьем кладбище Ленинграда (СПб). Брат покойного епископ Рославльский Даниил (Троицкий † 1934 г.) и священник Иоанн Макаров. 1930 г.

так как в смерти душа отделилась от тела.¹ Во Христе естество человеческое обновляется. «Слово, сущее в начале, и у Бога, и Слово Само сущее Бог, Который в последние дни посредством приобщения к уничиженности нашего естества соделался плотью по человеколюбию, и, соединившись чрез оную с человеком, принял в Себя все наше естество, дабы чрез растворение с Божеским (естеством) обожествилось человеческое, и начатком оным освятился вместе весь состав нашего естества»² «Естество наше опять возвращается в свое прежнее состояние, так как происшедший в нас разрыв чрез воскресение человека во Христе сросся совершенно».³ «Ибо как Он, разорив средостение ограды, обоя создал собою во единого нового человека, творя мир (Ефес. 2, 14, 15), так и мы должны примирить (с собою) не только внешних врагов наших, но и тех, кои враждуют в нас самих, так чтобы плоть уже не желала противного духу, а дух противного плоти, но чтобы, подчинив плотный образ мыслей божественному закону, мы имели мир сами с собою, преобразившись во единого нового и мирного человека, и из обоих ставь единым. Ибо мир можно определить, как согласие враждующих. Итак, когда уничтожится междоусобная брань в нашем естестве, тогда мы станем миром и покажем, что истинно и действительно носим на себе сие имя Христово».⁴

Мы привели только наиболее яркие места, характеризующие воззрения св. Григория Нисского на дело спасения Христом рода человеческого. Это дело спасения мыслится св. отцем, между прочим, и как восстановление первобытного естества, в которое грехом внесено было разделение, восстановление именно его единства. Важно, что мысль о единстве естества человеческого, которую св. Василий Великий выразил кратко, св. Григорий сознательно усвоил и решительно ее защищал против еретиков. Правда, говоря о единосущии человечества, св. отец не упоминает Церкви, но ведь ясно, что ведь именно делом Церкви он почитает «возведение человека в древнее благополучие» и «подражание божескому естеству». Изображение св. Григорием Нисским того блаженного состояния, «когда уничтожится междоусобная брань в нашем естестве», когда воцарится мир и среди людей и внутри каждого отдельного человека, это изображение заставляет вспомнить начертанный св. Василием Великим в его «Подвижнических уставах» образ монашеского общежития, где проявляется именно единая и нераздельная жизнь единого естества человеческого. Мы видим, что наряду с обыкновенным представлением о Церкви, как о едином теле, высказывается мысль о Церкви, как о возрожденном человеческом естестве, в котором отдельные человеческие личности становятся как-бы единосущны по некоторому подобию единосущия Лиц Св. Троицы. «Единое тело» и «единое естество», конечно, выражают почти одно и то же, если их относить к Церкви: и то и другое говорит о полном единении человечества, которое достигается уничтожением греха, как начала разделяющего и обособляющего. Говоря об «едином естестве» два великих брата-каппадокийца догмат о Церкви поставили в связь с основным христианским догматом о Троице.

Почти тождественные мысли по нашему вопросу находим мы и у св. Кирилла Александрийского и эти мысли необходимо отметить особенно потому, что у этого св. отца речь идет именно о Церкви. Единство человечества св. Кирилл усматривает именно в Церкви.

Св. Кирилл Александрийский в своих творениях говорит, что «Бог Отец благоволил возобновить все во Христе и возсоздать сотворенное в первобытное состояние, послал к нам с неба Единородного».¹

Единородный Сын Божий уничтожил себя для того, чтобы преобразить человеческую природу в Себе Самом первом и чрез Себя снова в ту красоту изначальную.² Уверовавшие приняли духовное детство во Христе и возрождение в Боге. Это новорожденное во Христе, чадо, то-есть новый народ обрезания через веру, отклоняет от себя смерть.³ Стоявшая посреди преграда разрушена, и мы, издревле чрез

¹ Антирритик. 55. Творения, ч. 7, стр. 192.

² Антирритик. 15. Творения, ч. 7, стр. 86.

³ Антирритик. 55. Творения, ч. 7, стр. 192.

⁴ О совершенстве. К Олимпию монаху. Творения, ч. 7, стр. 235.

¹ О поклонении и служении в духе и истине, кн. 2. Творения, изд. Моск. Дух. Акад., ч. 1. Москва, 1880, стр. 119.

² Толкование на Евангелие от Иоанна, кн. 11, гл. 10. Творения, ч. 15, Сергиев Посад, 1912, стр. 97—98.

³ О поклонении, кн. 2. Творения, ч. 1, стр. 133.

грех разлученные и отделенные вместе со Христом входим чрез него и в Нем к Богу и Отцу.¹ Изъясняя же место из Первосвященнической молитвы Иисуса Христа, где Он молился о единстве верующих в Него (Ин. 17, 20—21), св. Кирилл пишет: «Какое же это прошение и в чем оно состоит? Чтобы, говорить, одно были, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, да в нас одно будут. Итак, просить союза любви, единомыслия и мира,—союза, приводящего верующих к духовному единству, так что согласные во всем и нераздельно единоклубное единение отражает черты природного и существенного единства, мыслимого в Отце и Сыне. Впрочем, этот союз любви между нами и сила единомыслия отнюдь, конечно, не доходят до такой нераздельности, какую имеет Отец и Сын, сохраняя единство в Божестве сущности. Здесь мыслится единство природное и истинное и созерцаемое в самом существовании,—а там — внешний вид и подражание истинному единству». Св. Кирилл полагает, таким образом, различие между единением Лиц Св. Троицы и единением последователей Христовых, потому что между Божеством и человечеством безграничное разстояние, и недостатки нашей природы нельзя делать правилом для Бога. Но единосущие Лица Св. Троицы своим нравственным следствием должно иметь единоклубные и единение верующих. «В пример и образ нераздельной любви, согласия и единства, мыслимого в единоклубии, Христос, взяв существенное единство, какое Отец имеет с Ним, а Он с Своей стороны с Отцем,—желает объединиться некоторым образом и нам друг с другом, очевидно, так же, как Святая и Единосущая Троица, так что одним мыслится все тело Церкви, восходящее во Христе чрез слияние и соединение двух народов в состав нового совершенного... Это и совершенно тем, что уверовавшие во Христа имеют единоклубные между собою и усвоили как-бы одно сердце, чрез всецелое сходство в религии, послушание в вере и добродетельный ум... Образ божественного единства и существенное тождество Святой Троицы, как и совершеннейшее взаимопроникновение должно находить отражение в единении единомыслия и единоклубия верующих». Но св. Кирилл говорит и не об одном только единомыслии, а и о природном единстве спасенного человечества — Церкви. «Постараемся показать уже и природное единство, коим мы друг с другом и все с Богом связываемся, быть может, не без единства телесного, разумею друг с другом, хотя и отделяемся разлучением тел, так каждый из нас как бы заключается в своей границе и ипостаси. Так, например, Петр не может быть и называться Павлом, а Павел — опять также Петром, хотя в отношении единства через Христа оба они мыслятся как одно». Св. Кирилл находит и указывает основы телесного и духовного единства людей. «Единородный определил некоторый, изысканный, подобающий Ему премудростию и советом Отца, способ к тому, чтобы и сами мы сходились и смешивались в единство с Богом и друг с другом, хотя и отделяясь каждый от другого душами и телами в особую личность,—именно (такой способ): в одном теле, очевидно Своем собственном, благословляя верующих в Него посредством таин-

ственного причастия (евхаристии) — делает их сотелесными как Ему Самому, так и друг другу. Кто в самом деле мог бы разделить и от природного единения друг с другом отторгнуть тех, кто посредством одного святого тела связаны в единство со Христом? Поэтому и Телом Христовым называет Церковь, а мы — отдельные члены, по пониманию Павла... «Относительно же единения в Духе скажем опять, что все, одного и того же приняв Духа, разумею Святого, соединяемся некоторым образом и друг с другом и с Богом... Как сила святой Плоти делает сотелесными тех, в ком она будет, таким точно, думаю, образом единый во всех нераздельно живущий Дух Божий приводит всех к единству духовному... Итак, одно все мы в Отце и Сыне и Святом Духе, одно разумею по тождеству свойств, и по однообразию в религии и общению со Святой плотью Христа, и по общению с одним и Святым Духом».¹ «Во Христе мы сделали сотелесными, приобщившись единой Плоти и помазанные к единству единым Духом Святым, и так как Христос не разделяет, то мы все в Нем едино. Поэтому Он и говорил Небесному Отцу: да будут едино, как и Мы едино. Видишь, как во Христе и Духе Святом все мы едино как по телу, так и по духу. Как мы, так и Сын един со Отцем».²

Таким образом, св. Кирилл Александрийский преимущественно говорит об единомыслии верующих, как о образе единосущия Лиц Св. Троицы, но в Церкви видит он создание также единой телесной и духовной природы, так что члены Церкви имеют между собою уже и природное единство. Замечательно также, что в приведенных словах св. Кирилл объединяет представление о Церкви, как о теле, с учением о природном единстве в ней отдельных людей: для него и то и другое — лишь разные формы одного и того же. Христос молился о том, чтобы все верующие в него объединились по некоторому подобию с единосущием Лиц Св. Троицы; ап. Павел это же единство изображает под видом единого тела Церкви, глава которой — Христос.

Наконец, следует сказать, что мысли, отмеченные нами у великих представителей восточного богословия, не были чужды писателям и западным, тем именно, которые, подобно и восточным, сосредоточивали свое внимание преимущественно на раскрытии в борьбе с арианством догмата о Св. Троице. Мы разумеем главным образом «западного Афанасия» — Иларию Пиктавийского, который был в близких сношениях с восточными богословами, в частности со св. Василием Великим.³

В полемике с арианами православные богословы нередко ссылались на приведенные нами выше слова из первосвященнической молитвы Господа Иисуса Христа, а также и на другие Его слова: Я и Отец — одно (Ин. 10, 30). Ариане однако истолковывал эти слова так, что в них не оказывалось мысли о единосущии Лиц Сына и Отца. В параллель с этим словами они ставили Деян. 4, 32: у множеств

¹ О поклонении, кн. 3. Творения, ч. 1, стр. 167.

¹ Толкование на Евангелие от Иоанна. Кн. II, гл. I Творения, ч. 15, стр. 105—106, 107, 108, 109, 110, 111, 11. Подобные же мысли в первом диалоге.

² De sancta Trinitate dial. I. t. 5, coll. 407E—408B.

³ См. Ал. Орлова. Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского. Сергиев Посад. 1908, XIII.

верующих была одна душа и одно сердце, а также (1 Коринф. 3, 8): «насаждающий и поливающий суть одно». В этих последних, говорили ариане, идет речь только об единомыслии, о моральном согласии людей. Те же отношения следует перенести и на Лица Св. Троицы: Лица Св. Троицы едино не по единству существа, природы, но по согласию воли.¹ У ариан, след., был обратный порядок мысли. Православные от единосущия Лиц Св. Троицы заключали к единосущию человечества; ариане от морального единства или единомыслия людей — к такому же единству и Лиц Св. Троицы, Иларию берет и обсуждает те же самые параллели, те же самые места Священного Писания, но делает из них вывод, противоположный арианскому. «Те, у которых была душа одна и сердце одно, были ли едины чрез веру Божию? Конечно, чрез веру; ибо чрез нее было одно сердце и одна душа у всех. И спрашиваю: вера была одна или различная? Очевидно, одна, как и сам Апостол проповедует, что вера одна, как один Господь и одно крещение, и одна надежда, и один Бог. Итак, если все они были одно по вере, т. е. по природе одной веры, то как же ты думаешь, что было не природное единство (non naturalem in his intelligis unitatem) в тех, которые были едино по природе единой веры? Все ведь они были возрождены к невинности, бессмертию, познанию Бога, к вере упования. И если эти не могут быть различны между собой, ибо и упование одно, и Бог един, равно как Господь един и крещение возрождения — одно, (то и те не могут быть различны); если же эти — едино больше по согласию, нежели по природе, то и тем, которые возрождены в них, приписывай единство воли. Если же они возрождены в природу единой жизни и вечности, благодаря чему их душа и сердце — едино, то нет места единству согласия в тех, которые — одно в возрождении одной и той же природы (qui unum sunt in ejusdem regeneratione naturae).²

По учению слова Божия единство человечества нужно считать именно единством природы, а не единомыслием только. Апостол Павел именно говорит, что единство верующих основано на природе таинств. Верующие все во Христе едино, не смотря ни на какое различие племен, условий, пола (Гал. 3, 27—28). Очевидно такое единство не может иметь в своей основе одно лишь согласие воли.³ То же следует сказать о единстве насаждающего и поливающего. Они возрождены также единым крещением, а потому и составляют по природе едино, а не по воле, только.⁴

В этих словах Первосвященнической молитвы Господа Иисуса Христа Иларию усматривает моление именно о природном единстве человечества, а не о моральном только единомыслии. «Господь молился Отцу, чтобы те, которые уверуют в Него, были едино, и как Он во Отце и Отец в Нем, так чтобы все были едино в них. Зачем сюда вводишь единомыслие, единение души и тела в согласии воли? Если бы

воля делала их единым, то Господь для полноты и точности молился бы так: Отче, как Мы единого желаем, так пусть единого желают и они, чтобы все мы были едино по единомыслию. Или, может быть, Тот, Кто Сам — слово, не знал значения слов, и Сам — Истина, не умел говорить, и, будучи Мудростию, впал в ошибку, и, будучи Силою, в такой был слабости, что не мог сказать того, что хотел сделать понятным? Он ясно высказал истинные и непреложные тайны евангельской веры... В словах Христа во-первых молитва за тех, о которых говорится: да вси едино будут, — потом показывается предел единства примером единства, когда говорится: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, и они в Нас да будут, — чтобы как Отец в Сыне, и Сын в Отце, так по образу этого единства (per hujus unitatis formam) все были едино в Отце и Сыне».¹

Мир чрез то уверует в послание Сына Отцем, что все, которые уверуют в Него, будут едино в Отце и Сыне. А каким образом будут, видно из следующих слов: Аз славу, юже дал еси Мне, дах им. И теперь я спрашиваю, ужели слава то же самое, что и воля, тогда как воля есть движение души, слава же — или образ или достоинство природы. Итак, Сын всем, которые уверуют в Него, дал полученную от Отца славу, а не волю, ибо если бы дана была воля, то вера не имела бы никакой награды, так как необходимость данной воли сообщала бы веру. Что же производит дарование принятой славы, это показывают слова: да будут едино, как Мы — едино. Итак, принятая слава дана для того, чтобы все были едино, и следовательно, все едино в славе, потому что слава дана не иная, чем та, которая получена, и не для чего-либо иного дана, как для того, чтобы все были едино.²

«Господь, ничего не оставляющий неясным для верующих, научил и самому образу этого природного действия, говоря: да будут едино, как Мы — едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены во едино. Тех, которые мыслят между Отцем и Сыном единство воли, я спрашиваю, в силу ли подлинности природы ныне Христос пребывает в нас, или по согласию воли? Если действительно Слово сделалось плотью, и мы воистину вкушаем в трапезе Господней воплощенного Слова, то каким образом можно мыслить, что не по природе (non naturaliter) пребывает в нас Тот, Кто, родившись человеком, воспринял и природу плоти нашей до неразделимости, и природу плоти Своей примешал к природе вечности (т. е. Божества своего) в таинстве плоти, которой нам, должно приобщаться? Итак, мы все — едино, так как и во Христе Отец и Христос в нас. Следовательно, кто хочет отрицать то, что Отец по природе в Сыне, тот пусть прежде отвергнет свое пребывание во Христе, и Христа в нем».³

Для Илария действительность воплощения Сына Божия и реальное пребывание Христа в таинстве евхаристии — все это доказательства реального единства всех членов Церкви Христовой.⁴ Такое представление реального единства, по сознанию Ила-

¹ De Trinitate. VIII, 5. Sancti Hilarii pictavorum episcopi opera... studio et labore monachorum ordinis S. Benedicti. Parisiis MDCXCIII, coll. 950D. 951A. Ctr. De Trinitate. VIII, 10. Opera, coll. 952C.

² De Trinitate. VIII, 7. Opera, col. 951B—E.

³ De Trinitate. VIII, 8. Opera, col. 951E—952A.

⁴ De Trinitate. VIII, 9. Opera, col. 952B.

¹ De Trinitate. VIII, 11. Opera, coll. 952E—953B.

² De Trinitate. VIII, 12. Opera, coll. 953C—954A.

³ De Trinitate. VIII, 13. Opera, coll. 954C—955A.

⁴ Там же. Opera, col. 955B.

рия, было бы безумно и дерзко, если-бы об этом не учил Сам Христос, но Он учил об этом, и мы должны верить.¹ Иларию сам таким образом обобщает свои рассуждения: «таинство истинного и природного единства доказывается славой Сына, данной нам, и тем, что Сын телесно пребывает в нас, а также и тем, что мы соединены в Нем телесно и неразделимо.»²

Таким образом, и у «западного Афанасия» мы видим весьма решительно проведенную параллель между единосущным единством Лиц Св. Троицы и единством человеческого естества, обновленного Иисусом Христом и осуществляющегося в Церкви. Единство веры и таинств и разрозненные человеческие личности как бы собирает в единство природы.

Мысль о единстве естества человеческого в православной богословской науке встречает самый различный прием. Одни самый пример единосущия человеческих индивидов, приведенный св. Василием Великим, считают «несколько грубым и неудачным». Св. Григория Нисского, говорят, можно упрекнуть за то, что он измыслил человеческое единосущие, это несуществующее реальное единство.³

¹ De Trinitate. VIII, 14. Opera, coll. 955B—956A.

² De Trinitate. VIII, 17. Opera, col. 957D—E.

³ В. Несмелов. Догматическая система святого Григория Нисского, стр. 302, 307.

⁴ Архиепископ Антоний. Нравственная идея догмата Церкви. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 17, слл. Срвн. Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы. Там же, стр. 69—71.

Другие, совершенно наоборот, мысль о единстве естества человеческого считают главной в догмате о Церкви.⁴ Если принять во внимание и по достоинству оценить то, что мысль о единстве естества человеческого высказывают и защищают выдающиеся великие отцы Церкви, то, думается, нельзя православному богослову оставить без должного внимания этой мысли святоотеческой при раскрытии догмата о Церкви.

Церковь никогда не смотрела на Христа лишь как на учителя истины. Она видела в Нем воплотившего Сына Божия, Который, восприняв человеческое естество в единство ипостаси, тем самым обновил, пересоздал это естество. И, конечно, не отдельный человек возстановлен в первую доброту, но именно естество человеческое. Наша Церковь, не смотря на уклонение школьного богословия, доселе поет в своем богослужении об обновлении человеческого естества. Возстановлено единство человечества, разрушенное грехом. В Церкви и достигается единство человечества, о котором мечтают люди и вне Церкви, но которого без Церкви достигнуть не могут, ибо лишь в Церкви «низшедшая сила Божественного Духа совокупила в одно согласие разделенный в древности язык людей, согласившихся на зло, вразумляя верных познанием Троицы». В этих словах канона Пятидесятницы выражена та именно истина, что Церковь есть единство человечества, подобное триединству Божества.

Доцент Моск. духовной академии
Владимир ТРОИЦКИЙ

Троице-Сергиева пустынь под Петербургом. Святые врата.

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Игнатий Брянчанинов

Размышления о вере

Изливаю глаголы сердца моего, тихо волнуемого радостью нетленною и несказанною. Братия! приникните чистою мыслию в слова мои, и насладитесь пиром духовным! Вера во Христа — жизнь. Питающийся верою, вкушает уже во время странствования земного жизнь вечную, назначенную праведникам по окончании этого странствования. Господь сказал: «Веруй в Мя, имать живот вечный» (Ин. 4, 47). Верою угодники Божии претерпели жестокие искушения: имея в персях богатство и наслаждение живота вечного, они вменяли ни во что жизнь земную с ее прелестями. Верою они принимали скорби и страдания, как дары от Бога, которыми сподобил их Бог подражать и причащаться Своему пребыванию на земле, когда Он благоволил единым из Лиц Своих принять естество наше и совершить наше искупление. Наслаждение безмерное, рожаемое верою, погло-

щает лютость скорби, так что во время страданий ощущается только одно наслаждение. Засвидетельствовал это великомученик Евстратий в предсмертной молитве своей, склоняя под меч главу. «Телесные мучения, — говорил он Богу, — суть веселия рабом Твоим!» (Четьи-Минеи. 13 дек.) Верою святые погрузились в глубину смирения: они узрели чистым оком веры, что жертвы человеческие Богу — дары Божии в человеке, долги человека, ненужные Богу, необходимые, спасительные для человека, когда человек старается приносить, усугублять, уплачивать их. «Услышите люди мои, — говорит Бог, — и возглаголю вам, Израилю, и засвидетельствую тебе: Бог твой есмь Аз. Не о жертвах твоих обличу тя: Моя бо есть вселенная и исполнение ея (Пс. 49, 7, 8. 12). Что же имаши егоче неси приял? аще же и приял еси, что хвалишися, яко не прием (1 Кор. 6, 7)?

Всякому ему же дано будет много, много взыщется от него и ему же предаше множайше, множайше истяжут от него» (Лк. 12, 48).

Божии святые чудодействовали, воскрешали мертвых, предвозвещали будущее, упоены были духовною сладостию, и вместе смирялись, трепетали, видя с недоумением, удивлением, страхом, что Бог благоволил ущедрить перст, — персти, брению вверил Святого Духа Своего. О ужас! нападает от зренья этих таинств молчание на ум зрящий; объемлет сердце несказанная радость; язык изнемогает к поданию. Верою вступили святые в любовь к врагам: око ума, просвещенное верою, неуклонно смотрит на Бога в промысле Его, и этому Божественному промыслу приписывает все внешние наведения. Так Давид, зревший пред собою «Господа выну», чтобы пребывать непоколебимым в мужестве при всех скорбях и попущениях, усиливающих поколебать и возмутить сердце (Пс. 15, 8), сказал о Семее, когда Семей проклинал его, и кидал в него камнями: «Господь рече ему проклинать Давида. Что вам и мне, сынове Саруины, помыслы гнева и мщенья! оставите его, и да проклинает! оставите его проклинати мя, яко

рече ему Господь: негли призрит Господь смирение мое» (2 Цар. 16, 10—12).

Душа приемлет искушения, как врачевания своих недугов, благодарит врача — Бога, и поет: «Накажи мя, Господи, и испытай мя, разжжи утробы моя, и сердце мое» (Пс. 25, 2). При таком рассматривании искушения, люди и прочие орудия искушений остаются в стороне, как орудия. Нет на них злобы, нет вражды! Душа славословящая Создателя, благодарящая врача Небесного, в упоении несказанными чувствами, начинает благославлять орудия своего врачевания (Прп. Макарий Великий. Беседа 37, гл. 2 и 4). И вот! внезапно возгорается в ней любовь к врагам; человек бывает готов положить душу за врага своего, — видит в этом не жертву, но долг, долг непреременный раба неключимого. Отселе небо нам отверзто, — входим в любовь к ближним, ею в любовь к Богу, бываем в Боге, и Бог бывает в нас. Вот какие сокровища заключает в себе вера, — ходатай и податель надежды и любви. А м и н ь.

1840 год, Сергиева Пустынь.

Крест свой и Крест Христов

Господь сказал ученикам своим: «Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Мф. 16, 24).

Что значит «крест свой»? Почему этот «крест свой», то есть отдельный для каждого человека, вместе называется и «крестом Христовым».

Крест «свой»: скорби и страдания земной жизни, которые у каждого человека — свои.

Крест «свой»: пост, бдение и другие благочестивые подвиги, которыми смиряется плоть и покоряется духу. Эти подвиги должны быть сообразны силам каждого, и у каждого они — свои.

Крест «свой»: греховные недуги, или страсти, которые у каждого человека — свои! С одним из них мы родимся, другими заражаемся на пути земной жизни.

«Крест Христов» — учение Христово (Пс. 118, 38, 120).

Суетен и бесплоден «крест свой», как бы он ни был тяжек, если чрез последование Христу он не преобразится в «крест Христов».

«Крест свой» делается для ученика Христова «крестом Христовым»: потому что ученик Христов твердо убежден, что над ним неусыпно бдит Христос, что Христос попускает ему скорби, как необходимое и неминуемое условие христианства, что никакая скорбь не приблизилась бы к нему, если б не была попущена Христом, что скорбями христианин усваивается Христу, соделывается причастником Его участи на земле, а потому и на небе.

«Крест свой» делается для ученика Христова «крестом Христовым»: потому что истинный ученик Христов почитает исполнение заповедей Христовых единственною целию своей жизни. Эти все святые заповеди соделываются для него крестом, на котором он постоянно распинает своего ветхого человека «со страстьми и похотьми его» (Гал. 5, 24).

Отсюда ясно — почему для принятия креста, предварительно нужно отвергнуться себя даже до погубления души своей.

Так сильно и обильно усвоился грех падшему естеству нашему, что Слово Божие не останавливается называть его душею падшего человека.

Чтобы воспринять на рамена крест, должно прежде отказать телу в его похотливых пожеланиях, доставляя ему одно необходимое для существования; должно признать свою правду лютейшею неправдою пред Богом, свой разум — совершенным неразумием, и, наконец предавшись Богу со всею силою веры, предавшись непрестанному изучению Евангелия, отречься от воли своей.

Совершивший такое отречение от себя способен к принятию креста своего. С покорностью Богу, призывая Божию помощь для укрепления своей немощи, он смотрит без боязни и смущения на приближающую скорбь, уготовляется великодушно и мужественно перенести ее, уповает, что посредством ее он соделается причастником страданий Христовых, достигает таинственного исповедания Христа не только умом и сердцем, но и самым делом, самую жизнь.

Крест дотоле тягостен, доколе он пребывает крестом своим. Когда же он преобразится в крест Христов, то получает необыкновенную легкость: «иго Мое благо, и бремя Мое легко есть», — сказал Господь (Мф. 11, 30).

Крест возлагается на рамена учеником Христовым, когда ученик Христов признает себя достойным скорбей, ниспосланных ему Божественным промыслом. Ученик Христов тогда несет правильно крест свой, когда признает, что именно ниспосланные ему скорби, а не другие, необходимы для его образования о Христе и спасения.

Терпеливое несение креста своего есть истин-

На Голгофе. Худ. Н. П. Келер.

ное зрение и сознание греха своего. В этом сознании нет никакого самообольщения. Но признающий себя грешником, и вместе с тем ропщущий и вопиющий с креста своего, доказывает тем, что он поверхностным сознанием греха лишь льстит себе, обманывает себя.

Терпеливое несение креста своего есть истинное покаяние.

Распятый на крест! исповедайся Господу в праведности судеб Его. Обвинением себя оправдай суд Божий, и получишь отпущение грехов твоих.

Распятый на крест! Познай Христа;— и отверзутся тебе врата рая.

С креста твоего славословь Господа, отвергая от себя всякий помысл жалобы и ропота, отвергая его, как преступление и богохульство.

С креста твоего благодари Господа за бесценный дар, за крест твой,— за драгоценную участь, за участь подражать Христу страданиями твоими.

С креста богословствуй: потому что крест есть истинное и единственное училище, хранилище и престол истинного Богословия. Вне креста нет живого познания Христа.

Не ищи христианского совершенства в добродетелях человеческих. Там нет его: оно сокровенно в кресте Христовом (*Прп. Марк подв., Слово о духовном законе, гл. 31*).

Крест твой изменяется в крест Христов, когда ученик Христов несет его с деятельным сознанием своей греховности, нуждающейся в казни,— когда несет его с благодарением Христу, с славословием Христа. От славословия и благодарения является в страдальце духовное утешение; благодарение и славословие делаются обильнейшим источником непостижимой, нетленной радости, которая благодатно кипит в сердце, изливается на душу, изливается на самое тело.

Крест Христов, только по наружности своей, для плотских очей, есть поприще жестокое. Для ученика и последователя Христова он — поприще высшего духовного наслаждения. Так велико это наслаждение, что скорбь вполне заглушается наслаждением и последователь Христов среди лютейших томлений ощущает одно наслаждение (*Последование дванадцати псалмов, молитва св. Евстратия*).

Говорила юная Мавра юному супругу своему Тимофею, который терпел страшные муки, и приглашал ее принять участие в мученичестве: «Боюсь, брат мой, чтоб мне не утрашиться, когда я увижу страшные муки и разгневанного игемона, чтоб не изнемочь мне в терпении по молодости лет моих». Ей отвечал мученик: «Уповай на Господа нашего Иисуса Христа, и будут для тебя муки елеем, изливаемым на тело твое, и духом росы в костях твоих, облегчающим все болезни твои» (*Четви-Минеи, Мая 3 дня*).

Крест — сила и слава всех от века святых.

Крест — целитель страстей, губитель демонов.

Смертоносен крест для тех, которые креста своего не преобразили в крест Христов, которые с креста своего ропщут на Божественный промысл, хулят его, предаются безнадее и отчаянию. Несознающиеся и некаяющиеся грешники на кресте своем умирают вечною смертию, лишаясь нетерпением истинной жизни, жизни в Боге. Они снимаются с креста своего только для того, чтоб снизить душами в вечный гроб: в темницы ада.

Крест Христов возносит от земли распятого на нем ученика Христова. Ученик Христов, распятый на кресте своем, мудрствует горняя, умом и сердцем жительствует на небе, и созерцает таинства Духа во Христе Иисусе, Господе нашем.

«Аще кто хочет по Мне ити,— сказал Господь,— да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет». Аминь.

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов

Церковь свт. Николая Чудотворца на Большеохтинском кладбище

На правом берегу Невы, против Смольного монастыря и Александро-Невской Лавры, раскинулся один из старейших районов Петербурга — Охта. Северная его часть, лежащая на правом берегу реки Охты, именуется Большой Охтой, а располагающаяся на левом берегу, южная — Малой.

Река Охта, от которой поселение получило свое имя, упоминается в новгородской летописи еще под 1300 годом. В устье ее в древности стояло новгородское селение Невское Устье. В начале XVII века, в период шведского владычества, на его месте была построена крепость Ниеншанц (Канцы), после взятия которой

русскими войсками 3 мая 1703 года, Россия вернула себе выход к Балтийскому морю. По приказу Петра Великого крепость была срыта, а на ее месте основана Охтинская верфь (ныне Петрозавод), где строились русские военные и торговые корабли.

Согласно царскому указу, из разных губерний России сюда были переведены корабельные плотники, ставшие первыми поселенцами охтинских слобод. Работавшие из поколения в поколение на судостроительных верфях охтяне прославились как искусные плотники и мастера деревянной резьбы. Их стараниями были сооружены замечательные резные деревянные иконостасы петербургских и охтинских храмов; произведения их рук украсили многие дворцы Петербурга и его пригородов.

8 августа 1722 года охтинские поселяне обратились в Святейший Синод с прошением об устройении церкви. Ответом был указ об отводе до времени в домах светлицы для служения вечерни, утрени и часов. Светлицу эту срубили из казенного леса и стали именовать часовней, а в 1725 году обратили ее во храм, освятив по мысли Императора Петра I во имя праведного Иосифа Древодела, покровителя плотницкого и корабельного ремесел. При церкви была устроена деревянная колокольня, замечательная тем, что на ней висел отлитый в 1725 году колокол в 1000 пудов весом, да такой звонкий, что ему завидовали обыватели столицы. В 1731 году церковь была разобрана и на ее месте выстроена небольшая деревянная часовня, называвшаяся Иосифовской. Без храма охтяне жить не могли — вскоре вместо упраздненной церкви возводится новая в честь Святой Троицы; позже она была заменена каменным храмом во имя Сошествия Святого Духа, долгое время бывшего главным храмом Охты. Причт Свято-Духовной церкви окормлял весь Большоохтинский приход, простиравшийся на 15 верст вдоль правого берега реки Невы — от Полюстрово до реки Охты и от Невы до Охтинских пороховых заводов.

Охта была своеобразным «петербургским Замоскворечьем», — тихой и уютной частью города, удаленной от петербургской суеты. Она имела свой размеренный и неспешный ритм, старый купеческий уклад жизни, была крепка своими традициями и обычаями.

В начале XX века она оставалась удивительным местом, мало похожим на парадный Петербург: здесь высились старинные храмы, ровесники Петербургу, приходские, кладбищенские, а позже монастырские подворья, напоминавшие своей архитектурой Москву. Многочисленные часовни и богоугодные заведения, дома призрения и приюты были устроены здесь на средства благочестивых и богобоязненных охтинских и петербургских купцов и мещан. Кладбища — Большоохтинское (Георгиевское) православное и единоверческое, Малоохтинские — православное и старообрядческое с XVIII века служили местом упокоения петербуржцев.

Даже после постройки в 1908—1911 гг. постоянно-го Большоохтинского моста имени Императора Петра Великого через Неву, связавшего Охту с центром Петербурга, когда район стал стремительно превращаться в фабрично-заводскую окраину, Охта оставалась еще глубоко своеобразной и вплоть до 1920—30-х годов сохраняла свой облик и колорит. Испытав в эти годы уничтожение многих замечательных своих храмов, искаженная однообразной жилой застройкой 50—80-х годов нашего века, Охта еще хранит отдельные

Часовня на Большой Охте на Конторской улице, на месте первого храма, построенного Петром Великим.

старинные нетронутые уголки. Одним из них является Большоохтинское кладбище с расположенной на нем церковью во имя святителя Николая Чудотворца. Она является одним из немногих храмов, не закрывшихся в городе в долгие годы гонений...

Большеохтинское кладбище было основано в 1773 году на берегах небольшой речки Чернавки и первоначально служило для захоронения умерших жителей Охты. В 1774—78 гг. на средства, отпущенные приходским Свято-Духовским храмом, здесь была выстроена первая церковь во имя вмч. Георгия Победоносца, по которому кладбище именовалось также Георгиевским. Хотя постоянного моста через Неву не было, здесь часто хоронили городских обывателей, и потому кладбище быстро росло и несколько раз расширялось. Среди похороненных здесь были и представители известной купеческой семьи Никоновых.

В начале XIX века однопрестольный Георгиевский храм стал тесен для отпеваний. В 1812 году настоятель Большоохтинской церкви прот. Андрей Журавлев, при участии начальника Охтинской верфи капитана Орловского, убедил купца Григория Григорьевича Никонова построить на кладбище еще одну каменную церковь. По желанию Г. Г. Никонова, новая церковь была выстроена «при самом въезде, у ворот, на правой руке». 24 августа (6 сентября — н. ст.) 1812 года после доработки проекта, составленного неизвестным архи-

Большеохтинская церковь. Иконостас.

тектором, была свершена закладка храма. Строительство велось только на средства жертвователя купца Никонова и обошлось ему в 10 тысяч рублей. Им же были даны деньги на иконостас, утварь и ризницу. Кто резал иконостас и писал образа — неизвестно. Все работы по строительству, внутреннему и внешнему оформлению церкви были закончены за два года, и 27 сентября (10 октября — н. ст.) состоялось освящение этого небольшого ампирного храма. Посвящен он был святому Николаю Чудотворцу.

Сам храм, хотя и был передан епархиальной власти, долгое время поддерживался и ремонтировался за счет наследников строителя. В 1869 году Никольская церковь была возобновлена на средства братьев Елисеевых, почетного гражданина А. Алферовского и купца Синябрюхова. По возобновлении своем она была освящена местным благочинным Н. Парийским 22 октября 1870 года. В первоизданном виде храм простоял до революции.

В 1936—38 гг. древний Георгиевский храм был снесен. После войны, когда наметилось некоторое потепление в отношении Церкви со стороны государства, Никольским Большеохтинским храмом была выкуплена земля, примыкающая к зданию церкви с севера и запада, а также три склепа на кладбище. В это время старостой храма был Михаил Васильевич Смирнов, ставший в 50-х годах священником, а позже принявший монашеский постриг. Скончался о. Михаил в 70-х годах и похоронен в г. Окуловке Новгородской епархии.

Отец Михаил любил строить и в историю храма вошел как строитель. С севера к церкви им был пристроен деревянный придел для отпеваний, возле ограды сооружены деревянные здания крещальни и колокольни, — до этого при храме была только звонница. Колокола для церкви были привезены тогда же о. Михаилом со своей родины, из Новгородской области. Рядом с храмом была выстроена деревянная часовня для отпевания умерших. Ныне она заменяется каменной, строительство которой планируется завершить в 1992 году.

В левом приделе храма, используемом для отпеваний, богослужения свершались в 1970-х годах, во время ремонта главного храма. В середине 80-х гг. он был выстроен заново в камне. В нынешнем 1991 году купол храма был заново покрыт медью, а сам храм — поновлен снаружи.

Среди святых икон храма в начале XX века были: в алтаре с правой стороны в особом киоте — глава Спасителя; за правым клиросом находилась древняя икона Господа Вседержителя, в серебряной позолоченной ризе, — дар купца Ивана Аверина. За левым клиросом помещался образ Божией Матери Тихвинской. На южной стене над могилой Никоновых был устроен киот из серого мрамора с двумя родовыми их иконами — Спасителя и Божией Матери. Некогда в храме было очень много заупокойных икон, оставляемых после отпевания; они почти сплошь покрывали стены.

В настоящее время в Никольской Большеохтинской церкви хранятся несколько чтимых образов, переданных сюда из закрытых или снесенных охтинских храмов. Среди них — древний образ праведного Иосифа Древодела и Смоленской Божией Матери из Свято-Духовской Охтинской церкви.

Первый помещался некогда еще в светлице-часовне, первом храме при Охтинской корабельной верфи. Позже он был перенесен в Свято-Духовский храм, где в честь прав. Иосифа был освящен придел. На месте самого древнего охтинского храма на Конторской улице была сооружена каменная часовня (см. фото). После закрытия Свято-Духовской церкви в 1936 году иконы из нее свезли в охтинские бани, дабы топить ими печи. Один из прихожан храма, коренной охтянин Л. Л. Лукичев, спас от сожжения в числе других и образ прав. Иосифа Древодела, принеся его позже в Никольский Большеохтинский храм. Ныне эта старейшая охтинская икона помещается в алтаре храма с левой стороны.

Самой почитаемой иконой храма является Божия Матерь Скоропослушница.

В 1881 году на Большеохтинском кладбище на средства купцов Елисеевых был выстроен замечательный по архитектуре храм в русско-византийском стиле в честь Казанской Божией Матери (взорван в 1929 году). Рядом в 1900—1903 гг. по проекту В. А. Демяновского на средства П. и Л. Елисеевых была выстроена богадельня на 120 стариков и 30 детей с амбулаторией и школой. По закрытии храма Елисеевской богадельни из нее в Никольскую церковь была перенесена чтимая икона Божией Матери Скоропослушницы, ныне пред которой с умилением молятся прихожане храма.

В церковь был также перенесен чтимый образ св. Параскевы Пятницы из одноименного храма на Пороховых (снесен).

С благоговением прихожане молятся также пред иконами свт. Николая Чудотворца, прп. Сергия Радонежского, прп. Серафима Саровского и вмч. Георгия Победоносца, попавшей в храм, видимо, из снесенной Георгиевской кладбищенской церкви.

Кроме упомянутых на Большеохтинском кладбище находились еще две церкви: в честь Покрова Пресвятой Богородицы и во имя св. вмч. Димитрия Солунского, близ которой располагалось единовещное отделение кладбища. При кладбище действовала также основанная в начале XIX века богадельня для лиц духовного звания.

В наши дни Никольский храм на Большеохтинском кладбище остается единственным действующим на Охте, он всегда чист и ухожен. В храме во всякое времялюдно: петербуржцы приходят сюда на родные могилы и в храм, помануть своих близких. Уже долгие годы настоятелем храма служит прот. Александр Кудряшов.

Старинное Большеохтинское кладбище, где погребены многие известные петербуржцы: митрополит Крутицкий и Коломенский Серафим (Никитин, ум. 1979 г.), архиепископ Тихвинский Мелитон (Соловьев, † 1986 г.), профессора Духовной Академии — А. Сагарда († 1950 г.), В. Верюжский († 1955 г.), М. Сперанский († 1984 г.), а также композитор духовной музыки П. И. Турчанинов, балерина Е. И. Истомина, фрейлина Е. И. Нелидова, кормилица Императора Александра I Е. П. Петрова, купцы Елисеевы, ныне нуждается в уходе и благоустройстве.

Престольными праздниками в Никольской Большеохтинской церкви являются дни:

9 (22) мая — перенесение мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бар.

6 (19) декабря — преставление свт. Николая Чудотворца.

Прихожанами чтятся также: Духов День — в па-

мять престольного праздника главного охтенского храма во имя Сошествия Святого Духа.

23 апреля (6 мая) — праздник св. вмч. Георгия Победоносца;

26 июля (8 августа) — преподобномученицы Параскевы Пятницы;

28 июля (10 августа) — иконы Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы) Смоленской;

9 (22) ноября — Божией Матери Скоропослушницы.

Память Праведного Иосифа Древодела, Обручника Пресвятой Девы Марии, свершается в неделю праотец и в неделю по Рождестве Христовом.

По воскресеньям в храме соборно поется акафист Божией Матери пред чтимой ее иконой «Скоропослушница». По четвергам — акафист святителю Николаю Чудотворцу; по вторникам — попеременно прп. Серафиму Саровскому и св. Параскеве Пятнице.

А. Липецкий

ДНИ СТРАСТЕЙ

*Народ, судимый тьмою гордой,—
Слепых и жалких не кляни...
Пусть встали алчущие орды,
Крича восторженно: распни!*

*В гробу твоя земная слава,
Легло предательство на грудь,—
К веселью дней ушел Варавва,
Тебе ж остался крестный путь...*

*Пусть ты и нищ и распят ныне,
Бичом и пыткой оскорблен,—
Но верь: придут к твоей святыне,
Но верь: признают твой закон!*

*Пройдут бестрепетно столетья,
И в странах дальних и простых
Узнают радостные дети
Святую правду мук твоих,*

*Твой крик восторга, стон разлуки,
Когда сомненьем жалким смят,
Умыл изнеженные руки
Тех дней чудовищный Пилат!*

1918 г.

А. К. Толстой БЛАГОВЕСТ

*Среди дубравы
Блестит крестами
Храм пятиглавый
С колоколами.*

*Их звон призывный
Через могилы
Гудит так дивно
И так уныло!*

*К себе он тянет
Неодолимо
Зовёт и манит
Он в край родимый —*

*В край благодатной,
Забытый мною,—
И непонятной
Томим тоскою,*

*Молюсь и каюсь я,
И плачу снова,
И отрекаюсь я
От дела злого;*

*Далёко странствуя
Мечтой чудесною,
Через пространства я
Лечу небесныя:*

*И сердце радостно
Дрожит и тает,
Пока звон благодный
Не замирает.*

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Проф. Н. А. Мещерский

Отрывки воспоминаний

(продолжение)

О моих братских поручениях

В большой (или умной) группе братства не так часто, два — три раза в год, собирались для заслушивания докладов. Когда в 1925 г., в день Отцов Первого Вселенского Собора, отмечалось 1600-летие этого собора, я выступил с докладом о нем. Заседания группы проводились в квартире Лидии Петровны Кирсановой, которая долгое время была старшей сестрой-массажисткой в больнице им. Свердлова и еще в 60-х годах делала массаж партийным деятелям. Пришлось ей делать массаж и митрополиту Пимену (нынешнему Патриарху), который до последнего времени посылал ей праздничные поздравления. Не знаю, жива ли она сейчас.

Философский кружок работал под руководством о. Варлаама и собирался у нас на квартире по воскресеньям, через неделю, после вечерины. Начали мы со «Столпа и утверждения истины» Флоренского — требовалась реферировать главы книги и беседовать о них. Потом намечались «Свет не вечерний» Трубецкого, «Два града» С. Булгакова, что-то из Бердяева. Кто принимал участие? Ростислав Лобковский, Иннокентий Астанин, о. Афанасий Карасевич, Федя Кисловский, учившийся в Институте истории искусств в одной группе с Львом Успенским. Приходил мой двоюродный брат Борис Форш, который не был православным, но весьма интересовался Православием и его философской стороной. Он был незаурядным поэтом (не знаю, печатался ли) и писал очень интересные стихи с мистико-философским налетом.

Бывали братья Благодатовы — Георгий и Иннокентий. Георгий, музыковед, лауреат Государственной премии, ныне работает по народной музыке в Институте театра, музыки и кинематографии, а Иннокентий — инженер-топограф. Эпизодически бывали Коля Гурьев и Леля (Алеша) Максимович, литературовед, работавший в Пушкинском доме (у него есть что-то о Некрасове). Через эти два лица наш кружок

был связан с другими, параллельно существовавшими, очень интересными организациями.

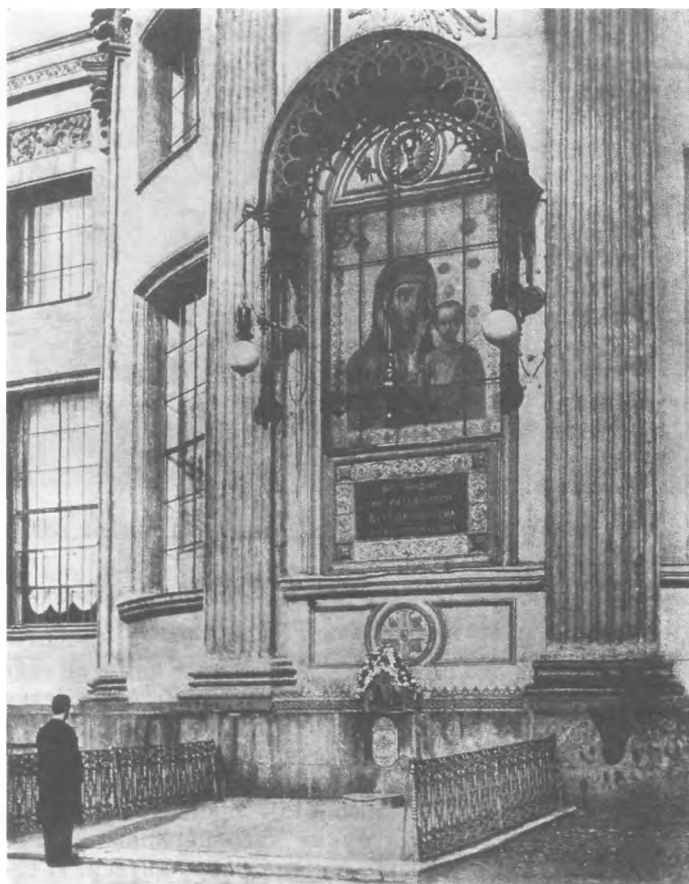
Коля Гурьев состоял членом Космической академии, Леля Максимович — участником организации «Воскресение» Мейера. У нас обычно бывали споры между Колей и «мейеровцами». «Мейеровцы», особенно левые, — «это шоколадный пистолет, который не стреляет» — так охарактеризовал Коля Гурьев «мейеровцев» в лице Лёли.

Монашеский кружок св. Иоанна Лествичника

В этом кружке по изучению монашества активную роль играл Ростислав Лобковский, с которым я его организовывал, и Лев Егоров, который поначалу за организацию взялся, а когда он отошел, то с 1926 года мы занимались года два с о. Варлаамом. В 1928 году включился о. Гурий.

В чем состояли занятия кружка? Каждый раз мы читали канон Иоанну Лествичнику, обязательно читали главу из «Лестницы» с комментариями. Затем, по очереди делали доклады по истории русского монашества 18—19 вв.: о Серафиме Саровском, Амвросии Оптинском, Игнатии Брянчанинове. Иннокентий Астанин подготовил доклад о Павле Пруском, старообрядческом монахе, архимандрите Преображенского единоверческого монастыря в Москве. Кто принимал участие? Примерно, все те же: Ростислав Лобковский, Иннокентий Астанин, Афанасий Карасевич, а также Б. С. Ляпунов, М. М. Тычинин, П. В. Дмитриев, другие — эпизодически. Когда нас посадили, наши собрания были главным составом «преступления».

Кружок особенно активно собирался в 1926—1928 гг. После 1928 года, по разным причинам, мы его «свернули», собирались лишь изредка.

С.-Петербург. Икона Казанской Божией Матери за алтарем Казанского собора.

Кружок церковной истории в семье Муретовых

Отец Муретовых — Дмитрий Дмитриевич Муретов — был историком. В предвоенные годы он и его брат Андрей Дмитриевич были известны как авторы книг к юбилею дома Романовых. Женой Д. Д. Муретова была Наталья Платоновна Кулаковская, переводчица «Феноменологии духа» Гегеля. Братья Муретовы и Н. П. Кулаковская были в 1905—1911 гг. организаторами и руководителями Студенческого академического союза, который стремился противопоставить себя студенческой анархии и разгулу, придерживаясь девиза: «главное для студента — учиться». Гегельянские настроения чувствовались во всей деятельности Кулаковской.

Ее отец, Платон Андреевич Кулаковский, был профессором Варшавского университета, видным исследователем южного славянства. Его брат Юлиан — византинист, профессор Киевского университета. Платон Андреевич был женат на сестре Всеволода Миллера, а на второй сестре был женат Николай Викторович Насонов, академик, зоолог. Целое соцветие русской интеллигенции! Их родственниками являлись профессор Духовной академии Муретов и архим. Дмитрий Муретов, известный церковный деятель.

Судьба старших Муретовых весьма печальна. У них была небольшая усадьба на Украине. Весной 1918 года они в нее уехали всей семьей с детьми: Таней (1910 г.), Алешей (1914 г.), Юрой (1916 г.) и Никитой (1918 г.). На Страстной неделе Наталья

Платоновна пошла в соседнюю приходскую церковь на Двенадцать Евангелий. Возвращается домой и видит — в доме побывали бандиты. Они убили Дмитрия Дмитриевича на глазах у детей, новорожденного ребенка в кроватке. Через несколько лет подобная судьба ожидала и саму Наталью Платоновну. Бандиты ее тоже убили. Вся семья осталась в сиротстве. Тане было в это время 10 лет. Их взяла на свое попечение тетя — Евгения Платоновна Кулаковская.

В 1921 году Евгения Платоновна попросила меня позаниматься с мальчиками историей Церкви. Закон Божий в школе в то время уже не было, а она очень заботилась, чтобы дети получили настоящее культурное образование. В первый год я преподавал им историю Вселенской Церкви от основания до паламитских споров, второй — историю Русской Церкви, от крещения Руси до 19 в. Мы тесно сошлись со всей семьей, в которой все очень любили друг друга.

Определенную роль играла Таня, которая затем поступила в институт истории искусств, откуда перешла в Университет. (Автор мемуаров сделал ей предложение, но она заколебалась. Уже в лагере из письма Тани он узнал, что она вышла замуж. Ей посвящена большая часть стихов Н. А. Мещерского — *Ред.*). В 1930 году она закончила Университет и работала в Эрмитаже.

Что было с мальчиками? Алеша стал архитектором, Юра — биологом, сперва был аспирантом на кафедре энтомологии, потом работал преподавателем формальной генетики. Никита учился в Горном институте и стал геологом. Они дожили до войны, и все погибли в 1941 году: Алеша — в блокаде, Юра — на Карельском фронте, Никита — на Пулковских высотах. А их тетка Евгения Платоновна умерла в блокаду. В последние годы она работала в Политехническом институте, заведую кабинетом экономической географии.

Из всей семьи в живых осталась только Таня, которая уцелела, потому что была выслана с мужем в Среднюю Азию еще до войны. Сейчас она живет в Медыни Калужской области.

«Космическая академия»

Ее основатель — Иван Михайлович Андриевский являл очень интересное сочетание врача и литературоведа. Он окончил Психоневрологический институт и одновременно учился на филологическом факультете Университета, занимаясь Достоевским и разбирая с психоневрологической точки зрения его произведения. В 20-е годы Андриевский был доцентом Университета и сотрудником ИЛЯЗВа и, между прочим, близким другом В. Л. Комаровича. В начале 20-х годов Иван Михайлович преподавал русскую литературу в школе на Петроградской стороне, в бывшей гимназии Лентовской, и имел громадное влияние на своих учеников и учениц, которые и составляли основное ядро «Космической академии».

Собирались у Андриевского и обсуждали разные философские проблемы. Во всем имелся значительный элемент игры: свою организацию они называли «Космической академией», наделили себя разными званиями — действительный член, профессор, доцент и т. д., в зависимости от «научных заслуг». Были у них дисциплины, которые тогда, да и теперь, считаются

ненаучными — астрология, алхимия и т. п., но были и серьезные философско-религиозные.

Из этой компании мне пришлось близко знать прежде всего самого Ивана Михайловича, с которым я встречался довольно часто. Последняя встреча состоялась в 1926 году на Смоленском кладбище, на похоронах А. И. Введенского, известного профессора логики. Мы несли гроб Александра Ивановича; я хорошо помню, что я и Иван Михайлович шли в одном ряду. Из молодежи я знал Колю Гурьева, сына врача, который жил на углу Большого пр. Петроградской стороны и Рыбацкой, над рестораном. Он был в нашем философском кружке и вел перепалку с «мейеровцами». После ареста он довольно легко отделался — получил три года высылки в Сибирь. И, кажется, умер в Ленинграде.

Борис Иванов бывал в кружке о. Михаила Поспелова, будучи братом Юрия Иванова, женатого на Вере, дочери о. Михаила. В ту пору, когда Борис бывал в кружке о. Михаила, он вел себя как «либр пансёр» и был далек от церковных и идеологических движений. Он учился на экономическом отделении ФОНА, тема его работы — «Бюджет рабочей семьи». Потом у него произошла духовная эволюция, и в 1925—27 гг. он уже готов был примкнуть к Православии. Летом 1927 года Борис решил отправиться в паломничество в Новгород. Для этой цели он облекся в подрясник и скуфейку, взял посох, но не забыл вооружиться фотоаппаратом и картой Новгорода. В таком виде паломника и туриста он появился в окрестностях Новгорода и обратил, конечно, на себя внимание блюстителей порядка. Его задержали и отправили в Ленинград, в ДПЗ, где он познакомился с о. Гурием Егоровым. По случаю 10-летия Октября, в середине ноября 1927 года, была амнистия, и большое число арестованных освободили. 4 или 5 декабря, может быть, на день раньше, отмечались именины о. Гурия, он тоже был в Киновии. Мы там встретились и беседовали, а вскоре встретились на именинах Коли Гурьева. Как раз в этот момент начались волнения в связи с декларацией митрополита Сергия. Борис Иванов, воспылав ревностью против митрополита, в самом конце декабря решил поехать в Сестрорецк к знакомому священнику, о. Николаю Орнатскому, желая обратить его в иосифлянство.

Отец о. Николая — о. Философ Орнатский, известный в Петербурге священник, настоятель Казанского собора и выдающийся проповедник, в 1918 году, после покушения на Ленина, когда официально был объявлен террор против «контрреволюционеров», был взят и расстрелян. Дочь, Вера Филосовна, была замужем за о. Михаилом Яворским, энергичным борцом с обновленчеством.

Направляясь в Сестрорецк, Борис сел в круговой поезд, а в Песочной была пограничная зона, где у всех проверяли документы. Надо было предъявить паспорт и объявить, куда едешь. Бориса спросили: «Куда едете?» «Бог не велел вам этого говорить!» — был ответ. «Предъявите паспорт». «Паспорта нет.» Бориса задержали до выяснения личности. Документов с собой у него не было, зато была записная книжка, в которой значились фамилии членов «Космической академии», их адреса и телефоны, а также присвоенные им звания: «магистр алхимии», «доктор черной магии». По этому списку и начали их забирать. Разбирательство велось, наверное, до сентября 1928 года.

С.-Петербург. Троице-Измайловский собор.

Однажды Коля Гурьев рассказал нам: «Какие у нас интересные доклады! Вот Сергей Алексеевич Аскольдов сделал доклад о мистическом значении русской азбуки. Как это интересно! Каждая буква имеет свой мистический смысл. Что такое буква А? — человек, изучающий землю; Л — человек, идущий по земле; Ё — необычная буква. Это церковь. Как ее порушили, так и церковь начала разрушаться. И самая необычная «ижица» — человек, идущий по небу. С тех пор мы стали называть их «ижицами».

Путешествие Бориса Иванова в Сестрорецк показало, что он был настоящий «ижица» («человек, идущий по небу»). Как все члены «Космической академии», он получил пять лет, был отправлен в Соловецкий лагерь УСИКМТЛ, доехал до Кеми: будучи в Кемии, постоянно отказывался от работы и, наконец, стал разводить на себе тифозных вшей, и от этого умер в 1928 или в 1929 году.

Еще один «ижица» — Андрей Миханков, студент классической филологии, великолепно владел греческим языком. У них был вечер, посвященный 10-летию Октября, и Андрей выступил с чтением поэмы на древнегреческом языке, оплакивающей Великую Октябрьскую революцию, но благо никто из доносителей греческого языка не знал, это сошло с рук. Когда Андрей попал в ДПЗ по делу «Космической академии», ему сказали: «Мы ценим ваш литературный талант и просим вас для нас писать как можно больше. Пишите все, что вы можете писать». И он стал писать «Что бы я сделал, если бы от меня зависела судьба России», распределяя государственные должности своим добрым знакомым, в том числе Ивану Ивановичу Толстому, которого назначил оберцеремониймейстером высочайшего двора, ибо тот отличался исключительной изысканностью в обращении. Впоследствии Ивана Ивановича зацапали, и более полугода он сидел в ДПЗ.

Дмитрий Сергеевич Лихачев по этому делу получил пять лет и начал свою научную деятельность в Соловецком лагере. Он там работал в криминалистическом кабинете и хорошо изучил воровской жаргон, посвятив ему свою первую научную статью.

В. Л. Комарович был тоже арестован, но потом его освободили из-за психической невменяемости. Он

С.-Петербург. Исаакиевский кафедральный собор.

уехал к родителям в Нижний Новгород, где написал книгу о китежской легенде.

Были среди «академистов» совсем молодые девушки. На именинах Коли Гурьева была девочка лет 17, которую он мне представил так: «Это наш доцент патрологии». Кажется, ее звали Лена Морозова. Этот «доцент патрологии», сидя в ДПЗ, просил, чтобы в передачу вложили резиновый мячик.

Все получили по пять-десять лет. Последним из них освобожден И. М. Андриевский, которому не разрешили вернуться в Ленинград, и он должен был поселиться в Волховстрое, где работал врачом, пережил войну. Я знаю, что в 1950-х годах он еще жил в Волховстрое.

О «Воскресении» и «мейеровцах»

Основатель общества «Воскресение» — Александр Александрович Мейер, был, как я знаю от его жены, членом РСДРП, в 1905 году примыкал к большевикам, «голосовал вместе с большевиками», как они выражались. Затем он увлекся богоискательскими идеями и идеалистической философией. Он тогда уже где-то преподавал. В 1912—1913 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» была его историко-философская статья. К 1917 году он оказался на работе в Публичной библиотеке.

Когда в 1917—1918 гг. начался саботаж, он и ряд сотрудников Публичной библиотеки — в отличие от очень многих — заняли позицию: мы против любой формы саботажа, будем работать в контакте с советской властью, но отстаивать свои религиозно-философские убеждения. Это была ведущая линия «Воскресения». В 20-е годы, работая в Публичной библиотеке, Мейер заведовал также учебной частью

в Институте физического воспитания им. Лесгафта и там вел философский кружок для студентов. В институте он организовал общество «Воскресение», куда входили студенты института, а также сотрудники Публичной библиотеки, в частности, Н. В. Пигулевская, работавшая в рукописном отделе. Она была близким другом Мейера и разделяла его убеждения.

По дню своих собраний общество называлось «Воскресение». Я на этих собраниях никогда не бывал и не знаю, какие там делались доклады, но из членов «Воскресения» знал очень многих, например, А. И. Алявдина. Видимо, там бывал о. Гурий Егоров, ибо его взяли по делу «Воскресения». Ходили М. В. Юдина, известная пианистка, и ее близкий друг Лев Пумпянский, который совершенно потом отошел; Нина Алексеевна Николаева и ее сестра Вера Алексеевна, ученицы Струве, работавшие в Эрмитаже. Их мать Мария Васильевна была активным членом «двадцатки» Никольского собора. В их очень церковном доме я встречал Сережу Ларина, будущего обновленца, а затем епископа Ярославского. То был редкий и удивительный случай монашества в обновленчестве. Порвав с обновленчеством, он снял с себя все звания, кроме монашества и потом опять прошел все ступени.

Дело «Воскресения» было заведено в 1928 году, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, когда был арестован Александр Александрович и многие другие. О. Гурия арестовали в середине декабря. Все, кто выжил, собирались в этот памятный день у Лидии Александровны Мейер в 60—70-х годах. Хотя я никогда не бывал на заседаниях, я хорошо был знаком с семьей Мейеров. Лидия Александровна состояла в братстве и меня привела в свой дом для семейных торжеств — я был шафером на свадьбе ее брата Аркадия. Когда же у Аркадия родился сын, меня просили быть крестным отцом. Я бывал у Мейеров часто — они жили на Петроградской стороне, около Большого и Ждановки, в б. Офицерском переулке. Интересная деталь: когда арестовали Мейера, пришли и за Ниной Алексеевной Николаевой, которой уже не было в живых, ибо она умерла летом 1928 года совсем молодой.

Из числа «мейеровцев» могу назвать Алешу (Лёлю) Максимовича, который учился вместе с Фёдей Кисловским и Успенским. По делу «Воскресения» он был осужден на пять лет лагеря, а, вернувшись, начал работать в Пушкинском доме и выпустил Некрасова в Малой серии «Библиотеки поэта». Скончался во время войны.

Пигулевская, тоже получившая пять лет, вернулась в Ленинград и стала известным ученым. Сам Мейер, отбыв десять лет, жил под Москвой и занимался переводами с греческого для А. Ф. Лосева. Остальные, взятые по делу «Воскресения», тоже понемногу возвращались. О. Гурий вернулся в 1933 году, другие — позднее. Их, наверное, уже никого не осталось в живых.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни

Глава VI

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

(продолжение)

Утвердившись в благочестии, Нифонт стал иноком. Его дни проходили в труде и покаянии. Из болтливого он сделался молчаливым. Если ему случалось произнести лишнее слово, он ударял себя сорок раз по лицу, и иногда заставлял себя подолгу ходить с камнями во рту, говоря:

— Для тебя лучше есть камни, чем говорить злые слова.

Наказывая свое тело за прошлые дни разврата, он бичевал себя так, что от ран отпадали куски тела. Но много ему еще пришлось постоять в борьбе.

Бес являлся ему то в виде скачущей перед ним птицы, то в виде бросающегося на него пса. И эти призраки исчезали перед знаменем креста. Иногда бес искушал голодного Нифонта, предлагая ему разную дорогую пищу. Но Нифонт отсылал его назад. Если он чувствовал в себе прежние плотские вожделения, то по целой неделе не брал хлеба в рот, и морил себя голодом и жаждой, пока похоть не проходила. Закаляя свою волю, он иногда, сжигаемый жаждой, набирал себе в рот воды, ощущал ее вкус и потом выливал ее на землю, не проглотив.

— Ты победил меня, Нифонт,— воскликнул раз бес.

— Не я побеждаю тебя,— отвечал он,— а сила Божия во мне.

И вот, при растущей силе его все усиливалась борьба, и, наконец, Господь попустил в течение четырех лет искувиться ему страшным искушением. Однажды враг стал внушать Нифонту: «Бога нет, ибо где Он?»

И, когда Нифонт стал молиться, язык произносил слова, но они не отдавались в уме. Он лишился тут непоколебимой веры в существование Божие, кото-

рая не оставляла его и в дни его падения и, искушавший голос нашептывал ему: «Бога нет, Бога нет».

— Никогда не отрекусь я от Моего Христа,— говорил он,— если даже и впаду в блуд, если убью, или сотворю еще мерзейшее преступление.

— Что ты говоришь,— нашептывал враг,— Христа нет. Я один всем владею, я один над всем царствую.

Страшные усилия употреблял враг, чтобы вынудить у Нифонта дорогая для себя слова: «Бога нет». И, четыре года Нифонт боролся, не сдаваясь и принуждая себя к молитве, которая не проходя чрез сердце, совершалась как-то вне его.

Это величайшее из искушений, которое посылает Бог только вернейшим рабам Своим, так называемая «мысленная брань». Ее пережил в течение нескольких лет и один из высочайших русских подвижников, преподобный Саровский Серафим.

Однажды в глубоком горе, в невыразимом страдании, Нифонт, простирая руки к иконе Спасителя, воскликнул:

— Боже, Боже мой, зачем Ты меня оставил? Дай мне познать, что Ты Бог, и что кроме Тебя иного нет.

И тут совершилось для Нифонта снова великое чудо. Лик Христов на иконе засиял, как солнце, и от иконы полилось благоухание. А потом глаза и брови у Спасителя стали, как у живого человека.

После этого долговременного, великого испытания, душа Нифонта закалилась, как сталь в огне. Была одержана одна из величайших побед духа, как-то знало когда-нибудь человечество. И на душу Нифонта, в которой победил Христос, спустилась тишина и спокойствие.

Бывшее прежде угрюмым и суровым, лицо Нифонта стало настолько веселым и светлым, что многие спрашивали, что это значит. Нифонт, одолевший нечистых духов, перестал их бояться и радостно говорил: — где те, которые говорят: «нет Бога»?

Благодарная душа Нифонта стремилась излить свою безконечную признательность Богу в торжест-

венном исповедании своих грехов. Он подошел к церковным дверям и, воздев руки к небу, скорбно вскрикнул:

«Прими, Христос, меня умершего душой и умом, не отвори лица Твоего от меня, не говори, что не знаешь меня. Но вонми гласу моему и спаси меня. Ты не хочешь смерти грешника, и я не отступлю от Тебя, пока Ты не дашь мне спасение».

И услышал тогда он в небе сильный шум и явился в дверях светлый Муж в облаке, и Муж этот, протягивая к Нифонту руки, обнял его, как отец блудного сына, и раздались слова милосердного Господа:

«Хорошо ты сделал, что пришел сюда, скорбящее мое чадо. Я много печалился и тужил о тебе. Сердце мое горело ожиданием, когда ты обратишься, вечером ли, утром ли. И теперь я радуюсь и веселюсь, видя, что ты обратился ко Мне всем сердцем...»

Может ли быть для верующего что-нибудь радостнее и утешительнее этого обращения!

То Божия Матерь как бы покидает небо для того, чтобы закрепить намерение истерзанного грехом погибающего человека, то милосердный Христос протягивает к нему прободенный за него на кресте руки, чтобы принять его с любовью отца, отыскавшего блудного сына, который больше никогда не уйдет от Него «на страну далече».

Каким ужасом начинается рассказ о жизни Нифонта, каким тихим, благоухающим, обещающим успокоением веет от конца этой победоносной борьбы.

И вот, Нифонт освобожден от греха, оправдан Божию благодатью, возстановил в себе все духовные силы, какия так обильно излил на него Господь и какия умерли в нем, казалось, навсегда, во время его бурной и грешной жизни. Нифонт явно беседовал с ангелами и явно видел бесов.

Однажды он шел перед каким-то домом, где жила известная блудница, и увидел там ангела, который горько плакал. Ангел этот был приставлен к одному благочестивому человеку, который в эту ночь впал в грех с этой женщиной, и ангел горько плакал об этом падении.

— Как ты не наставишь его, чтобы он убежал от греха? — спросил Нифонт ангела.

— Я не могу к нему приблизиться, — отвечал ангел, — он стал рабом бесов, и у меня нет над ним власти. Бог сотворил человека со свободной волей и показал ему пути: узкий и широкий, чтобы человек ходил по тому пути, который сам выберет.

Нифонту открыто было, как бесы ходили в народ и явно искушали людей. Раз видел он, как два человека работали. Бес стал нашептывать обоим что-то в уши, и они, бросив работу, затеяли между собою ссору.

Видел он раз церковного служителя, которому бес нашептывал мерзкия мысли. Чувствуя искушение, этот человек часто обертывался и плевал на беса.

— Зачем ты искушаешь этого человека, — спросил Нифонт, — если он тебя не слушает?

— Князь наш велит нам бороться с людьми. Он жестоко нас бьет, если мы этого не делаем.

Видел еще Нифонт инока, который шел с собранными мыслями, творя на ходу горячую молитву. Из уст его вылетело огненное пламя, которое доходило до неба. А за ним следовал ангел с огненным копьем в руках и этим копьем отгонял от инока бесов.

Раз во время всеобщего бдения, под праздник Вознесения, Нифонт увидал Владычицу Богородицу, вошедшую во храм с апостолами и множеством свя-

тых. С материнской любовью Она смотрела на людей, радуясь на тех, кто думал о своем спасении, качала головой и плакала над нерадивыми. Потом Она подняла к небу Свои руки и стала молиться Сыну Своему о спасении всех.

Это видение еще более укрепило веру Нифонта в том, что Владычица дивно охраняет людей и крепкой рукой ведет их к спасению. Вскоре он получил подтверждение этой веры. Во время сна напал на него враг с оружием в руке, чтобы убить его, но вдруг побежал с криком:

— О, Мария, Ты всегда прогоняешь меня от этого жестокого человека.

Нифонту были открыты тайны душ, оставивших мир и возносившихся в вечную отчизну. Он видел небеса раскрытыми и ангелов, из которых одни сходили вниз на землю, другие поднимались в небо, неся в своих объятиях человеческие души.

Как-то раз при приближении к блудному мытарству, демон стал кричать двум ангелам, несшим душу:

— Дайте нам эту душу, она наша.

— Какой знак укажете вы на ней, что она ваша? — спрашивали ангелы.

— Этот человек до смерти осквернял себя грехами плотскими всякого рода и умер без покаяния, что вы ответите на это?

— Мы спросим у ангела-хранителя этой души.

— Эта душа, — отвечал ангел-хранитель, — много грешила, но перед концом она исповедала Богу свои грехи. Если Бог простил, то знает, почему простил. Он имеет на то власть. Слава Его праведному суду.

И ангелы безвозбранно понесли дальше согрешившую и покающуюся душу.

Безграничное благоговение к Той, Которая была для него начальницей и надеждой его спасения, к Пресвятой Владычице, наполняло душу Нифонта. Он воздвиг Ей в Царьграде церковь, и при этой церкви жил. Своей верой он многих обращал к Христу. Бес явился однажды к нему со своим полчищем и хотел его замучить, но он силой Божией связал их и нанес им множество ударов. Тогда они, чтобы смягчить его, дали обещание не приближаться даже к тому месту, где произносится имя Нифонта.

Жизнь Нифонта и духовный опыт, им приобретенный, особенно драгоценны тем, что в его жизни сохранилось описание тех козней, которыми искушает враг род человеческий и вместе с тем той охраны, какою охраняют людей светлые силы.

Нифонт видел обширное поле правильной квадратной формы; на нем были разставлены триста шестьдесят пять полков из эфиопов. Один из них выстраивал воинов и ободрял своих подчиненных. Было принесено множество оружия, и роздано по полкам. Потом дьявол снабдил каждый из полков силою волшебства и пустил их по всей земле на Церковь Христианскую.

В ужасе и тоске созерцал Нифонт эти козни дьявола, посылаемые на землю. Но к нему был ободряющий голос:

— Оборотись, Нифонт, на восток и смотри.

И увидел Нифонт на востоке чистое, прекрасное поле и на нем еще более многочисленные, чем у эфиопов, полки. Воины стояли в белых одеждах. Они были вооружены, как на битву, и явился им Муж, сияя светом выше солнечного, и сказал им:

— Господь Бог Саваоф повелевает: идите по всей земле, помогайте христианам и охраняйте их жизнь.

Нифонт понял тогда, что, как ни велика сила дьявольских искушений, но выше и больше ее сила благодати охраняющей. Незадолго до конца своего Нифонт был поставлен епископом острова Кипрского по непосредственному указанию Божию.

Это событие произошло, быть может, для того, чтобы показать, как велика сила покаяния, и как Господь отмыкает грехи людей в такой мере, что потом Сам призывает их к высшим ступеням служения Себе.

Чудно описание последних часов жизни епископа Нифонта, при которых присутствовал знаменитый столп церкви, святитель Афанасий Великий, патриарх Александрийский. Последнюю ночь своей жизни Нифонт провел на рогоже, на которую велел положить себя.

На рассвете посетил его Афанасий Великий и спросил его, есть ли человеку польза от болезни.

— Сильней, чем золото, — отвечал Нифонт, — в котором отходит ржавчина, когда его жгут на огне, человек во время болезни очищается от своих грехов.

Сладостная улыбка озарила лицо святителя перед самой кончиной его, и он радостно произнес:

— Приветствую вас, святые ангелы.

Следующими словами его были:

— Вас, святые мученики.

Еще чрез несколько времени он произнес:

— Привет вам, блаженные пророки.

Тут отверзлись духовные очи Афанасия, и он увидел, что отходящего от земли к небу Нифонта приветствуют по очереди, каждый отдельно, все лики святых.

Умиравший несколько времени молчал, потом опять воскликнул:

— Приветствую вас, священники, преподобные и все святые.

Голос умирающего затих. Потом чрез несколько времени Нифонт в восторге воскликнул:

— Радуйся, Обрадованная, Красная, мой Цвет, Помощница моя и Крепость, Прославляю Тебя, Благая; ибо поминаю милость и благодать Твою.

То были последние слова, произнесенные на смертном одре праведников, это хвала Той, Которая Своим милосердием исторгла из ужасной пропасти погибавшую душу Нифонта и довела ее до рая. Владычица спустилась опять с неба принять на Свои руки спасенное Ею дитя, которое Она воззвала из бездн беззакония, и которое стояло теперь перед Нею, украшенное добродетелями, благоухающее святыней...

Много покоряющего и умирительного хранят в себе сокровища жизни святых. Но, кажется, нет повести более потрясающей душу, повести, где сильнее ощущались бы нити, связывающие небо и землю, соединяющие в одно гибнущих от греха людей и небесных воителей, готовых спешить им на помощь, чем эта чудная повесть.

Святитель Нифонт, епископ Кипрский, по верованиям церкви, имеет благодать избавлять людей от чарований, как получивший власть над нечистыми духами после такой страшной и упорной борьбы. А вся жизнь его представляет собой для нас сплошной урок покаяния, пример того, как ни на каких низах падения не надо отчаиваться, и как из безобразнейшего грешника можно стать сияющим благодатью праведником...

МИР ВЕРЫ

Глава I

ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРЫ

Так как человек состоит из души и тела, то его внутреннее настроение и чувства необходимо выливаются во внешние поступки.

До сих пор говорилось только о внутренних настроениях человека, о вере, которая возникает в душе, о порывах к Богу, о невидимой, действующей на человека благодати.

Теперь предстоит беседовать о том, какие внешние пути избрала душа человеческая для того, чтобы чувствовать себя ближе к Богу, иметь постоянные напоминания о небе, и какие пути избрала церковь для низведения на душу человеческую благодати.

Эти благодатные пути, называемые таинствами, особо многочисленны в церкви православной, точно так же, как особенно обильны в православии те внешние символы, в которые выливается живое благоговение души человеческой, жадно ищущей себе этих символов, форм и выражений своего внутреннего настроения.

Нам предстоит в этой книге говорить о храме, как жилище Божией славы, месте являющемся здесь на земле земным небом, об иконах, как видимом отражении населяющих внутренний мир верующего человека, отрадных и святейших образов, о мощах — источниках благодати, своим торжеством над тлением напоминающих нам о торжестве вечной жизни, о будущем восстании нас смертных, ничтожных, обреченных на гибель во славе, в нетлении и в безсмертии, об утешительных обрядах церкви, о свечах, и лампадах, о живом участии в жизни церковной, о поминальных жертвах при совершении божественной литургии, о значении праздников, о почитании святых, о посте, как средстве очищения души в духовном подвиге, о молитве, её силе и о том счастье, какое молитва дает.

Есть известные разряды христиан, считающих излишним большинство из перечисленных только что средств, на какие указывает детям своим православная церковь. Они полагают, что в области духа должно быть упразднено все внешнее. Но люди эти глубоко заблуждаются.

Не только из откровений многих лиц, достигших святости, хотя и не представляющих собою достаточ-

ного авторитета для упомянутых христиан, но и из свидетельства такого, решительно всеми христианами признаваемого авторитета, как апостол Павел, видно, что и в небе существуют формы внешнего прославления Божества. Апостол Павел, восхищенный в небо, слышал там неизреченные глаголы, которые невозможно пересказать людям.

Значит, и в небе раздаются слова. Из этих слов небожители сплетают хвалу свою Богу. И небесные обители, по общему убеждению всех святых, которое, конечно, имеет больше веса, чем мнение земных обыкновенных людей, оглашаются неустанным пением, в котором славословится Господь.

В небе есть своя иерархия. Полчища ангелов разделены по ступеням той любви, которую они пламенеют к Богу, и той ненависти, которую они воодушевлены против врага Господня и врага рода людского.

Когда, гордый близостью своею к Богу, Денница возмущился против Бога, и в зависти своей решил ниспровергнуть Его, чтобы стать самому на Его место, и поднял бунт против Вседержителя: распалясь великою ревностью, архистратиг Михаил собрал вокруг себя оставшихся верными Богу ангелов, вступил в бой с Денницею и его ополчением и низверг это полчище с неба.

Существует на небе известная иерархия, известные образы, известные действия, как же не существовать им на земле среди людей, внутренние движения у которых выражаются непременно в известных действиях?

Возьмем таинства.

Конечно, благодать Господня может действовать на душу человеческую непосредственно. Мы имеем перед собою примеры святых, которые жили десятилетиями в пустыне, никогда не встречая лица человеческого, и которые не имели на себе степени священства.

Из этого ясно, что эти люди не могли привлекать к себе благодать посредством духовных таинств и, тем не менее, они были водимы благодатью, имея ее на себе в величайшей степени. На них благодать изливалась непосредственно.

Но принадлежавшая к числу таких, в уединенном отшельничестве спасавшихся, святая Мария Египетская перед концом жизни после десятилетий, во время которых она не встречалась ни с одним человеком, встретившись в пустыне со старцем Зосимом, просила его чрез год принести ей причастие и после этого причастия мирно отошла к Богу.

Да и пример Марии Египетской собственно излишен, когда Господь наш Иисус Христос, приняв крещение в водах Иордана от Иоанна, тем самым доказал и завещал нам покорное принятие известных форм, в которых заключается высокий символ или таинственная благодатная сила.

Тот, кому приходилось много ездить по России на лошадях, знает, какое сильное, глубокое впечатление производит вид сельской церкви.

После долгой езды полями, весной ли, когда всходы зеленеют ровным, нежным, зеленым ковром, летом ли, когда мягкий ветер, гуляя по поверхности золотистого спеющего хлеба, ходит по нем мягкими волнами, осенью ли, когда сжатая поля щетинится на солнце соломой: во всякую погоду и во всякое время дня отрадно встретить каменный или деревянный храм, обнесенный оградой.

Мирно сияет вознесшийся на куполе крест — символ нашего искупления, символ Христовой победы, символ нашего будущего счастья. И как духовно сливаются с этим храмом словно льнущие к нему пространства: деревни и поля, политые трудовым потом крестьянства, и сверкающие на солнце реки и ручьи и темнеющий на горизонте лес...

Стойте же твердо, вздымайтесь высоко над родною землей, родные святыни, с которыми связано все, что есть значительного, нужного, священного в жизни человека.

Под вашу сень мать приносит своего новорожденного младенца, который принимает здесь крещение и нарекается христианином. Здесь совершается ежедневно величайшее чудо вселенной: словно льется из ран Распятого Пречистая Его Кровь и вливается в людей во оставление грехов и в жизнь вечную. Здесь в таинственной исповеди спадает тяготящее душу бремя грехов, и из купели покаяния человек выходит оправданным, невинным, непорочным. Здесь в таинстве брака зарождается юная семья и ниспосылается на соединяющихся любовью людей благодать, освящающая их самих и их будущее потомство. Сюда приносят, отжившего свой земной век человека, поют над ним последние прощальные гимны, надевают на него венец — символ воинствовавшего за Христа на земле борца и отпускают ему, во имя Божие, все его грехи. Здесь дрожит и бьется в восторге, в благодарении, в славословии, в прощении, в горе и в радости, в томлении и в надежде живое сердце человеческое. Сюда спускаются ангелы, чтобы слышать людские моления, принимать их, как куски благовонного ладана, которые они положат и воскурят в кадилах там, перед страшным престолом Господа Славы. Что есть в жизни и в душе верующего человека заветного, важного, волнующего его, с чем бы он ни пришел сюда в храм, чтобы сложить это легкое или тяжелое бремя к Божию престолу...

Сколько невиданных для людей и знаемых только теми, кто на себе это пережил, произошло тут счастливых возстаний; сколько людей, пришедших сюда с отчаянием в душе, выходили отсюда утешенными и крепкими; сколько здесь произошло возрождений; сколько здесь излито высочайших чувств и возникло пламенеющих величайших мыслей.

О, Господи, да будут очи Твои отверсты день и ночь на храмы наши, и да горят в них верою и усердием к Тебе сердца наши!..

Стояли ли вы в древних святынях земли русской, в которых излита вера прежних поколений, в которых звучат отголоски давних стонов, горят в воздухе давняя слезы?

В соборе Успения Богоматери во Владимире прислушивались ли вы к тому, как подаются и трещат соборные двери под страшными ударами татарского тарана и как врываются татары во внутрь святыни, а укрывшаяся на верх, на хоры с замурованным входом, семья великокняжеская, приняв схиму, получает от епископа благословение на смерть, и как дым пожара, подымаясь кверху, душит этих людей гибнущей Киевской Руси, которым открыл свои объятия ожидающий Христос, и как пение молитв сливается с треском огня и торжествующими криками татарщины...

Чудилось ли вам в великой церкви Киево-Печерской Лавры, строенной на дивных чудесах и преслав-

ных обетованиях, как Богоматерь во Влахерне Сама уговаривает братьев-зодчих для создания этого святилища на Киевских высотах, как приходят они в Печерский монастырь и создают этот храм небеси подобный — каменный отголосок райской славы...

Внимали ли вы чутким ухом под сводами первого русского святилища, Московского Успенского собора, прозвучавшим здесь тихим и грозным, утешительным и обличительным речам русских чудотворцев? Улавливали ли вы раздавшийся над этим храмом пророческий глас первосвященника Петра о славе Москвы, и с ней о будущем величии России? Видали ли вы чрез толщу веков, как загорелась здесь у раки древняго Петра свеча, когда вызванный в Орду для исцеления ханши Тайдулы святитель Алексей служил напутственный молебен? Среди давнего московского населения встречали ли вы, стена и плача и воля о пощаде, чудотворную икону, шедшую из Владимира в Успенский собор, в те дни, когда страшный «железный хромец» надвигался со своей губительною ратью на Москву, и надежда оставалась только на заступление Девы Пречистой?.. С трепетом в сердце внимали ли вы обличительным речам к Ивану Грозному митрополита Филиппа, который принес тут свою чистую жертву печалования за народ и шел отсюда в свое мученичество?

В дни великой смуты, когда приверженцы самозванца сорвали святительную мантию с патриарха Иова, слышали ли вы, как громко произносил он перед заветной иконой Владимирской: «Все двенадцать лет охранял я целостность веры. Ныне ересь торжествует. Владычица, спаси православие молитвами к Сыну Твоему».

Видели ли вы, как отрада и надежда смятенного и гибнущего отечества, святейший патриарх Ермоген разрешал здесь народ от прежде данных клятв, как нарекали здесь имя Михаила и возлагали на непорочного отрока царственный венец? Слышали ли вы на пространстве веков громы хвалебных гимнов после русских побед и присоединения к зачавшемуся в Москве новому русскому государству новых царств, областей, племен и народов?

В старой новгородской Софии всматривались ли вы с ужасом в помещенный во главе древний образ Спасителя, который был написан в благословляющем движении десницы, и три раза находили по-утру его с десницей сжатой, пока не последовал глагол: «Оставьте Меня с сжатой десницей, ибо сею Моею рукою я держу Новгород. Когда же десница разожмется, тогда и граду скончание будет». И видели ли вы с трепетом, как непостижимо со временем разжимается десница?

В старой Киевской Софии, над которой промчалось столько веков, испытаний, пожаров, погромов, грабежей и ужасов, — смотря на непоколебавшуюся в многократных разорениях собора алтарную стену с вознесшимися на ней видением Пречистой Девы, молитвенно поднявшей руки к небу: постигали ли вы в этом имени образа Пречистой «Необоримая стена» — всю неподвижную, необоримую силу Царицы Небесной и Заступницы русской?

Поражала ли вас мысль, неожиданно входя в храмы на востоке и западе, на севере и юге России, о том, что, вот на разстоянии десятков тысяч верст в этих святилищах на одном языке и одними словами совершается славословие Богу, и в те же дни во

Киев. Великая соборная церковь Киево-Печерской Лавры в честь Успения Божией Матери.

Владивостоке и Гельсингфорсе, в Архангельске и Батуме раздается призывный глас колоколов, и народ русский, получивший в обладание от Бога своего столь необозримую землю, свободной душой хвалит в этих храмах своего Творца и Благодетеля?

Проезжая раз, во время страстной недели, по расположенным вдали от железнодорожных путей местам Новгородской земли, я зашел в страстной четверг в бедный сельский деревянный храм в конце литургии. Крестьяне приобщались. Со скрещенными на груди руками они по очереди подходили к спасительной Чаше и из ложки втекала в их уста животворящая Христова кровь... И мне казалось, что ангелы Божии стояли за всяким из этого трудящегося крестьянского мира, и чистая струя Христовой крови сглаживала и выжигала из этих людей все их беззакония, все вольные и невольные грехи.

О, эти сельские храмы, без которых не вынести бы русскому миру его тяжелой земной доли, без которых задохнулась бы русская душа: та русская душа, в которой свет так перемешан с тьмою, которая словно для того иногда стремится к падению, чтобы после падения познать еще более лучезарное восстание.

Мы не видим нашим оплотнявшимся, немощным взором, мы не слышим нашим огрубевшим слухом всех тайн, которые совершаются в наших церквях. Если бы мы имели очи, чтобы видеть, и имели слух, чтобы слышать, мы бы увидели лики ангельские, наполняющие храм и сослужащие священнослужителям; мы бы услышали то небесное пение, которое раздается здесь, когда дребезжащим, надтреснутым и не всегда усердным пением дьячков на клиросе в пустом храме тянет священные слова. И как близок к истине рассказ о том, что, если приложить ухо к скважине запертой церкви, оттуда слышится тихое невыразимое пение. Послушаем же о том, что видали здесь иные люди, какия они получали тут откровения.

Когда великий Саровский Серафим был еще в сане дьяконском, он временами видал ангелов, сослужащих братии и воспевающих. Они имели образ молниеносных юношей, облеченных в белая золототканая одежды. А то, как пели они, нельзя выразить словом. Вспоминая об этом, отец Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск, таяй от неизреченной радости».

А вот, что видел отец Серафим в великий четверг, когда служил литургию. Как известно, «малый» выход от алтаря и следующий затем вход в алтарь знаменует вступление служащих в самое небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим вход святых ангелов быти, сослужащих нам и сослავляющих Твою благодать».

Когда после малаго входа и паремий, иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «и во веки веков», как он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, — все не в состоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам, о. Пахомию и казначею, что он видел. «Только что провозгласил я, убогий — «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» — и, наведя орарем на народ, окончил: «и во веки веков», вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса

Христа, во образе Сына Человеческого, во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистыя Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святой местный образ Свой, что по правую руку царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

Когда великий отец Сергей Радонежский свершал литургию, видали, как ангелы сослужили ему, и как он приобщался из святой чаши огнем.

Блаженный Нифонт, епископ Кипрский, имел дивное откровение относительно совершаемого во время литургии священнодействия. Однажды, стоя со своим учеником в церкви при патриаршем богослужении, Нифонт как бы прозрел духом. Он увидел огонь, шедший с неба и покрывший алтарь и архиерея. Когда запели «Трисвятое», показались четыре ангела и пели вместе с певцами.

Во время чтения апостольского послания, Нифонт увидел стоящего за спиной чтеца святого апостола Павла, наблюдавшего за чтецом. Во время чтения евангелия, божественныя слова поднимались к небу, как некие чудные светильники. Когда стали переносить после Херувимской песни Святые Дары, распахнулась церковная завеса, раскрылось небо и разлилось по церкви чудное благоухание. Затем стали сходить вниз ангелы с пением. Ангелы принесли прекрасного Отрока, поставили Его на дискос и окружили престол, благоговейно склоняясь пред честными Дарами. А два херувима и два серафима парили над главой чудного Младенца, овивая Его своими крыльями. Когда наступило время освящения Даров и великое таинство пресуществления, один из верховных ангелов приступил, взял нож и заколол Отрока. Кровь он выпустил в святую чашу и, положив Отрока на дискос, сам снова стал с благоговением на своем месте... Когда служба кончилась, Нифонт видел, как Отрок опять вдруг сделался совершенно цел, и на ангельских руках вознесен был на небо.

Вот, что невидимо совершается в храме на литургии во время видимых действий священника в алтаре.

При таком значении храма, какая жертва для верующего человека может быть отраднее и выше, как жертва на храм? Древняя Русь со своею крепкою верою оставила нам пример усердного храмоздательства. До нас не дошло, можно сказать, решительно ни одного остатка жилых домов древней Руси, ни царских, ни княжеских, кроме немногих искаженных теремов древней Москвы. Но храмы древней Руси, ея святилища, до нас дошли, потому что храмы русские были великолепнее и прочнее ея жилых домов.

Русь, вся деревянная, со своими деревянными даже дворцами, знала и старалась ставить храмы каменные, которые остались памятниками ея великого и умного благочестия. И в наши дни русское храмоздательство не прекратилось.

Жертвы на храмы современных русских являются утешительным и неопровержимым доказательством того, насколько живо еще благочестие в русской

душе, насколько, как и в старья времена, излюбленную мечту этой души составляет принести Богу сильный и щедрый дар. Храмов возникает по всему пространству России неисчислимое множество и за последнее десятилетие воздвигнуто много замечательных храмов.

В Киеве выстроен один из лучших храмов всей русской земли, Князевладимирский собор в память крещения киевлян Владимиром. Стены его расписаны главным образом великим гениальным нашим художником Виктором Михайловичем Васнецовым и представляют собою величайшее откровение иконописного искусства.

Юная обитель, Казанская Амвросиева пустынь при селе Шамордине Калужской губернии, сияет громаднейшим величественнейшим собором, который заложил в последние годы свои основатель обители, незабвенный великий старец Амвросий Оптинский. Такой же величественный храм сияет в другой юной обители Иверской Выхсунской, основанной другим замечательным старцем последних десятилетий иеросхимонахом Варнавою, подвизавшимся в ските Черниговской Божией Матери в окрестностях Сергиево-Троицкой лавры. В Тихоновой пустыни с целебным колодезем Преподобного Тихона Калужского воздвигнута одна из величайших в России колоколен. Только что недавно освящен великолепный и громадный морской собор в городе Кронштадте, где сосредоточен русский флот.

В постройке храмов часто находят себе исход неугасимая, ничем земным неутолимая тоска по дорогим утраченным людям, или наполняющее душу усердие ко Христу, к Богородице или к кому-нибудь из святых.

Велика и угодна в очах Божиих жертва на храм, приятны Ему те, которые жертвуют от избытка своего, но насколько выше и святее такая жертва, когда человек отдает Господу для построения храма все, что имеет.

Такую высокую жертву Богу принес по слову великаго старца Серафима исцеленный им офицер из нижегородских помещиков, Михаил Васильевич Мантуров. Мантуров заболел болезнью, в которой не мог найти облегчения от врачей, и которая заставила его покинуть военную службу. При страшных страданиях у него из ног выходили кости. В таком положении он услышал о благодати, действующей от старца Серафима. Рассказы эти были столь необыкновенны, что он немедленно велел везти себя в Саратов и рассказал старцу о своем недуге.

Преподобный Серафим долго молился у себя в келии и, затем, выйдя к Мантурову, помазал ноги священным маслом, произнося:

«По данной мне от Бога благодати я первого тебя врачую», и Мантуров тут же исцелился. Мантуров был человек благодарного сердца и великой искренности. Видя его душу и желая помочь ему принести Богу чудный самоотверженный дар, отец Серафим предложил ему обнищать ради Бога.

По совету старца, Мантуров продал свое имение и все вырученные от продажи деньги употребил на постройку в Дивееве, в связи с приходским храмом, стоявшим там раньше и посвящаемым крестьянами, большой двухэтажный храм для возникшей в Дивееве женской монашеской общины. Дивеевский храм был поставлен во имя Рождества Христова. По преданию, Богородица во сне сказала Мантурову:

«Ты почтил Сына Моего, а Меня забыл».

И, после этого голоса, была устроена нижняя полуподземная церковь во имя Рождества Богородицы.

Когда человек, знающий про эту чудную лепту, в Серафимо-Дивеевской обители стоит у могилы Михаила Васильевича Мантурова, он невольно преклоняется в душе пред высотой и чистотой этой самоотверженной жертвы. И, как белая лилия, выросшая из благодарности от благородной души этого жертвователя, белеет — красуется пред его глазами тот храм во имя двойного священного Рождества, у стен которого нашел свой последний приют праведный храмоздатель.

А по другую сторону храма, за приходской его частью, почивает храмоздательница этого приходского Дивеевского храма Агафья Симеоновна Мельгунова, имя которой тоже не может быть забыто, когда думаешь о лучших русских храмоздателях.

Родовитая помещица, владевшая наследственными имениями в нескольких губерниях, Агафья Симеоновна посвятила себя духовной жизни и, по особому повелению Богородицы, из Киева пришла на север России. Тут в селе Дивееве, в деревянной тогдашней церкви последовало ей видение Богородицы, которая приказывала ей остаться на этом месте, обещая, что тут возникнет великая женская обитель.

Продав свои имения, Агафья Симеоновна поселилась в Дивееве и много лет провела, как слуга, в доме местного священника. Она источала непрестанную милостыню крестьянам, обшивала, мыла и учила разуму их детей. Все свое достояние обратила в деньги, выстроила много храмов и обновила еще большее количество. Она в год голодовки воздвигала Дивеевский приходский каменный храм, этими работами кормя крестьян. На каком крепком основании стоят воздвигнутые усердием таких душ храмы!

Я знал одного простолюдина, который всю жизнь проработал десятником при постройках, вел жизнь строгую, имея единственным утешением посвещение церкви и духовное чтение. Отказывая себе во всем, он скопил маленький капитал и, по смерти своей, часть завещал на стипендию для студента-медика при Московском университете, а часть на украшение церкви в родном селе.

Давно забыт он, затерянный на одном из дешевых московских кладбищ, в одинокой могиле, к которой едва-ли кто подходит. Но в родном селе поминается его имя. А, когда забудут его, все же будут гореть на иконах на его средства помещенные на них оклады, будут теплиться тихие огни в серебряных, на его деньги купленных, лампадах. Будет сзывать на молитву крестьян, потомков его сверстников и товарищей, среди которых он рос, пока не пошел на заработки в Москву — по его завещанию повешенный колокол.

Если кто свои наследственные или заработанные деньги захочет поместить в какое-нибудь живое и святое дело, захочет этими деньгами послужить людям, то, кажется, нет жертвы чище и мудрей, как жертва на храм. Велика жертва на приюты для бесприютных детей, на учебные заведения, на пособия той молодежи, которая, холодная и голодная, получает образование, чтобы своим знанием служить потом народу. Высоки жертвы на школы и богадельни, на престарелых и беспомощных людей, но еще выше на храмы — эти школы и приюты народной души и вечные духовные врачевницы.

Не уместаясь на порожних землях своих в Европейской России, русское крестьянство широкой волной устремилось теперь заселять пустынные места Сибири с их благодатным простором и нетронутыми девственными силами, заложенными в почве. Много скорби переживают переселенцы, отрываясь от тех мест, на которых веками сидели их отцы, деды и пращуры. Много трудов великих и сложных ждут их на местах нового поселения, где все надо заводить сначала. И в этой скорби и в этих трудах особенно сиротливо чувствуют они себя без церкви.

Если кто захочет принести высокую жертву Богу в поминовение по своим родителям или другим дорогим людям, для испрошения у Бога себе какой-нибудь милости — пусть вспомнит о необъятном пространстве Сибири и усердной рукой поставит там храм, увенчав его православным крестом.

Подумайте о том, как отрадно также устроить храм на могиле дорогих людей. Над самым гробом отошедших воздвигается алтарь, поток Христовой крови льется над местом погребения и, в этом потоке, пока стоит мир и Россия, будет омываться душа человека, за которую поставлен храм...

Одной из величайших бед во время последней несчастной русско-японской войны была гибель в Цусимском бою русской эскадры. Множество молодых жизней русских матросов и офицеров нашло тут свой грустный конец. Имея возможность спастись, некоторые предпочитали тонуть со своим кораблем и погружались в пучину океана с криками привета далекой России, честь которой они не выдали в этом страшном бою. Пораженным неизгладимую печалью их отцам, матерям, женам и братьям не осталось даже утешения принять их прах и положить их в семейных усыпальницах. Вещественных воспоминаний от них не осталось. Все поглощено ничем не возвращающим океаном.

И вот, по мысли этих пораженных невознагражденными потерями людей возник в Петербурге заветный храм — «Спас на водах». Сюда эти осиротевшие люди приходят молиться, как ходили бы молиться на могилы этой дорогой, столь рано и ужасно угасшей, молодежи. Все проникнуто скорбью и воспоминанием в этом храме, заимствовавшем формы храмов древней России. На стенах прибиты металлические доски с именами утонувших героев, с переименованием на каждой имен погибших офицеров и числом нижних чинов. У некоторых из досок почти ежедневно сменяются свежие цветы. Этот храм великой скорби просветлен надеждой на загробные свидания.

В русской жизни создан трогательный обычай собирать у мира на построение храмов.

Городские храмы редко нуждаются в помощи посторонней, имея в большинстве случаев богатых прихожан, которые и в одиночку и в складчину могут воздвигать храмы, перестраивать и украшать их.

В среде богатого купечества, сохраняющего преданность церкви, развито даже некоторое соревнование в украшении храмов. Если в одном приходе богатчик великолепно украсил храм, другой богатчик в другом приходе старается его перещеголять.

Не то в бедных сельских приходах, где у крестьян нет средств на то, чтобы в короткое время самим поставить храм, заменить прежний деревянный каменным или обновить ветшающую церковь.

И вот, миром избирается сборщик и ходит по

разным местам России, больше всего по большим торговым городам, приглашая жертвовать на церковь.

Трогательный обычай высокого значения... Если вы не можете выполнить своей мечты, поставить Богу самолично, отдельно цельный храм, то, давая этим сборщикам, вы становитесь участниками храмоздательства по всей России. Вы давно будете лежать в могиле. Десятилетия и века изгладят совершенно ваше имя, а ваши копейки и серебрянные монеты в виде кирпичей, вложенных в храм, все будут стоять и вопиять о спасении души вашей к Богу. Или в призывном, спасительном, будящем душу, звоне колокола будет звучать часть вашего серебра, и в десятках, сотнях, а, может быть, тысячах храмов русских будет поминаться ваша душа, когда усердно закрестится православный народ при словах ектении: «Еще молимся о создателях святого храма сего и о всех прежде отошедших отцов и братиях, zde лежащих и повсюду православных». Дайте себе обет и соблюдайте его: никогда не проходить мимо церковного сборщика, не подавая ему копейки, хотя бы гроша.

Невидимо за этими людьми стоит Сам Христос, протягивая руки на построение Себе тех живых жилищ, которые должны же создавать Ему люди взамен того, что Он предоставил им — весь простор Им задуманной, Им созданной вселенной.

Жаль, что почти не встречаются теперь на улицах больших городов сборщики на колокол. Мне только раз довелось встретить такого сборщика на одной из бойких улиц Петербурга. Сбоку мостовой стояли запряженные в одну лошадь дровни, покрытые рогожей. На дровнях стоял небольшой колокол. Люди, крестясь, бросали на рогожу медяки.

О, этот кимвал, звенящий во славу Божию, сзывающий православных на молитву!

В одной из лучших песен своих: «Не так живи, как хочется», проникновенный русский драматург Островский изобразил человека, сбившегося с пути и в отчаянии решившегося на самоубийство. Он был готов исполнить свой ужасный умысел, как услышал звук церковного благовеста, опомнился и стал исправляться.

Мне пришлось присутствовать в одной сельской местности при подъеме на колокольную колокола. В трогательных молитвах молебна испрашивалась колоколу благодать, будящая людей к словословию Божию, пробуждающая в них добрые чувства. Кто не заслушивался гулом родных колоколов, кто из москвичей не дивился силе, величию, необычности пасхального трезвона в Москве.

Прозвонят двенадцать мерных ударов на кремлевских Спасских воротах. И Москва со своими, пылающими огнями внутри и снаружи, церквями еще молчит. И тогда над городом, в трепете и сосредоточении ожидающим своего Христа, пронесется вдруг рвущий воздух полногрудый звук Ивана Великого... Проплыл, еще не растаял, как за ним второй удар, там третий. Этот третий удар подхвачен вдруг во всех концах своих восторженной Москвой.

Звуки, как бы на приступ, лезут отовсюду на кремлевский холм, запевая, гудя, тихо разливаясь, и вновь, и вновь прибывая в силе, торжествуя сказанное чудо. И над этой волной звуков царит стихийный гром, неопровержимый, как вечность, все собою покрывающий гул Ивана Великого. И, кажется, когда пройдет вселенная, не станет уже времени: все

равно, в заветный час Воскресения Христова Иван колокол пропоет воскресшему Христу свою безглагольную медную песню.

Будем любить родные колокола и бросать в них свою медь и серебро.

О значении сбора на церковное строение с большою теплотой говорит поэт князь Вяземский в своем прекрасном стихотворении, из которого приведем несколько отрывков:

Свой страннический крест прияв, как благодать,
Из дальнего села пришел он в город чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нет, к дому Господа усердьем возгоря
И возлюбив и блеск, и святость алтаря,—
Он благолепью их посильный труд приносит
И именем Христа на церковь братий просит.
В волненьях суеты, среди столичных стен,
Преданье и урок Апостольских времен,
Он ходит между нас Евангельскою вестью
И праздныя сердца в нас будит к благочестию.
И редко кто пройдет — и больно за того,
Кто мимо мог пройти, не оделив его
Хоть малым чем-нибудь, хоть ласковым вниманьем,
Сочувствием любви, поклоном, пожеланьем.
Храня в душе моей отцов простую веру,
Я следовать люблю народному примеру
И лепту я мою спешу в тот сбор принести.
Скажу: и моего тут меду капля есть;
Скажу: и моего тут будет капля масла,
Чтоб пред иконою лампада в век не гасла,
Чтоб тихий свет ея лик Спаса озарял
И в душу скорбную отрадой проникал.
И, может быть, Бог даст, сей лептой богомольной
Искупится мой грех, иль вольной, или невольной
И там зачтется мне, в замену добрых дел,
Что к Церкви Божией душой я не хладел...

Среди сборщиков на церковное строение есть много людей высокой духовной жизни, пронесших на себе это трогательное дело, как очистительный подвиг. Вспомним тут знаменитого Некрасовского «Власа», этот удивительный чистый, русский, величественный, трогательный и потрясающий образ церковного сборщика:

В армяке с открытым воротом
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная:
Просит он на Божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам.
Да с железным наконечником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике
Бога не было: побоями
В гроб жену свою вогнал,
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;
Брал с родного, брал с убогаго,
Слыл кошеем-мужиком,
Нрава был крутого, строгаго...
Наконец, и грянул гром!
Влас тяжко заболел.
Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.
Роздал Влас свое имяние,
Сам остался бос и гол,

И собирать на построение
Храма Божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.
Сила вся души великая
В дело Божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.
Нет ему пути далекаго:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкаго,
И у царственной Невы.
Словом истины Евангельской
Собирая Богу дань.
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань...
Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой все говорит,
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.
Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летняя жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной...

Посещаемость храмов является обыкновенно точным отражением благочестия жителей.

О поэте Хомякове, который был искренним и усердным христианином, передают, что, возвращаясь в праздник из церкви, он с радостью говаривал: — Слава Богу, сегодня в церкви было тесно.

И, в самом деле, что может быть отраднее для верующего человека, как вид храма не только полного, но переполненного народом, часть которого стоит даже за стенами храма. Это тяжело в нашем климате зимою, но великолепно летом, когда звук священных слов проникает чрез открытые настежь окна, и пение хора смешивается с вольным пением птиц, которых тоже хвалят в песне своей Бога.

Кому приходилось бывать в церквях обыкновенно малаго размера, выстроенных в таких дачных местностях, которые бывают главным образом заселены летом, а зимой совершенно безлюдны, тот видал, как только какая-нибудь треть молящихся может стоять в таком по большей части деревянном храме, а все остальные размещаются снаружи этой церкви, выходящей, так сказать, из своих стен.

Один известный писатель выражает глубокую мысль о том, что как бы хорошо было, если бы внутри храма могли быть вдвинуты грядки с цветами, и внимали богослужению. «Что в том, что цветы не поймут этого богослужения. И я вот не совсем разбираю слова «Херувимской», а мне хорошо»...

И вот, возникает мысль о том, что возможно служение литургии вовсе без храма, на чистом лоне природы, к которому не притронулась еще человеческая рука. Представьте себе, что в местностях, где нет храмов, но где живет много людей, стремящихся к храму, выбирается уютная и просторная полянка, и среди нея ставится приспособление для престола:

не самый престол, в основание которого должны быть положены святые мощи, а стол в форме престола для того, чтобы на нем можно было положить запасный антиминс и служить обедню. Вокруг ничего: ни иконостаса, ни отдельных икон, ни подсвечников, ни царских врат. Храм во время совершения литургии будет без границ, без стен и без крыши, необъятым.

И в этом слиянии молитвы и природы, в пении, сменяющемся трелями соловья или переливным се-ребром жаворонка, шепотом деревьев и плеском речной струи — какая бы была красота!

Жизнь сама собой приводит к тому, что иногда богослужение выходит из храма. Так, в некоторых монастырях нашего северо-запада бывает такой прилив богомольцев в великие праздники, что духовенство с Чашами выходит из храма и приобщает народ в нескольких местах снаружи.

При открытии мощей благоверной великой княгини преподобной Анны Кашинской, вышедшие из двух соборов крестные ходы встретились на воздухе, где была совершена лития, после которой протодиаконом прочитан с соборного крыльца указ Св. Синода о восстановлении древнего почитания благоверной княгини.

Точно также в Москве, в вечер торжества прославления мощей святителя Еρμοгена, патриарха Московского, в разных местах кремля для народа, под открытым небом, на нарочно сооруженных помостах и принесенных к ним иконах, совершались всенощныя:

«Дух дышит, идеже хочет». И казалось бы особым величием и всемогуществом Божиим: если бы не только в храме, но и под открытым небом среди привольной природы совершалось чудо пресуществования.

Человека, который много путешествовал по Западу и видал, как там храмы открыты от раннего утра до позднего вечера, смущает мысль о том, почему у нас храмы открываются исключительно только во время богослужения. Святые доступны лишь в то время, когда люди, занятые размеренным трудом — службою или торговлею — бывают поглощены своей деятельностью.

Многие лица любят посещать ежедневно какую-нибудь излюбленную святыню. Так, есть многочисленный разряд лиц, которые стремятся всякий день поклониться Казанской иконе Божией Матери, стоящей в Петербурге в соборе того же имени. Но по утрам до поздней обедни, икона в большинстве случаев отсутствует, так как ее возят по домам желающих принять ее, а в шесть часов собор уже бывает закрыт.

Между тем несомненно, что если бы доступ в собор не был ограничен столь ранним временем, многие люди, освободясь от своих дневных дел, приходили бы к иконе на поклонение. Если вам под вечер в иностранном городе хочется сосредоточиться, вы входите в любую церковь, видите там светильники, тихо теплящиеся пред местными святынями. Вы можете уединиться, помолиться, успокоить свою душу, снять с себя какое-нибудь искушение, вообще сблизиться с Богом.

Можно со смелостью утверждать, что многие верующие, но слабые характером, поддающиеся соблазнам, люди избежали бы не одного искушения,

если б могли от этого искушения укрыться в каком-нибудь ближнем храме и там помолиться. Большие города бывают жестоки к своим жертвам. Много, много в них совершается в момент отчаяния самоубийств. И, может быть, не одна жизнь была бы спасена, если б при проходе мимо храма душу потянуло в последний раз под святые своды. А там знакомая, привычная обстановка веры оказала бы свое отвлекающее и спасающее влияние.

И хочется просить, хочется кричать: шире откройте храмы, не держите их на запоре постоянно, кроме часов службы. Сделайте храм тем, чем является та благодатная врачевница, вход в которую не возбранен ни днем, ни ночью.

На ночь церкви, конечно, можно и должно запереть, но часов с шести утра до девяти вечера им следовало бы быть открытыми, особенно в больших городах, где храмы, несомненно, имеют средства на то, чтобы держать достаточное для их охраны количество сторожей.

Вот, одна из тайн невидимо совершающаяся в опустелой церкви, описанная в прекрасном стихотворении старого поэта Розенгейма: «Пустая церковь».

Вечерня отошла: последний возглас клира
Замолк под сводами; волнуется народ.
Молитва кончена, и снова голос мира
В растворенную дверь детей своих зовет.
Вечерний солнца луч, в окошко проникая,
Скользит и движется по стенам и столбам,
И лики темные, как будто оживая,
Глядят таинственно, являясь тут и там,
Порой блеснет оклад, мелькнет резная рама,
Иль сцена библейей завешанных картин;
Кругом и полумрак, и тишь пустого храма...
Вот сторож задремал. Теперь я здесь один,
Один... нет, не один... Мне слышится рыданье:
Здесь плачут, здесь скорбят, здесь люди быть должны.
Еще здесь кто-то ждал, тая в груди страданье
Уединения, безлюдья, тишины.
Ищу, кто б это был. Чье горе, укрываясь,
Пришло наедине излиться пред Творцом.
Вот группа... женщина, слезами заливаясь,
С малютками-детьми склонилась пред крестом.
Невидим за столбом, я вижу их свободно.
Бедняка думает, что здесь она одна,
И пред Распятием, припав к плите холодной,
Рыдает, жаркою мольбой поглащена,
Как будто хочет все — весь гнет сердечной боли —
В ней вылить из души растерзанной своей.
Малютки — старшему девятый год, не боле —
Сробели, бедные, и плачут вместе с ней.
И, группу скорбную как будто осеняя,
Воздвиглось над ней Распятие в высоте,
И к плачущим, с него объятья простирая,
Склонился Праведник, распятый на кресте.
Забыв о Собственном страдании суровом,
Покрытый язвами и кровию облит,
Склонил Он бледный лик в венке Своем терновом
И, полный благодати, с любовью глядит.
Случайно освещен в тот миг лучем заката,
Он, мнится, говорит им взглядом кротких глаз:
«Идите все ко Мне, кого гнетет утрата,
Ко Мне, скорбящие, Я упокою вас!»

Людам сродно стремиться увековечить черты дорогих им людей, держать их пред собою и, всматриваясь в них, во время земной разлуки или после их смерти восстанавливать в памяти эти черты и, напрягая

соображение свое, чувствовать их пред собою присутствие, видеть их живыми, слышать их голос. Это здоровое, естественное, понятное стремление.

Люди сильной религиозной мечты стремились, понятно, запечатлеть во внешнем образе дорогую им память о Спасителе мира, о Пречистой Его Матери и о тех святых, которых они или знали живыми, или которые много веков спустя после их смерти стали близки духовному миру этих людей.

Происхождение икон и присущей им благодати по преданию таково. Первые десятилетия после Вознесения Христа на небо были охвачены жадной видеть воочию Пресвятую Богородицу, Которая казалась людям живым доказательством высоты Христова учения.

Один из современников Богоматери пишет к апостолу Иоанну Богослову: «Много жен у нас только о том и думает, как бы приехать к вам, чтобы видеть Матерь Иисусову. Достойные доверия люди поведали нам, что в Ней по Ея святине человеческое естество кажется соединенным с ангельским. И все такие слухи возбудили в нас безмерное желание видеть это небесное чудо».

И, когда эта мечта сбывалась, то, что видели те счастливые христиане, превосходило всякое их ожидание.

Так описывает Дионисий Ареопагит свое впечатление от лика Богоматери:

«Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую пред Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лицо Пречистой Девы, я пережил невыразимые чувства. Пред мной заблестало какое-то божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неописуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечной, божественной, небесной славы. От Ея благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух».

Понятно после этого стремление тех, которые не видали воочию Богоматери, видеть Ея изображение. Идя навстречу этому желанию, апостол Лука, который был живописец, изобразил лик Богоматери и принес к Ней свое написание. Богоматерь произнесла над этим изображением Своим: «Благодать Моя и Родившагося от Меня с сим изображением да будет».

Вот, происхождение икон и благодатной их силы.

Евангелист Лука, по преданию, нарисовал несколько таких икон. К числу их принадлежит знаменитая Владимирская икона, которая из Византии перешла к Владимиру Мономаху, затем к Андрею Боголюбскому, им перенесена из Киева у Вышгорода во Владимир, а для спасения Москвы от Тамерлана перенесена впоследствии в Москву; Андронникова, находящаяся в Вышневолоцком женском монастыре и некоторые другие.

Предание говорит о нескольких чудесных изображениях земного облика Самого Господа Иисуса Христа. Владелец города Эдессы Авгарь был поражен проказою, когда услышал о том, что в Палестине ходит необыкновенный человек, именем Иисус, и производит там поразительные исцеления.

Авгарь послал Иисусу Христу письмо, полное необыкновенной сердечности, в котором предлагал Ему прибыть к себе в Эдессу для исцеления, обещав

Ему покойную и безопасную жизнь, так как, повидимому, слышал, что у Иисуса много врагов. Был послан в числе посольства и живописец для того, чтобы в случае, если Иисусу невозможно будет приехать к Авгарю, с Него было снято изображение. Посол застал Иисуса Христа учащим народ, и живописец тщетно стремился отразить на полотне черты Пречистаго лика.

Когда, по окончании проповеди, передали Христу послание Авгаря, Он ответил относительно приезда отказом, потом потребовал плат, приложил к нему лицо, и на этом плате отразился лик Христа.

С этим Нерукотворенным образом посланный возвратился к Авгарю, который тут же получил исцеление. Авгарь стал христианином и окружил спасительный для себя Нерукотворный лик Спаса большим уважением. В последующее время Нерукотворенный образ помещался над городскими воротами, и пред ним теплилась неугасимая лампада.

Когда возникла иконоборческая ересь, истреблявшая и оскорблявшая иконы, и иконоборческое движение доходило до Эдессы, то православные жители Эдессы, спасая святыню, решились заложить лик Христов во впадине ворот кирпичами, оставя пред ним горящую лампаду.

Прошло много десятилетий, пока не было восстановлено иконопочитание, и при торжестве его был размурован образ Спасителя. Он оказался невредимым, а пред ним, чудом Господним и в знамение того, насколько угодно Богу иконопочитание, продолжала гореть зажженная так много лет тому назад лампада.

Есть еще рассказ относительно другого плата с Нерукотворенным ликом Христовым. Когда Христа вели от дома Пилата на казнь к Голгофе, и Он, изнемогая, падал под бременем крестнаго древа, одна благочестивая женщина, Вероника, сжалившись над Ним, вынесла Ему плат для того, чтобы Он мог стереть пот и кровь, струившиеся по Его лицу. Христос прижал плат к лицу, и когда Он отдал его Веронике, на плате отразилась глава божественнаго Страдальца с израненным челом, со спутанными волосами и в терновом венце. Этот плат Вероника по преданию носила императору Тиверии, который поклонился ему и принял в Христе замученнаго Бога.

Царьград, как средоточие Восточно-Римской империи, собрал к себе множество святынь и вещественных воспоминаний о жизни Христа на земле и о Богоматери. Среди них был перенесен из Эдессы в Царьград и Нерукотворенный образ Спаса. Большая часть этих святынь исчезла.

Разграбив Константинополь, крестоносцы захватили с собой на корабль среди других святынь и Нерукотворенный образ Спаса. Корабль их был разбит на море и пошел ко дну. Говорят, что в Архипелаге есть место, где постоянно крутится водная воронка. По преданию, ходящему между моряками, эта воронка обозначает то место, где пошел ко дну корабль крестоносцев с мировыми святынями.

В Италии, в городе Турине, хранится большое полотно с отраженным на нем изображением Христа. Полагают, что это тот самый погребальный саван, в который был обернут Христос и на котором столь же чудесно, хотя не столь ясно, как на Нерукотворенном образе, отразилось изображение тела умершего Богочеловека. Эта плащаница осталась в погребальной пещере при воскресении Христа.

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архиерейские богослужения и рукоположения	53
---	----

Неофициальная часть МЕСЯЦЕСЛОВ

Неделя Всех Святых, в земле Российской просиявших	55
---	----

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (Чудотворные иконы Божией Матери)

Икона Божией Матери, именуемая «Достойно есть»	58
--	----

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

<i>Свт. Григорий Палама. Проповедь в неделю Всех Святых</i>	61
---	----

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

<i>А. С. Хомяков. Церковь одна</i>	65
--	----

ПРОПОВЕДЬ

<i>Свт. Игнатий Брянчанинов.</i>	
<i>О последовании Господу нашему Иисусу Христу</i>	74
<i>Архим. Иоанн (Крестьянкин). Россия через семь таинств</i>	79

НАШИ ХРАМЫ

<i>И. В. Попов. Свято-Троицкая церковь («Кулич и Пасха»)</i>	83
--	----

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

<i>Проф. Н. А. Мещерский. Отрывки воспоминаний (окончание)</i>	86
--	----

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

<i>Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни (продолжение)</i>	91
<i>Стихи: А. С. Хомяков. Раскаявшейся России</i>	64
<i>России</i>	64
<i>В. Б. Две дороги</i>	78

Официальная часть

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

ИЮНЬ

Во время своего пребывания в Выборге 2 июня 1991 года Высокопреосвященный Митрополит С.-Петербургский и Ладужский Иоанн встретился с пастором Арво Сурво, управляющим лютеранскими приходами в Петербурге и области. Владыка поздравил его с возвращением местной лютеранской общине кирхи свв. Петра и Павла.

3 июня в Дубовом зале Музея истории города состоялось подведение итогов конкурса на памятник жертвам политических репрессий 1917—1950 годов. В результате общественного обсуждения большинство присутствующих высказалось за проект восстановления на Троицкой площади, где должен быть установлен памятник, старейшего петербургского собора — Свято-Троицкого, «репрессированного» в 1934 году.

В этот же день решением Исполнительного комитета городского Совета ставропигиальной Свято-Введенской Оптиной пустыни передано здание бывшего Успенского подворья Киево-Печерской Свято-Успенской Лавры (наб. лейтенанта Шмидта, 27), в котором до последнего времени размещался ледовый каток.

4 июня в С.-Петербурге с благословения и под руководством Митрополита С.-Петербургского и Ладужского Иоанна организовано Богословско-философское общество. В него вошли: сам Митрополит, преподаватели Петербургских Духовной Академии и Семинарии, профессора и доценты кафедр философии ряда высших учебных заведений, ученые. Главная задача общества, согласно уставу: «формирование, распространение и исследование в обществе духовно-нравственных ценностей, православной традиции народа».

5 июня 1991 года исполнилось 175 лет со дня кончины замечательного русского историка и писателя Николая Михайловича Карамзина. В этот день на его могиле на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры была отслужена панихида. Свершил ее клирик Свято-Троицкого собора Лавры о. Виктор Ерошенко. В панихиде приняли участие представители русских дворянских родов, проживающие в Петербурге, почитатели таланта Карамзина.

Встреча Митрополита С.-Петербургского и Ладужского Иоанна с управляющим лютеранскими приходами в Петербурге и области пастором Арво Сурво.

Митрополит Иоанн, прот. Лев Церпицкий и пастор Арво Сурво.

6 июня 1991 года в Государственном музее этнографии народов СССР состоялся праздник славянской культуры «Славянский ход», который благословил и предварил своим словом ректор Петербургских духовных школ протоиерей Владимир Сорокин. В программе праздника были выступления историков, искусствоведов, филологов, а также фольклорных коллективов.

В этот же день в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади настоятелем храма прот. Владимиром Цветковым была отслужена панихида по А. С. Пушкину по случаю 192-й годовщины со дня его рождения. **9 июня** в Спасо-Конюшенной церкви им же была совершена первая с момента закрытия храма в 1918 году Божественная литургия.

10 июня 1991 года зарегистрирована община церкви Успения Божией Матери что на Сенной площади. До начала работ по восстановлению церкви общиной планируется сооружение часовни на месте этого знаменитого храма Петербурга.

В этот же день епархии возвращен храм Рождества Иоанна Предтечи на Каменном острове (Каменно-островский просп., 7).

12 июня (30 мая ст. ст.), в праздник прп. Исаакия Далматского, день рождения державного основателя С.-Петербурга, у южного портика Петропавловского собора Петропавловской крепости настоятелем Князь-Владимирского собора прот. Павлом Красноцветовым была отслужена панихида по Императору Петру Великому. По ее окончании несколько собрав-

Панихида по Н. М. Карамзину по случаю 175-летия со дня его кончины.

шихся были допущены в храм, где возложили цветы на его могилу.

17 июня, в понедельник, в Николо-Богоявленском кафедральном соборе состоялось торжественное богослужение, посвященное 250-летию открытия Русской Америки. Ключарем собора прот. Николаем Шороховым был отслужен благодарственный молебен по этому случаю, а также панихида по Витусу Берингу и его сподвижникам — морепроходцам.

Панихида по императору Петру Великому у стен Петропавловского собора.

Водосвятный молебен в стенах Спасо-Преображенского Копорского крепостного собора.

Ныне на Фарфоровом заводе им. Ломоносова изготавливаются фарфоровые кресты, которые будут преподнесены в дар сохранившимся на Аляске и в США русским православным приходам.

В этот же день в музее-квартире А. А. Блока открылась выставка «Валаам и русская культура», на которой представлены редчайшие рукописные и старопечатные книги издания Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря, разнообразные документы, произведения живописи и графики, фотографии из собраний монастыря, Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Пушкинского Дома, архивов.

20 июня по приглашению церковных властей в г. Гамбург вылетела делегация епархии Петербурга во главе с секретарем Митрополита Иоанна архимандритом Симоном согласно программе сотрудничества между городами-побратимами.

22 июня 1991 года в скорбный день начала Великой Отечественной войны в храмах епархии состоя-

лись панихиды по погибшим в годы войны и блокады. На Пискаревском мемориальном кладбище духовенством епархии были возложены венки.

24 июня в Петербургской Духовной Академии прошло межепархиальное совещание по летней программе восстановления храмов и монастырей епархии. Решено основать для православной молодежи специальные курсы для обучения строительству, традиционным монастырским ремеслам, сельскому хозяйству, издательской деятельности. Паломники, желающие потрудиться на восстановлении храмов, смогут в июле поехать на остров Коневец в Ладожском озере, где начнется возрождение Коневецкого мужского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы.

27 июня 1991 года зарегистрирована община Исаакиевского собора С.-Петербурга, бывшего кафедрального собора города. Несмотря на то, что в праздники Рождества Христова и Святой Пасхи в храме проводились торжественные богослужения, собор до сих пор не возвращен.

В этот же день горожане смогли увидеть домовую церковь во имя св. Архангела Михаила, что в Михайловском (Инженерном) замке. Здесь открылась благотворительная выставка «Русская церковная художественная культура рубежа XIX—XX веков». В храме недавно отреставрированы плафонная роспись, барельефы, мраморный иконостас.

Село Копорье Ломоносовского района и старинная Копорская крепость стали центром торжеств, посвященных 750-летию победы русских войск, возглавляемых св. Александром Невским над рыцарями Ливонского Ордена в 1241 году.

30 июня в стенах Спасо-Преображенского Копорского крепостного собора (разрушен после пожара 1962 г.) настоятелем ораниенбаумского Михайловского собора о. Олегом Емельяненко в сослужении духовенства храма был отслужен благодарственный водосвятный молебен по случаю победы в битве при Копорье. Свершена панихида по погибшим воинам. В будущем предполагается восстановить старинный собор, а также саму крепость.

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

1 июня, в субботу, Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе г. Выборга, а в воскресенье 2 июня, в праздник обретения мощей свт. Алексия, митрополита Московского, там же совершил Божественную литургию, за которой рукоположил во диакона Михаила Рыбку, получившего назначение в Петропавловскую церковь г. Лодейное Поле. После литургии на проповеди Владыка поздравил прихожан собора с началом Петрова поста.

8 июня, в субботу, Митрополит Иоанн служил всенощное бдение в церкви Св. Апостола и Евангелиста

Иоанна Богослова в здании Петербургских Духовной академии и Семинарии.

В воскресенье 9 июня, в неделю Всех Святых в земле Российской просиявших, Владыкой в том же храме была совершена Божественная литургия. Рукоположен во иерея Сергей Соловьев, во диакона Викторин Кадников.

В этот же день Высокопреосвященнейший Митрополит Иоанн отбыл в Москву на празднование годовщины интронизации Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, которое состоялось **10 июня 1991 года** в Богоявленском Патриаршем со-

Святейший Патриарх Алексий II и Митрополит Иоанн в Богоявленском Патриаршем соборе в годовщину интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

боре. Владыка принял участие в торжественном богослужении по случаю этого события.

15 июня, в субботу, Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Иоанном в кафедральном Николо-Богоявленском соборе Петербурга было отслужено всенощное бдение, а в воскресенье 16 июня — Божественная литургия, за которой Владыка рукоположил во иерея диакона Павла Старосту, оставленного служить в Казанской церкви г. Зеленогорска.

Выборг. Спасо-Преображенский собор. Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн во диакона рукополагает Михаила Рыбку.

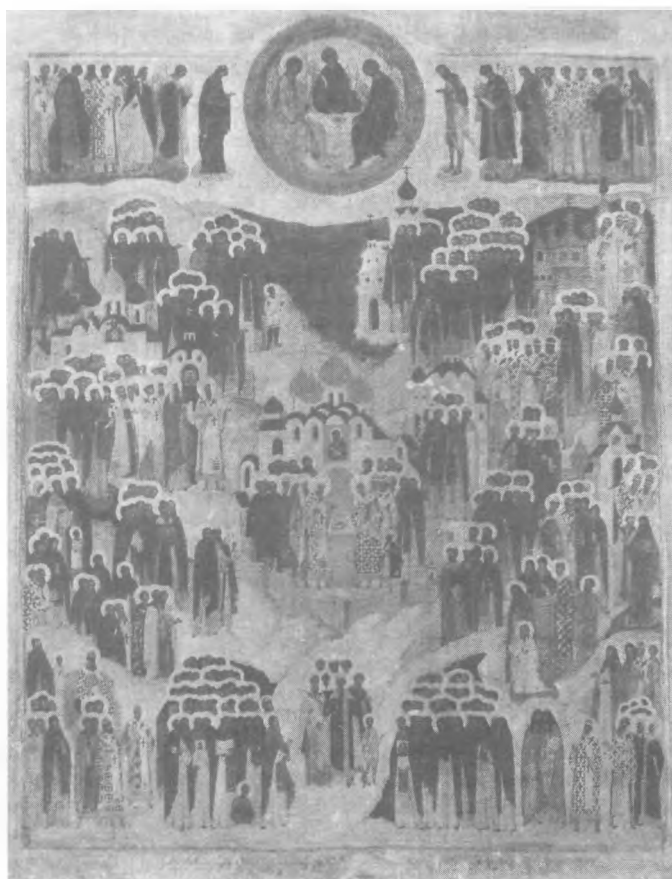
Неофициальная часть

МЕСЯЦЕСЛОВ

НЕДЕЛЯ ВСЕХ СВЯТЫХ, В ЗЕМЛЕ РОССИЙСКОЙ ПРОСИЯВШИХ

Икона Всех Святых, в земле Российской просиявших.

*Господи Боже, помилуй
Душу живую России! —
Мыслью проникнем в глубины
Вещего сердца России,
Будем молить непрерывно
С верой, надеждой и силой —
Ими же веси путями,
Боже, воздвигни Россию!*

Л. Даль

Всем знакомо традиционное название нашей страны — «Святая Русь». Святая — это не значит безгрешная, свободная от прегрешений и пороков. Русь была святой не потому, что все в ней были святы, а потому, что в каждом русском человеке, воспитанном в Православии, сознательно или бессознательно, жил идеал христианской святости. Он внутренне благоговел перед этим идеалом и преклонялся перед ним, даже если сам и был далек от него.

Святость есть идеал жизни всякого христианина, к нему призваны все люди, но в России этот идеал давно и однозначно утвердился именно как идеал общенациональной жизни. Не ученый и не воин, не государственный деятель и не писатель, а святой представлялся русскому народу образцом для подражания, образцом достигаемым и конкретным.

Святость сегодня не входит в перечень добродетелей т. н. современного общества. Порядочность, доброта, воспитанность — вот мерки, с которыми это секулярное общество подходит к человеку, хотя и се-

Сошествие Святого Духа.

годня в этом, далеком от христианских идеалов обществе живут праведники, живут страстотерпцы, живут люди, стремящиеся к святости, ибо измученный и униженный наш народ не утратил в своей лучшей части этого великого и высокого стремления.

Вправе ли мы однако говорить об особой «русской святости»? Не есть ли это признак национальной гордыни и кичливости? Существуют, разумеется, общехристианские признаки святости: мученическая кончина за Христа, праведная жизнь, чудотворения и т. д., а также связанное с ними поведение святого и его почитание в народе. Конечно, без этих общих признаков нет и не может быть русских святых. Однако, как не меняя своей внутренней сути и ни буквы не убавляя из Евангелия, христианство в каждой стране раскрывается как-то одной стороной своей больше, а другой — меньше и через это приобретает неповторимый оттенок, так и святость имеет свою национальную окраску, в которой выявляются характерные черты народного духа и его преимущественное тяготение к определенным сторонам воплощенного в Самом Христе идеала святости.

Всем сердцем приняв заповедь о любви к Богу и ближнему, русские люди особенно глубоко усвоили дух истинного христианского смирения и милосердия, т. е. сердцевину Благой Вести. Эти черты стали как бы общенародными и сохранились — пусть в искаженном и умаленном виде — вплоть до наших дней, несмотря на разрушительную пропаганду безбожниками прямо противоположного. Ныне хулители России пытаются в злобе своей представить русское смирение как «рабское начало», как «несомненный мазохизм», как «неистребимую покорность», забывая — намеренно или по неведению, — что примером смирения для нас был и остается Спаситель, Который неизменно «кроток и смирен сердцем» (Мф. II, 29).

Именно Христу подражали первые русские страстотерпцы — святые князья Борис и Глеб, когда они добровольно, без всякого сопротивления, приняли в 1015 году смерть от убийц, подосланных родным братом. И последними словами в устах Бориса была молитва: «Веси бо, Господи мой, яко не противлюсь, ни вопреки глаголю». Столь же кротко принимали смерть за Христа и в подражание Ему и другие наши святые: святые благоверные князья Михаил Тверской и Михаил Черниговский, святители Филипп и Гермоген и новые мученики, пострадавшие от богоборческой власти в нашем столетии. Смерть в последовании Христу почти приравнивалась в Русской Церкви к смерти за веру во Христа, и оба эти подвига равно почитались народом.

Кроме страстотерпцев — этого «самого парадоксального чина русских святых» (Карташов) широкое распространение в нашем народе получил подвиг юродства во Христе, вдохновленный горячим стремлением достичь добродетели смирения через самоуничтожение и самоумаление, т. е. отвержение своего эгоистичного «я». Хотя юродство пришло к нам с византийского Востока, оно особенно полюбилось нашим подвижникам в самых разных краях: от Пскова до Москвы, от Киева до Великого Устюга. Притворяясь безумными и терпя постоянные насмешки и поношения от «здравомыслящих», блаженные Михаил Клопский, Прокопий Устюжский и Василий Блаженный в сущности следовали Самому Христу, казавшимся безумным многим Своим современникам, гордым образованием и умом, хотя разум наш, по словам свт. Иоанна Златоуста, «всегда корыстен и мечтателен, и большей частью является рабом собственных предубеждений и внушений плоти».

Но наряду с юродивыми и страстотерпцами было на Руси великое множество святых, подвиг которых был сродни подвигу их древних предшественников в христианском мире, получив в местных условиях совершенно неповторимый характер. равноапостольным был св. князь Владимир, но кто среди других, ему равных по чину святых, с таким усердием выбирал веру, а избрав ее, радикально изменил собственную жизнь? Кто наподобие св. Сергия Радонежского мог вести жизнь истинного, далекого от мира аскета и в то же самое время благословить в грозную годину на ратный труд своих чернцов и великого князя? Многие ли из известных властителей, блистая и побеждая в битвах, готовы были вести смиренно-благочестивую жизнь и завершить ее иночески? А ведь так жил св. благ. кн. Александр Невский, покровитель нашего края.

А какие примеры для подражания, дорогие нашему русскому сердцу, дают нам наши святые угодники! Они — наши беспримерные учителя молитвы (прп. Паисий Величковский, св. Иоанн Кронштадтский), учителя великого терпения и смирения (прп. Иоанн Многострадальный, блаж. Ксения Петербургская), наставники благотворения ближним (прп. Феодосий Печерский, прп. Иосиф Волоцкий), наставники в миссионерском служении (свт. Стефан Пермский, свт. Николай Японский). И к ним, нашим отечественным святым, часто мы обращаемся с мольбой в трудные минуты и в эту тяжкую для Отчизны годину. Они, безусловно, не отменяют и не заменяют других святых, которых мы унаследовали от Православного Востока, и от других народов, но числом, разнообразием и высотой своих подвигов они напоминают нам

Св. Патриарх Тихон.

о великой любви Божьей к нашей Родине и её народу, который особенно в нашем столетии кровью запечатлел свою верность Христу и своим идеалам жизни по Нему.

Если в XIX веке на христианском Западе и Востоке из-за секуляризации общества, святых стало заметно меньше и подвиги их для народа — не столь, как прежде, вдохновляющи, то в России, напротив, мы видим целый сонм воистину народных святых и подвижников благочестия: от прп. Серафима Саровского, св. прав. Иоанна Кронштадтского до оптинских старцев, к которым за утешением и советом приходила почти вся огромная страна. Ими жила и ими вдохновлялась недавняя по времени «Святая Русь». И кто знает не была бы русская катастрофа много страшнее, а, может быть, пагубнее, не живи в нашем народе вековые идеалы святости и благочестия.

И благодаря этим живым и возвышенным идеалам дала Россия в нашем веке миру тысячи и тысячи мучеников за веру Христову, опровергая досужие рассуждения, будто бы усохло и оказенилось Православие и отпал от него народ. Ныне эти новые мученики молятся вместе с другими нашими святыми перед Престолом Господним, напоминая нам, что и мы призваны к подвигу святости, подвигу стяжания благодати Святого Духа, которая по вере нашей обильно подается нам как православным людям.

Как говорил св. Иоанн Кронштадтский: «Святые жили, подвизались, боролись, терпели искушения, побеждали от имени Господа врагов внутренних и внешних и — спаслись. Спасемся и мы, по милости Божией».

В. Антонов

Вид Кремля с Москворецкого моста.

ДОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Чудотворные Иконы Божией Матери

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМАЯ «ДОСТОЙНО ЕСТЬ»

Недалеко от монашеского городка Карей, на Святой Горе Афонской, в долине, которая принадлежит Пантократорской обители находится много келлий.*

В царствование братьев-царей Василия и Константина Порфирородных, в патриаршестве Николая Хрисоверга, жили в этой долине, в келлии, два подвижника. При келлии была небольшая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Ревностно спасались старец иеромонах и его послушник. Жили строго, в безмолвии, уединенно, усердно работая Господу. Иноки редко выходили из своей тихой келлии.

Случилось однажды, что старцу этой келлии захотелось выслушать всенощное бдение под воскресение в Карейском Успенском соборе. А его ученик остался стеречь келлию. Старец заповедал послушнику дома исполнить всенощное бдение, а сам ушел в Карею.

Наступила ночь. Вдруг послышался стук в дверь. Инок открыл ее и увидел пред собою незнакомого монаха. Радостью исполнилась душа благоговейного инока. Он приветливо встретил незнакомца и предложил ему отдохнуть от пути в своей келлии. И странник остался на ночь у гостеприимного послушника. Когда же наступило время совершения утренней службы, оба инока бодренно встали на молитву. В безмятежной, ночной тишине прославляли они своего Создателя. И неслись в небо их славословия. Шла умирительная, сосредоточенная ночная служба. Пели воскресный канон. Когда послушник стал воспевать Царице Небесной обычную древнюю песнь св. Косьмы, епископа Маюмского: «Честнейшую херувим» — вдруг дивный гость ангельски, умирительным, дивным голосом запел так: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего»; а к этому песнопению уже прибавлял и «Честнейшую Херувим» до конца.

Слезы умиления потекли из очей домашнего инока. Никогда в жизни он не слышал ни этих слово-

словий Приснодеве, ни такого сладостного, небесного, умирительного пения!

Незнакомый инок кончил свое песнопение.

«Чудно!» — воскликнул послушник, растроганный до глубины души. «Мы поем только „Честнейшую херувим“, а такой песни „Достойно есть“ мы никогда не слышали. Прошу тебя, сотвори любовь, напиши мне эту песнь, чтобы и я мог таким же образом величать и славить Богородицу».

— «Хорошо», — отвечал дивный странник, — «дай мне бумаги и чернил, я напишу тебе эту песнь».

— «Прости, отче!» — кланяясь и с прискорбием, в духе смирения и простоты говорил домашний певец гостю. — «Мы со старцем, занимаясь молитвою и рукоделием, редко нуждаемся в бумаге и чернилах, и потому в настоящее время нет у нас ни того, ни другого».

— «Так принеси мне, по крайней мере, какую-нибудь каменную плиту», — продолжал неведомый странник.

Послушник сейчас же принес гладкую, каменную доску и подал ее незнакомцу. Дивный инок, взяв плиту, перстом своим начал на ней писать всю вышеупомянутую Богородичную песнь. И, о чудо! Как воск умягчился камень под чудодейственной рукой удивительного посетителя. Пишущий перст его глубоко в него врезывался, и слова ясно и четко отпечатывались на камне.

Начертав всю песнь, он подал доску обратно домашнему иноку и сказал: «Отныне навсегда так пойте и вы, и все православные христиане». И мгновенно стал невидим.

В благоговении затрепетал послушник. Он ясно понял, что его посетил небожитель! Это был Ангел Гавриил, посланный от Бога возвестить христианам эту новую, Ангелами сложенную, подобающую Матери Божией дивную песнь.

Совершилось великое чудо, а за этим чудом следовало новое чудо! Послушник взглянул на образ Богородицы, перед которым пела была ангельская песнь. Икона была вся озарена небесным светом. Радостью сиял Лик Приснодевы. И небесная радость охватила душу благоговейного инока.

* На Афоне келлией называется маленький монастырь. Он управляется старцами-настоятелями.

Отшельник стал перечитывать несколько раз чудесные слова, дивным образом начертанные на доске небожителем. И на рассвете божественная деснь уже торжественно звучала в устах благочестивого инока... Старец возвратился с бдения и застал своего послушника поющим чудную песнь. Он был поражен новизною этого песнопения и спросил: «Откуда ты научился так петь?»

Тогда послушник рассказал старцу все случившееся, показал и самую доску с чудесно начертанной на ней божественной песней. Старец внимательно выслушал необычайный рассказ своего ученика о явлении к нему в келлию незнакомого дивного посетителя. Долго с изумлением и ужасом рассматривал старец исписанную неземным перстом каменную плиту, нес-

колько раз перечитывая чудесно написанную на ней божественную песнь.

Потом оба они, взявши камень, представили его в протат * и обстоятельно рассказали проту ** Святой Горы и собору старцев подробности дивного небесного явления. Тогда все едиными устами и единым сердцем прославили Христа Господа, сотворившего такое чудо во славу Преподобной Своей Матери, и воспели Ей новую песнь, принесенную на землю Архангелом Гавриилом.

Вслед за этим донесли патриарху и царю о чудесном этом явлении святогорскому иноку. Было подробно записано это дивное чудо. Для большего же подтверждения истины, самую каменную плиту с начертанной на ней песней Богоматери отослали к царю и патриарху в Константинополь.

И с этих пор эта величественная небесная песнь «Достойно есть» поется в Церкви Христовой. Она вполне выражает славу Богоматери, Славнейшей всех горних воинств.

Поется она и при Божественной Литургии и при других церковных службах. Она распространилась по всей вселенной. Даже малые дети знают ее и чистыми устами с великой радостью поют ее во славу Богоматери.

Святые отцы Горы Афонской решили, что никто иной, как сам Архистратиг Гавриил посетил смиренного отшельника. Ведь св. Архангел и при жизни на земле Царицы Небесной был пламенным воспевателем Ее величия, был Ее питателем, Ее служителем и радостным благовестником. Это он — начальник Горних, написал на доске архангельским своим перстом дивную песнь в честь Приснодевы!

Это чудо произошло 11-го июня, и этот день святые отцы святогорские постановили праздновать, особенно монахи, жившие на Карее. Еще они установили с честною иконою, перед которой Архистратиг Гавриил пел «Достойно есть», совершать торжественный крестный ход вокруг Кареи во второй день Пасхи.

Эту святую икону святые отцы Афона взяли из келлии и перенесли в соборный протатский храм в Карее. Святой образ носит название «Достойно есть» и теперь находится в этом храме в алтаре на горнем месте. Всем, приходящим и поклоняющимся с верою и любовью, св. икона струит благодатные дары исцелений душевных и телесных. Самая келлия со времени этого чуда называется «Достойно есть».

Почтили праздником святые отцы Горы Афонской и святого Архистратига, который принес земным песнь ангельскую. Они решили установить ему собор, по той же мысли, как установлен церковью собор 26-го марта в честь того же Архангела Гавриила. Но так как 12 июня большую часть приходится в пост святых верховных апостолов, когда поется аллилуия и совершаются междучасия, то, чтобы сохранить эти святые установления церкви и не допустить разрешения поста — установили отправлять только Богородичный праздник в самый день совершения чуда, а собор Архангела Гавриила перенести на 13-ое число месяца июля.

В 1488 г. от Богоматерной иконы «Достойно есть» совершилось следующее чудо. Все монахи, обитаю-

щие в Карее, на второй день Пасхи по обычаю собрались на службу церковную в храм протата. Пришли из окрестности Кареи иноки, живущие в келлиях. После службы совершился торжественный крестный ход вокруг Кареи с чудотворной иконой Божией Матери.

В сказанном году четыре монаха, обитавшие в Карее, на подворье обители св. Дионисия, нарушили по сатанинскому действию святоотеческое предание и установление. Когда крестный ход проходил мимо их подворья, то монахи не только не вышли навстречу святой иконе «Достойно есть», но, затворясь в своем доме, называли совершающих крестный ход ядцами и винопийцами, а установление крестного хода — делом противозаконным. Богоматерь не оставила без вразумления этих несчастных поругателей святыни. В вечер того же дня вдруг без предшествующих признаков бури, выпал сильный дождь с градом! По утру на следующий день оказалось, что растения огородные, виноградники и все другие плоды этого подворья были совершенно выбиты. И что удивительнее: бедствие это постигло исключительно только подворье Дионисиатское. В этом событии все ясно увидели гнев Божий на хулителей святыни. Когда монахи сообщили своей обители о постигшем их бедствии, то пребывавший в то время у них в обители святейший Константинопольский патриарх Нифонт в праведном гневе наложил на них строгую эпитимию за безумное их презрение к святой иконе. В следующий год, по внушению святейшего патриарха Нифонта, эти монахи выразили уже подобающее уважение чудотворной иконе Божией Матери, а у совершающих крестный ход торжественно просили прощения, что и получили.

Впоследствии монахи обители Кутлумуша тоже не захотели совершать крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери, именуемой «Достойно есть». Монахи вообразили, что они монастырские, и не должны участвовать в совершении крестного хода с иноками, живущими в келлиях, а должны это делать отдельно, как и другие монастыри. Во второй день Пасхи во всех обителях Афонских совершаются крестные ходы. Монастырь Кутлумуш отстоит от Кареи только на четверть часа хода, и крестный ход с иконою «Достойно есть» проходит мимо этой обители. И кутлумушцы не пожелали присоединиться к торжественному крестному ходу, не почтили дивного, чудотворного образа Царицы Небесной. Владычица и их наказала. Внезапно и с моря и с суши напали разбойники на пристань Кутлумушскую. Неверные предали огню все там находившееся. Увидев в этом явный гнев Божий, кутлумушцы раскаялись в своем самопревозношении и на следующий год смиренно совершили крестный ход вместе с другими чтилителями чудотворной иконы Царицы Небесной.

Но через некоторое время эти неразумные монахи обители Кутлумуша снова не захотели участвовать в общем крестном ходу с чудотворной иконой Царицы Небесной. На этот раз монахи получили свыше еще сильнейшее вразумление: новосозданная их трапеза и другие здания и стены внутри и вне обители, подобно стенам Иерихонским, внезапно рушились! Только теперь сознали кутлумушцы свой грех и стали искренно каяться в своем неразумии.

Молитвами Присноблаженной и Пренепорочной Матери Бога нашего да удостоимся все мы Царствия Небесного! Аминь.

«Жития святых», Москва, 1900 г., стр. 50—55.

* Протат — главное управление всеми монастырями Горы Афонской. Находится в Карее.

** Прот — главный из всех старцев, управляющих Афоном.

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Свт. Григорий Палама

БЕСЕДЫ

Беседа 25

*ПРОИЗНЕСЕННАЯ В НЕДЕЛЮ
ВСЕХ СВЯТЫХ*

Воистину, «Дивен Бог во святых Своих». Потому что когда кто-нибудь обдумает превосходящее естество борения мучеников, как будучи в немощи плоти, они посрамили сильного во зле, как, как бы не ощущая страдания и раны, они телом боролись с огнем, мечем, с различными и губительными обликами мучений, терпением оказывая сопротивление; и в то время как тела крошились и рвались суставы и дробились кости, они верно соблюдали исповедание Христа здоровое и неразоренное и неповрежденное и непоколебимое, вследствие чего им и была благодатно дарована премудрость Духа и гигантская сила; или когда кто представит себе терпение Преподобных, как они, как бы будучи бесплотными, выносили длительные пощения, бдения и иные разнovidные злострадания тела, и при том добровольно, в борьбе против лукавых страстей, против различных видов греха, во внутренне и в нас

самых сущей невидимой брани против начал, против властей, против духов зла до конца противопоставившись им, и внешнего человека истощая и умервщляя, внутреннего же обновляя и обожествляя, благодаря чему им благодатно были дарованы дар исцеления и действия силами, так что когда кто рассудит и подумает о том: насколько это превосходит наше естество, то удивляется и прославляет Бога, давшего им таковую благодать и силу; ибо хотя они и имели благое произволение, но без Божьей силы, не возмogli бы стать выше естества, и сущие в теле — одолеть безплотного врага.

Посему и Псалмопевец Пророк, говоря: «Дивен Бог во святых Своих», — присовокупляет: «Той даст силу и державу людям Своим». И обдумайте внимательно значение пророческих слов: так, хотя он и говорит, что Бог даст силу и державу народу Своему, —

потому что у Бога нет лицемерия (и всем Он дарует Свою державную помощь), — но дивен Он только во Святах Своих. Потому что, как солнце свыше щедро всем в равной мере излучает свои лучи, но видят их только имеющие глаза и не смыкающие их; имеющие же чистые (незамутненные) глаза наслаждаются сиянием, которое зорко видят вследствие чистоты очей их, что не доступно для тех, у которых, вследствие болезни или омрачения или иного чего, притупилось зрение; — так и Бог свыше доставляет всем избыточную помощь, — ибо Он — неизсякаемо-источающий, спасительный и озаряющий Источник Милости Добра; — наслаждаются же Его благодатью и силою к соделованию добродетели и достижению совершенства, или даже — к совершению чудес, — не просто все, но лишь те, которые проявили доброе произволение и через дела показали любовь к Богу и веру; которые совершенно отстранились от всего дурного, твердо же держались Божьих заповедей, и душевный взор имели устремленным на Самое Солнце Правды — Христа, Который не только невидимо свыше простирает подвизающимся руку помощи, но и через Евангелие, увещавая, прямо вслух нам сегодня говорит: «Всяк, убо иже исповесть о Мне пред человеки, исповем о нем и Аз перед Отцем Моим, Иже на небесах». (Мф. X, 32). Видите ли: что ни мы не можем дерзновенно высказывать веру во Христа и исповедать Его, без наличия Его силы и содействия; ни Господь наш Иисус Христос не может заявить о нас хорошее в будущем веке, без наличия повода для этого с нашей стороны? Ибо, являя это Он не сказал: — всякаго, кто исповедает Меня пред людьми, — но: — «Всякаго, иже исповесть о Мне», — потому что в Нем и благодаря Его помощи может кто-либо смело исповедать благочестие. Так и затем: «Исповем и Аз», — не «его», но: — «о нем», т. е. вследствие доброго состояния и стойкости исповедающего, которую он показал в отношении благочестия. Потому что посмотри, как затем Он говорит относительно малодушествующих и предающих благочестие: «А иже отвержется Мене пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесах» (Мф. X, 33). Здесь Он не сказал: — иже отвержется о Мне; почему? — Потому что, будучи оставлен помощью от Бога, отвергающийся отвергается Бога. Почему же, тогда, он был оставлен и покинут Богом? — Потому что он первый оставил Бога, возлюбив привременное более — обетованных Богом небесных и вечных благ. Так, в свою очередь, и Христос отвержется не «о нем», но — «его», как ничего не обретший в нем, что мог бы заявить в его пользу. Поскольку же имеющий любовь к Богу, в Боге пребывает, и Бог в нем, как говорит возлюбленный Христу Богослов, — то истинно любящий Бога, творить исповедание по справедливости о Боге, потому что Бог пребывает в любящем Его; поскольку же и он пребывает в Боге, то и Бог сотворит в нем признание в его пользу!

Итак, слова: «Всяк иже исповесть о Мне, исповем и Аз о нем», показывают неразрушимую связь между Богом и исповедающим Его, связь, от которой далеко отстоит отвергающийся. Таким образом, Божественное воздаяние заключает в себе Божественное правосудие; на основании подобия они друг другу соответствуют.

Итак, таково и так обстоит дело в отношении соответствия между наградами от Бога и тем, что нами приносится Ему. Посудите же: какое огромное пре-

восходство Божьей награды тем, которые о Нем исповедали Его. — Потому что каждый из Святых, будучи рабом Божиим, исповедал во временной сей жизни и пред лицом смертных людей; более того — в течении краткого времени века сего и пред лицом малого числа подобных ему, как мы сказали, людей. Господь же наш Иисус Христос, будучи Богом и Господом неба и земли, исповедует хорошее в пользу сего человека в присносущном и непрестанном оном мире, пред лицом Бога и Отца, в присутствии предстоящих вокруг Ангелов, Архангелов, всех Небесных Сил, в присутствии всех людей от Адама и даже до конца мира, потому что все воскреснут и предстанут на суд Христов. И тогда, когда все будут присутствовать, все видеть, Он возвестит и прославит и венчает тех, которые до самого конца явили веру в Него. Какая нужда пытается показать выше — естественные оные венцы, превосходство будущих оных наград, которых ни наше земное око видеть может, ни ухо слышать, ни в сердце представиться? Но какое слово достойно изобразить и то, что теперь видим; именно — ту славу, которую Бог воздал гробницам Святых и останкам их костей, во все времена сохраняющееся ошутимое в них дивное благоухание, источники мира, дарования исцелений, действие сил, многовидные и спасительные для нас проявления в них? Скажу опять, что с их стороны было принесено то, что человек мог принести Богу, в течение короткого времени, как я сказал, и пред лицом некоторых князей и царей; воспевают же и величают их, — почитая и славя и припадая, и не только к ним самим, но и к иконам их, как Владык, и больше чем — Владык и Царей, — цари и князи и все подвластные, до такой степени склоняясь пред ними, по своей воле и радуясь, что и детям своим желают оставить их после себя более всего иного, как бы некое блаженное наследие и источник высшего благосостояния. А это — пример и доказательство и как бы предшествование будущей оной неизреченной славы, которую и ныне имеют на небесах души праведных и которую в будущем веке получают вместе с этими, прошедшими вместе с ними до конца бораения о Боге, телами. Являя это преизбыточество славы и будущих благ, Господь сказал Святым Своим ученикам и Апостолам: «Аминь глаголю вамъ, яко вы шедши по Мне, вы пакибытие, егда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двоицadesяте престолу, судяще обеманадесяте коленомо Израилевома»; относительно же всех просто верующих: «Всяк», говорит, «иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею примет, и живот вечный наследит; (а) иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. XIX, 29; X, 37). Потому что поскольку Бог и Отец дал за нас Сына Своего возлюбленного, и Сам Единородный Сын Божий дал Себя за нас, то справедливо требует, чтобы и мы пренебрегли всеми близкими нам по родству, если они окажутся препойой для благочестия и образа жизни, который отвечает сему. И что говорю: близкими по родству? — Ибо, когда призовет время, требуется, чтобы каждый и душу свою положил; что вместе — справедливо и необходимо, если кто желает получить вечную жизнь; поскольку и Сам Сын Божий положил душу Свою за нас; посему опять Он говорит: «Иже не примет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин» (Мф. X, 38). Крест же

заключается в том, чтобы распять плоть со страстями и похотями.

Итак, когда будет мирное время для благочестия, то путем добродетели умерщвляя злые страсти и вождения, человек таким образом является вземлющим крест свой и следует за Господом. Когда же наступило бы время гонения, то презрев свою жизнь и предав душу свою за благочестие, человек таким образом вземлет крест свой и следует за Господом и таким образом наследствует вечную жизнь. Ибо Христос говорит: «Обретый душу свою, погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю» (ст. 39). Что же означают эти слова: «Иже погубит душу свою, обрящет ю»? — Человек сугуб: внешний имею ввиду — тело, и внутренний наш человек, именно — душа. Посему, когда внешний наш человек предаст себя на смерть, этим он губит свою душу, отделяемую от него; когда же за Христа и Евангелие он таким образом погубит ее, тогда-то воистину обретет ее, доставив ей небесную и вечную жизнь, и во всеобщем воскресении имея ея таковой, благодаря ей и сам, — имею ввиду, — и по плоти — он станет таким же небесным и вечным. Но поскольку это — тяжело и велико и дело только совершенных и так сказать — апостольское дело: распять плоть со страстями и похотями, быть готовым на крайнее безчестие и на позорнейшую смерть ради добра, погубить душу свою ради Евангелия, — то, то что затем Господь, допуская, говорит, служит в утешение тем, которые не имеют сил для такого, превосходящего естество, подвига: «Иже вас примет», т. е. Апостолов и последующих за ними Отцев и Учителей благочестия, — «Мене приемлет», говорит, «и иже приемлет Мене, приемлет Пославшаго Мя» (Мф. X, 40).

Итак, этими словами, побуждающими принимать Святых, Он уготовляет для совершенных то, что их будут принимать, а для уступающих им в добродетели доставляет спасение в том, что они будут принимать этих совершенных праведников. Но видишь ли: какая великая награда принимающим тех, которые живут по Богу и Учителям Истины? — Ибо принимающий их, принимает Отца и Сына. Но как достоин принимать этих праведников? — Не только оказывать им гостеприимство и предоставлять отдых, но и оказывать им послушание. Посему опасаясь, что будут отвергающие их, в ином месте Он сказал Своим Ученикам: «Отметаясь вас, Мене отмечают: отметаясь же Мене, отмечается Пославшего Мя» (Мф. X, 16). Но оказывающий гостеприимство людям Божиим и предоставляющий им отдых, если только это делает во имя Божие, воспримет большую награду; и являя сие, Господь сказал: «Приемляй Пророка во имя пророче, мзду пророчу примет: и приемляй праведника во имя праведничю, мзду праведническую» (Мф. X, 41). Каким образом воспримется награда пророческая и награда праведническая? — Так, как Апостол говорит: «Ваше избыточество во оных лишение: да и оных избыток будет в ваше лишение» (2 Кор. VIII, 14); так во имя Божие принимающий и упокоивающий праведника, как — праведника, если это делает и не в больших масштабах, но и нечто малое даст, великую получит пользу; ибо Христос говорит, что «И иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своя» (Мф. X, 42). В этих словах и побуждениях Он выражает заботу не только о праведниках и учени-

ках, но гораздо более — о принимающих их; потому что если бы Он заботился только о них, то ограничился бы только тем, что увещевал бы и требовал бы принимать их и упокоивать, и указал бы каким образом это делать; а так, прибавляя: во имя Пророка и Ученика и Праведника, — Он выражает большую заботу о принимающих их, направляя их мысль к лучшему, дабы награда следовала за ними вместе с добродетелью.

Христова Церковь, почитая и после смерти тех, которые истинно о Боге жили, каждый день года творит память Святых, преставившихся в этот день отсюда и отошедших из этой смертной жизни, представляя ради нашей пользы житие каждого из них и их кончины, умер ли Святой своею смертью или же закончил свою жизнь мученической кончиной. Ныне же, после Пятидесятницы, всех собирая вместе, она общий возсылает им гимн, не только потому, что все они взаимно связаны друг с другом и согласно Владычней молитве, представляют одно: — «Даждь им», обращается Господь в Евангелии к Своему Отцу, — «да и все едино будут: якакже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Насъ едино будут во истине» (Ин. XVII, 20).

Итак, не только по сей причине, общий им всем гимн приносит Божия Церковь, но еще и потому, что имеет заботу в течение святой Четыредесятницы и следующей за ней — Пятидесятницы, все дела Божии объявить и воспеть. Итак, после того, как все было возведено, как вы знаете, — именно: как весь этот мир в начале был сотворен Богом; как Адам был извергнут из рая и от Бога; как был призван древний народ; как и он согрешив, был отвергнут от близости к Богу; как Единородный Сын Божий, приклонив небеса, ради нас сошел и ради нас совершал невиданные вещи, и научил спасительному пути, страдал и умер за нас, был погребен как Человек, и как Бог воскрес тридневен, и на небеса, откуда и сошел, затем с плотию вознесся, и севши одесную Отца, послал оттуда Всесвятого Духа. Итак, после того, как все это воспела Божия Церковь, ныне и остальное присовокупляя и вместе объявляя, именно: — какие великие и сколь многочисленные плоды для вечной жизни собрало пришествие Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и сила Всесвятого Духа, — Она творит память Всех Святых вместе и всем гимн и честь воздает сегодня.

Итак, почтим и мы, братья, Святых Божиих. Каким же образом почтим? — Если в подражание им очистим себя от всякой скверны, плоти и духа и отступим от зла, как наконец, через воздержание от зла, побудимся к их святости; если удержим язык наш от клятвы и клятвопреступлений, от пустословия и брани, и уста наши — от лжи и доносов, и таким образом принесем им хвалу. Если же мы не очищаем себя так, то справедливо каждый из нас услышит от них сказанное Богом грешникам: — как это ты дерзаешь запоминать и произносить языком сами имена Святых и рассказывать их жития, исполненные добродетели и чистоты, — в то время как сам ты возненавидел добродетельный образ жизни и отринул чистоту от твоей души и тела?! «Аще видел еси татя, тека еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагать еси. Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе лщения (коварства): сидя на брата твоего клеветал еси, и на сына матери твоя полагал еси соблазн» (Пс. XLIX, 18 сл.). Ни Бог, ни

Святые Божии не принимают хваления от таких уст, братья; ибо если всякий из нас, когда испачкает руку пометом, не допускает себе пользоваться ею, прежде чем не вымоет ее, — то примет ли Бог приносимое от нечистых тела и уст, если сначала мы не очистим себя? Потому что грех, коварство, зависть, ненависть, алчность, предательство, постыдные помыслы и слова и, последующие за ними, грязные дела, гораздо отвратительнее помета. Но как очиститься снова от них тому, кто впал в это? — Покаянием, исповедью, деланием добра, прилежною молитвою к Богу.

Итак, когда в празднуемых памятях Святых, мы бываем праздны от наших работ и занятий, пусть наше занятие состоит в том, чтобы отступить и стать

свободными от грехов и скверны, в которые кто впал. Если же и тогда (в праздники Святых) мы балагурим во вред нашей душе и относимся равнодушно к празднику и пьянствуем, — как можем, в то время как оскверняем день, говорить, что празднуем Святых! Но не так будем праздновать, братие, молю, но представим и мы тела и души наши угодными Богу именно в эти праздничные дни, чтобы по молитвам Святых и самим стать участниками славы и радости оной нескончаемой, что да будет и нам всем улучшить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава со Безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

А. С. Хомяков

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ

*Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой.
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.*

*О, Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на Божеский призыв:
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко
В сияньи новом и святом!*

*Иди! Тебя зовут народы.
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!*

*Иди! Светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна — Ангел Бога
С огнесверкающим челом!*

РОССИИ

*Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую.
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, диких сил.*

*Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная —
Туда, где землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.*

*Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов Он судит строго —
А на тебя, увы! Как много
Грехов ужасных налегло!*

*В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И всякой мерзости полна!*

*О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!*

*С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
Елеем плача исцели!*

*И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыль кровавых сечь!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом — то Божий меч!*

1854 г.

Март 1854 г.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

А. С. Хомяков

ЦЕРКОВЬ ОДНА

Выдающимся русским мыслителем и богословом XIX века был Алексей Степанович Хомяков (1804—1860 гг.). Он был чрезвычайно образованным человеком своего времени, сильной и яркой личностью. С детства он был воспитан в православной вере и благочестии, которыми тогда отличались многие русские семьи. А. С. Хомяков был воспитан своей глубоко верующей матерью, именно ей он обязан непреклонной верностью православной церкви и верой в русский национальный дух. Восемнадцати лет А. С. Хомяков был определен на воинскую службу, и через несколько лет он попадает на войну, где ведет себя с отменной храбростью. Даже в юные годы и тем более во всю дальнейшую жизнь А. С. Хомяков строго соблюдал все посты, посещал в воскресные и праздничные дни все богослужения. Глубокая и всецелая преданность Православию соединялась у него с острым ощущением отличий Православия от католицизма и протестантизма. По выражению Н. А. Бердяева, Хомяков был «рыцарем Церкви», а Герцен писал о нём, что он «...подобно средневековым рыцарям, караулившим храм Богородицы, спал вооруженным».

А. С. Хомяков сумел в своих богословских статьях глубоко и лаконично раскрыть православное святоотеческое понимание церкви, ее благодатный организм и соборное единство во Христе. А. С. Хомяков как богослов и мыслитель был защитником Православия, критиком латинства и протестантизма. Одной из лучших его статей, раскрывающей православное учение о благодатной природе церкви и соборной жизни, является очерк «Церковь — одна», который мы и предлагаем читателям.

Н. К. Симаков

1. Единство Церкви следует необходимо из единства Божиего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорным, не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви. — Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом.

Церковь одна, несмотря на видимое ее деление для человека, еще живущего на земле. — Только в отношении к человеку можно признавать раздел Церкви на видимую и невидимую; единство же ее есть истинное и безусловное. Живущий на земле, совершивший земной путь, несозданный для земного пути (как ангелы), не начинавший еще земного пути (будущая поколения), все соединены в одной Церк-

ви — в одной благодати Божией; ибо еще неявленное творение Божие для Него явно, и Бог слышит молитвы и знает веру того, кто еще не вызван Им из небытия к бытию. — Церковь же, тело Христово, проявляется и исполняется во времени, не изменяя своего существенного единства и своей внутренней, благодатной жизни. — Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только в отношении к человеку.

2. Церковь видимая или земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, коего глава есть Христос. Она имеет в себе пребывающего Христа и благодать Духа Святого во всей их жизненной полноте; ибо творит и ведает не вполне, а сколько Богу угодно.

Так как Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершение всей Церкви, которым Господь назначил явиться при конечном суде всего творения,

то она творит и ведает только в своих пределах, не судя остальному человечеству (по словам апостола Павла к Коринфянам) и только признавая отлученными, т. е. принадлежащими ей, тех, которые от нея сами отлучаются. Остальное же человечество, или чуждое Церкви, или связанное с нею узами, которых Бог не изволил ей открыть, предоставляет она суду великого дня. Церковь же земная судит только себя, по благодати Духа и по свободе, дарованной ей через Христа, призывая и все остальное человечество к единству и к усыновлению Божию во Христе: но над неслышащими ее призыва не произносит приговора, зная повеление своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

3. С сотворения мира пребывала Церковь земная непрерывно на земле и будет до совершения всех дел Божиих по обещанию, данному ей Самим Богом. Признаки же ее суть: внутренняя святость, не позволяющая ни какой примеси лжи, ибо в ней живет дух истины; и внешняя неизменность, ибо неизменен Хранитель и Глава ее Христос.

Все признаки Церкви, как внутренние так и внешние, познаются только ею самою и теми, которых благодать призывает быть ее членами. Для чуждых же и непривлеченных они непонятны; ибо внешнее изменение обряда представляется непривлеченному изменением самого Духа, прославляющегося в обряде (как, например, при переходе ветхозаветной Церкви в новозаветную или при изменении обрядов и положений церковных со времен апостольских). — Церковь и ее члены знают, внутренним знанием веры, единство и неизменность своего духа, который есть дух Божий. Внешне же и непривлеченные видят и знают изменение внешнего обряда внешним знанием, не постигающим внутреннего, как и самая неизменность Божия кажется им изменяемою, в изменениях Его творений. Посему не была и не могла быть Церковь измененною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению несогласным с учением и духом Христовым. Не знает Церкви и чужд ей тот, кто бы сказал, что могло в ней быть такое оскудение духа Христова. Частное же восстание против ложного учения, с сохранением или принятием других ложных учений, не есть и не могло быть делом Церкви: ибо в ней, по ее сущности, должны были всегда быть проповедники и учителя и мученики, исповедующие не частную истину с примесью лжи, но полную и безпримесную истину. Церковь знает не отчасти-истину и отчасти-ложь, а полную истину и без примеси лжи. Живущий же в церкви не покоряется ложному учению, не принимает таинства от ложного учителя; зная его ложным, не следует обрядам ложным. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитрит и не малодушничает, ибо свята. Точно также церковь, по своей неизменности, не признает ложью того, что она когда-нибудь признавала за истину; и объявив, общим собором и общим согласием, возможность ошибки в учении какого-нибудь частного лица или какого-нибудь епископа или патриарха¹, она не может признать, что сие частное лицо, или епископ, или патриарх, его преемники, не могли впасть в ошибку по учению, и что они охранены от заблуждения какою-нибудь особою благодатию. Чем

святилась бы земля, если бы церковь утратила свою святость? И где бы была истина, если бы ее нынешний приговор был противен вчерашнему? В Церкви, то-есть в ее членах, зарождаются ложные учения, но тогда зараженные члены отпадают, составляя ересь или раскол и не оскверняя уже собою святости церковной.

4. Церковь называется единою, святою, соборною (католическою и вселенскою) апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности; потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих ее; потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви.

Из сего следует, что когда называется какое-нибудь общество христианское Церковью местною, как-то греческою, российскою или серийскою, такое название значит только собрание членов Церкви, живущих в такой-то стране (Греции, России, Сирии и т. д.), и не содержит в себе предположения, будто бы одна община христиан могла выразить учение церковное или дать учению церковному догматическое толкование без согласия других общин; еще менее предполагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ее могли предписывать свое толкование другим, Благодать веры неотдельна от святости жизни, и ни одна община и ни один пастырь не могут быть признанными за хранителей всей веры, как ни один пастырь, ни одна община не могут считаться представителями всей святости церковной. Впрочем, всякая община христианская не присваивая себе права догматического толкования или учения, имеет вполне право изменять свои обряды, вводить новые, не вводя в соблазн другая общины; напротив, отступая от своего мнения и покоряясь их мнению, дабы то, что в одном невинно и даже похвально, не показалось виновным другому и дабы брат не ввел брата в грех сомнения и раздора. Единством обрядов церковных должен дорожить всякий христианин, ибо в нем видимо проявляется, даже для непросвещенного, единство духа и учения; для просвещенного же находится источник радости живой и христианской. Любовь есть венец и слава Церкви.

5. Дух Божий, живущий в Церкви, правящий ею и умудряющий ее, является в ней многообразно, в писании, предании и в делах; ибо Церковь, творящая дела Божии, есть та же Церковь, которая хранит предание и писала писание. Не лица и не множество лиц в Церкви хранят предание и пишут, но дух Божий, живущий в совокупности церковной. Потому ни в писании искать основы преданию, ни в предании доказательств писанию, ни в деле оправдания для писания и предания — нельзя и не должно. Вне Церкви живущему не постижимо ни писание, ни предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и приобщенному к духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати.

¹ Как например: папы Онурия на Халкидонском соборе. Пр. соч. Тут ошибка в названии собора: не на Халкидонском, а на Константинопольском третьем 680 г. Эту ошибку не заметили не издатели Пр. Обзор., ни Ю. Ф. Самарин. Изд.

Москва. Кремль. Николаевский дворец. Царь-Колокол.

Не предшествует ли дело писанию и преданию? Не предшествует ли писанию предание? Не угодны ли Богу дела Ноя, Авраама, родоначальников и представителей ветхозаветной Церкви? И не существовало ли предание у прародителей, начиная от первого родоначальника Адама? Не дал ли Христос свободу человекам и словесное учение, прежде чем апостолы, писаниями своими, засвидетельствовали дело искупления и закон свободы? Посему между преданием, делом и писанием нет противоречия, а совершенное согласие. Ты понимаешь писание, во сколько хранишь предание и во сколько творишь дела угодныя мудрости, в тебе живущей. Но мудрость, живущая в тебе, не есть тебе данная лично, но тебе, как члену Церкви и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь; дана же Церкви в полноте истины и без примеси лжи. Посему не суди Церкви, но повинуйся ей, чтобы не отнялась от тебя мудрость.

Всякий, ищущий доказательств церковной истины, тем самым или показывает свое сомнение и исключает себя из Церкви, или дает себе вид сомневающегося, и в то же время сохраняет надежду доказать истину и дойти до нея собственною силою разума; но силы разума не доходят до истины Божией, и бессилие человеческое делается явным в бессилии доказательств. Принимающий одно писание и на нем одном основывающий Церковь, действительно отвергает Церковь и надеется создать ее снова собственными силами; принимающий только предание и на нем одном основывающий Церковь, действительно отвергает также Церковь и становится судьбою духа Божияго, говорившего писанием. Христианское же знание не есть дело разума пытающего, но веры благодатной и живой. Писание есть внешнее и дело внешнее; внутреннее же в них есть один Дух Божий. От предания одного, от писания или от дела может почерпнуть человек только знание внешнее и неполное, которое может в себе содержать истину,

ибо отправляется от истины, но в то же время и необходимо ложно, и потому что оно неполно. Верующий знает Истину, неверующий же не знает ее или знает ее знанием внешним и несовершенным.¹ Церковь не доказывает себя ни как писание, ни как предание, ни как дело, но свидетельствуется собою, как и Дух Божий, живущий в ней, свидетельствует собою в писании. Не спрашивает Церковь: какое писание истинно, какое предание истинно, какой собор истинен и какое дело угодно Богу; ибо Христос знает Свое достояние, и Церковь, в которой живет Он, знает внутренним знанием и не может не знать своих проявлений. Священным Писанием называется собрание ветхозаветных и новозаветных книг, которые Церковь признает своими. Но нет пределов писанию, ибо всякое писание, которое Церковь признает своим, есть Священное Писание. Таковы, по преимуществу, исповедания соборов и особенно никеоконстантинопольское. Посему было до нашего времени Священное Писание и, если угодно Богу, будет еще Священное писание. Но не было и не будет никогда в Церкви никакого противоречия, ни в писании, ни в предании, ни в деле: ибо во всех трех единый и неизменный Христос.

6. Каждое действие Церкви, направляемое Духом Святым, духом жизни и истины, представляет совокупность всех его даров — веры, надежды и любви; ибо в писании проявляется не одна вера, но и надежда Церкви и любовь Божия, и в деле бого-

¹ Поэтому может и неосвященный духом благодати знать истину, как и мы надеемся, что знаем ее; но это знание само есть не что иное, как предположение более или менее твердое, как мнение, убеждение логическое или знание внешнее, которое с знанием внутренним и истинным, с верою, видящею невидимое, общего ничего не имеет. Богу одному известно, имеем ли мы и веру.

угодном проявляется не любовь одна, но и вера, и надежда, и благодать, и в живом предании Церкви, ожидающей венца и совершения своего от Бога во Христе, проявляется не надежда одна, но и вера, и любовь. Дары Духа Святого неразрывно соединены в одном святом и живом единстве; но как богоугодное дело наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит любви, как богоугодная молитва наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит вере и неложно называется исповеданием или Символом Веры.

Посему должно понимать, что исповедание и молитва и дело суть ничто сами по себе, но разве как внешнее проявление внутреннего духа. Поэтому еще негоден Богу ни молящийся, ни творящий дела, ни исповедующий исповедание Церкви, но тот, кто творит и исповедует, и молится по живущему в нем духу Христову. Не у всех одна вера или одна надежда или одна любовь; ибо ты можешь любить плоть, надеяться на мир и исповедывать ложь; можешь также любить, надеяться и веровать не вполне, а отчасти; и Церковь называет твою надежду надеждою, твою любовь любовью, твою веру верою, ибо ты их так называешь, и она с тобой о словах спорить не будет; сама же она называет любовь и веру и надежду дарами Духа Святого и знает, что они истинны и совершенны.

7. Святая Церковь исповедует веру свою всюю жизнью своею: учением, которое внушается Духом Святым, таинствами, в которых действует Дух Святой, и обрядами, которыми он же и управляет. По преимуществу же исповеданием веры называется символ Никео-Константинопольский.

В символе Никео-Константинопольском заключается исповедание учения церковного; но дабы ведомо было, что и надежда Церкви от ея учения нераздельна, используется также и надежда ея: ибо говорится чаем, а не просто веруем, что будет.

Символ Никео-Константинопольский, полное и совершенное исповедание Церкви, из которого она ничего исключить и к которому ничего прибавить не позволяет, есть следующий: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа, Иисусу Христа, Сына Божия, единародного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденного, не сотворена, единосущна Отцу, Имже вся быша; нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес, и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася; распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна, и воскресшего в третий день по Писаниям и возшедшего на небеса, и сидяща одесную Отца; и паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и славима, глаголавшаго Пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Сие исповедание, так же как и вся жизнь духа, только верующему и члену Церкви. Оно содержит в себе тайны недоступные пытливому разуму и откры-

тия только Самому Богу и тем, кому Бог их открывает для внутреннего и живого, а не мертвого и внешнего познания. Оно содержит в себе тайну бытия Божиего, не только в отношении к его внешнему действию на творение, но и ко внутреннему, вечному его существованию. По тому гордость разума и незаконной власти, присвоившая себе в противность приговору всей Церкви (высказанному на соборе Ефесском) право прибавить свои частные объяснения и человеческую догадку к символу никео-константинопольскому, уже есть само по себе нарушение святости и неприкосновенности Церкви. Так как самая гордость отдельных церквей, осмелившихся изменить символ всей Церкви без согласия братий своих, была внушена не духом любви и была преступлением перед Богом и Св. Церковью: точно так же и их слепая мудрость, не постигшая тайны Божией, была искажением веры; ибо не сохранится вера там, где оскудела любовь. Посему прибавление слов *filioque* содержит какой-то мнимый догмат, неизвестный никому из богоугодных писателей и из епископов или апостольских приемников в первые века Церкви, ни сказанный Христом, Спасителем. Как Христос сказал ясно, так ясно и исповедовала и исповедует Церковь, что Дух Святой исходит от Отца: ибо не только внешняя, но и внутренняя тайны Божии были открыты Христом и духом веры святым апостолам и святой Церкви. Когда Феодорит назвал хулителями всех исповедующих исхождение Св. Духа от Отца и Сына, Церковь, обличавшая многия его заблуждения, в сем случае одобрила приговор красноречивым молчанием.¹ Не отвергает Церковь, что Дух Святой посылается не только Отцом, но и Сыном; не отвергает Церковь, что Дух Святой сообщается всей разумной твари не от Отца токмо, но и через Сына; не отвергает Церковь, чтобы Дух Святой имел свое исходное начало в самом Божестве не от Отца токмо, но и от Сына. — Отрекшийся от духа любви и лишивший себя даров благодати не может уже иметь внутреннего знания, т. е. веры, но ограничивает себя знанием внешним: посему и знать он может только внешнее, а не внутренняя тайны Божия. Общины христианские, оторвавшиеся от Святой Церкви, не могли уже исповедывать (так как и не могли уже постигать духом) исхождение Духа Святого от Отца одного, в самом Божестве; но должны были уже исповедывать одно только внешнее послание Духа во всю тварь, — послание, совершаемое не только от Отца, но и через Сына. Внешнее закона сохранили оне, внутренний же смысл и благодать Божию утратили оне как в исповедании, так и в жизни.

8. Исповедав свою веру в Три постасное Божество, Церковь исповедует свою веру в самую себя, потому что она себя признает орудием и сосудом божественной благодати и дела свои признает за дела Божии, а не за дела лиц, повидимому ее составляющих. В сем исповедании она показывает, что знание об ея существовании есть также дар благодати,

¹ Многозначительно молчание Церкви, не опровергающей писателя; но молчание это делается решительным приговором, когда Церковь не отвергает приговора, произнесенного против какого бы то ни было учения; ибо не отвергая приговора, она его утверждает всюю своею властью. (Говорится о Соборном постановлении 533 г. Изд.)

даруемой свыше и доступной только вере, а не разуму.

Ибо какая бы мне была нужда сказать: верую, когда бы я знал? Вера не есть ли обличение невидимых? Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе. Посему и видимая Церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и Церковь только общество. Верующий, хотя глазами тела и разума видит Церковь только в ее внешних проявлениях, но сознает ее духом в таинствах и в молитве и в богоугодных делах. Посему он не смешивает ее с обществом, носящим имя христиан, ибо не всякий говорящий «Господи, Господи» действительно принадлежит роду избранному и семени авраамову. Верую же знает истинный христианин, что Единая, Святая, Соборная Апостольская Церковь никогда не исчезнет с лица земли до последнего суда всей твари, что она пребывает на земле невидимо для глаз плотских и плотски мудрствующего ума в видимом обществе христиан; точно также как она пребывает видимой для глаз веры в Церкви загробной, невидимой для глаз телесных. Верую же знает христианин и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена в видимый образ; что не было, не могло быть и не будет того времени, в которое исказились бы таинства, изсякла святость, испортилось учение; и что тот не христианин, кто не может сказать: где от самого времени апостольского совершились и совершаются святые таинства, где хранились и хранится учение, где возсылались и возсылаются молитвы к престолу благодати? Святая Церковь исповедует и верует, что никогда овцы не были лишены своего Божественного Пастыря и что Церковь никогда не могла ошибиться по неразумию (ибо в ней живет разум Божий), ни покориться ложным учениям по малодушию (ибо в ней живет сила духа Божия).

Веруя в слово обетования Божиего, назвавшего всех последователей Христа друзьями Христа и братьями Его в Нем усыновленными Богу, Святая Церковь исповедует пути, которыми угодно Богу приводить падшее и мертвое человечество к созоединению в духе благодати и жизни. Посему, помянув пророков, представителей века ветхозаветного, она исповедует таинства, через которые в новозаветной Церкви Бог ниспосылает людям благодать Свою, и преимущественно исповедует она таинство крещения во очищение грехов, как содержащее в себе начало всех других: ибо через крещение только вступает человек в единство Церкви, хранящей все остальные таинства.

Исповедуя едино крещение во оставление грехов, как таинство, предписанное самим Христом для вступления в Церковь новозаветную, Церковь не судит тех, которые не сделали причастными ей через крещение, ибо она знает и судит токмо самую себя. Ожесточенность же сердца знает один Бог, и слабости разума судит Он же, по правде и милости. Многие спаслись и получили наследство, не приняв таинство крещения водою, ибо оно учреждено только для Церкви новозаветной. Отвергает его, отвергает всю Церковь и духа Божия, живущего в ней; но оно не было завещено человечеству искони или предписано Церкви ветхозаветной. Ибо если кто скажет: обрезание было крещением ветхозаветным, тот отвергает крещение для женщин (ибо для них

не было обрезания), и что скажет он о праотцах от Адама до Авраама, не принявших печати обрезания? И во всяком случае не признает ли он, что вне Церкви новозаветной таинство крещения не было обязательным? Если он скажет, что за Церковь ветхозаветную принял крещение Христос, то кто положит предел милосердию Божию, принявшему на себя грехи мира? Обязательно же крещение; ибо оно одно есть дверь в Церковь новозаветную, и в крещении одном есть дверь в Церковь новозаветную, и в крещении одном изъясняет человек свое согласие на искупляющее действие благодати. Посему в едином только крещении он и спасается.

Впрочем, мы знаем, что, исповедуя едино крещение, как начало всех таинств, мы не отвергаем и других; ибо, веруя в Церковь, мы с нею вместе исповедуем семь таинств, т. е. крещения, евхаристии, рукоположения, миропомазания, брака, покаяния, елеосвящения. Много есть и других таинств; ибо всякое дело, совершаемое в вере, любви и надежде, внушается человеку духом Божиим и призывает невидимую Божию благодать. Но семь таинств совершаются действительно не одним каким-нибудь лицом, достойным милости Божией, но всю Церковь в одном лице, хотя и недостойным.

О таинстве евхаристии учит святая Церковь, что в нем совершается воистину предложение хлеба и вина в тело и кровь Христову. Не отвергает она и слова пресуществление, но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями отпадших церквей. Предложение хлеба и вина в тело и кровь Христову совершается в Церкви и для Церкви. Принимаешь ли ты освященные дары, или поклоняешься им, или думаешь в них с верою — ты действительно принимаешь тело и кровь Христову и поклоняешься им и думаешь о них. Принимаешь ли недостойно — ты действительно отвергаешь тело и кровь Христову; во всяком случае в вере или неверии ты освящаешься или осуждаешься телом и кровию Христовою. Но таинство сие в Церкви и для Церкви, а не для внешнего мира, не для неразумного животного, не для тления и не для человека, не слыхавшего закона Христова. В Церкви же самой (говорим о Церкви видимой) для избранных и отверженных святая евхаристия не простое воспоминание о таинстве искупления, не присутствие духовных даров в хлебе и вине, не духовное только восприятие тела и крови Христовой, но истинное тело и кровь. Не духом одним угодно было Христу соединиться с верующим, но и телом и кровью, дабы единение было полное и не только духовное, но и телесное. Равно противны Церкви и бессмысленны толкования об отношениях св. таинства к стихиям и тварям неразумным (когда таинство учреждено только для Церкви), и духовная гордость, презирающая тело и кровь и отвергающая телесное соединение с Христом. Не без тела воскреснем, и никакой дух, кроме Бога не может вполне назваться безтелесным. Презирающие тело грешит гордостью духа.

О таинстве рукоположения учит святая Церковь, что через него передается преемственно от апостолов и самого Христа благодать, совершающая таинства: не так, как будто какое таинство не могло совершаться иначе как рукоположением (ибо всякий христианин может через крещение отворить младенцу или еврею или язычнику дверь Церкви), но так, что рукоположение содержит в себе всю полноту

благодати, даруемой Христом своей Церкви. Самая же Церковь, сообщаящая членам своим полноту духовных даров, назначила в силу своей богоданной свободы, различия в степенях рукоположения. Иной дар пресвитеру, совершающему все таинства кроме рукоположения, иной епископу, совершающему рукоположение; выше же дара епископского нет ничего. — Таинство дает рукоположенному то великое значение, что хотя и недостойный он, в совершении своего таинственного служения, действует уже не от себя, но от всей Церкви, т. е. от Христа, живущего в ней. Если бы прекратилось рукоположение, прекратились бы все таинства кроме крещения, и род человеческий оторвался бы от благодати: ибо Церковь сама тогда бы засвидетельствовала, что отступился от нея Христос.

О таинствах миропомазания учит Церковь, что в нем передаются христианину дары Духа Святого, утверждающего его веру и внутреннюю святость; таинство же сие совершается по воле св. Церкви не епископами одними, но и пресвитерами хотя самое миро может быть благословенно только епископом.

О таинстве брака учит святая Церковь, что благодать Божия, благославляющая преемственность поколений во временном существовании рода человеческого и святое соединение мужа и жены для образования семьи, есть дар таинственный, налагающий на приемлющих его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, через которое грешное и вещественное облекается в праведность и чистоту. Почему великие учителя Церкви, апостолы признают таинство брака даже у язычников; ибо, запрещая наложничество, они утверждают брак между язычниками и христианами, говоря, что муж святится женою верною, а жена мужем верным. Сие слово апостольское не значит, чтобы неверный спасался своим союзом с верующим, но что освящается брак: ибо святится не человек, а святится муж и жена. Человек через другого человека не спасается, но святится муж или жена в отношении самого брака. Итак, не скверен брак даже у идолопоклонников; но они не знают сами про милость Божию, данную им. Святая же Церковь, через своих рукоположенных служителей, признает и благословляет соединение мужа и жены, благословленное Богом. Посему брак не есть обряд, но истинное таинство. Получает же оно свое совершение в святой Церкви, ибо в ней только совершается в полноте своей всякая святость.

О таинстве покаяния учит святая Церковь, что без него не может очиститься дух человеческий от рабства, греха и греховной гордости; что не может он сам разрешать свои собственные грехи (ибо мы властны только осуждать себя, а не оправдывать), и что одна только Церковь имеет силу оправдания, ибо в ней живет полнота духа Христова. Мы знаем, что первенец царства небесного после Спасителя вошел в святую Божию осуждением самого себя, т. е. таинством покаяния, сказав: «Ибо достойное по делам нашим приняли», и получив разрешение от Того, Кто может один разрешать и разрешать устами своей Церкви.

О таинстве елеосвящения учит святая Церковь, что в нем совершается благословение всего подвига, совершенного человеком на земле, и всего пути, им пройденного в вере и смирении, и что в елеосвящении выражается самый суд божественный над земным составом человека, исцеляя его, когда все

средства целебныя безсильны, или дозволяя смерти разрушать тленное тело, уже не нужное для земной Церкви и для тайных путей Божьих.

9. Церковь живет даже на земле неземною, человеческой жизнью, но жизнью божественною и благодатною, Посему не только каждый из членов ея, но и вся она торжественно называет себя святою. Видимое ея проявление содержится в таинствах: внутренняя же жизнь ея в дарах Духа святого, в вере, надежде и любви. Угнетаемая и преследуемая внешними врагами, не раз возмущенная и разорванная злыми страстями своих сынов, она сохранялась и сохраняется неколебимо и неизменно там, где неизменно хранятся таинства и духовная святость — никогда не искажается и никогда не требует исправления. Она живет не под законом рабства, но под законом свободы, не признает над собой ничьей власти, кроме собственной, ничего суда, кроме суда веры (ибо разум ея не постигает), и выражает свою любовь, свою веру и свою надежду в молитвах и обрядах, внушаемых ей духом истины и благодатью Христовою. Посему самые обряды ея, хотя и неизменны (ибо созданы духом свободы и могут изменяться по суду Церкви), никогда и ни в каком случае не могут содержать в себе какую-нибудь хотя бы малейшую, примесь лжи или ложного учения. Обряды же, еще неизменные, обязательны для членов Церкви, ибо в их соблюдении радость святого единства.

Внешнее единство есть единство, проявленное в общении таинств; внутреннее же единство есть единство духа. Многие спаслись (напр., некоторые мученики) не приобщившись ни одному из таинств Церкви (даже к крещению), но никто не спасается, не приобщившись внутренней святости Церковной, ея вере, надежде и любви; ибо не дела спасают, а вера. Вера же не двойка, но едина, — истинная и живая. Посему неразумны и те, которые говорят, что вера одна не спасает, но еще нужны дела, и те, которые говорят, что вера спасает кроме дел: ибо если дел нет, то вера оказывается мертвою; если мертва, то и не истинна, ибо в истинной вере Христос, истина и живот; если же не истинная, то ложная, т. е. внешнее знание. А ложь может ли спасти? Если же истинная, то живая, т. е. творящая дела, а если она творит дела, то какие еще дела потребны? Богородивший апостол говорит: «Покажи мне без дел твоих веру, которую ты хвалишься, как и я показываю веру свою от дел своих». Признает ли он две веры? Нет, но обличает неразумную похвальбу. «Ты веришь в Бога, но и бесы веруют». Признает ли он веру в бесах? Нет, но уличает ложь хвалящуюся качествами, которое и бесы имеют. «Как тело без души мертво, так и вера без дел». Сравнивает ли он веру с телом, а дела с духом? Нет; ибо такое подобие было бы неверно, но смысл слов его ясен. Как тело бездушное не есть уже человек и человеком назваться не может, но трупом; так и вера, не творящая дел, истинной верой назваться не может, но ложною, т. е. знанием внешним, бесплодным и доступным даже бесам. Что писано просто, то должно быть и читано просто. Посему те, которые основываются на апостоле Иакове для доказательства, что есть вера мертвая и вера живая и будто две веры, не постигают смысла слов апостольских; ибо не за них, но против них свидетельствует апостол. Также, когда великий апостол языков говорит: «какая польза без любви, даже в такой вере,

которая двигала бы горы?» он не утверждает возможности такой веры без любви; но, предполагая ее, объявляет бесполезною. Не духом мудрости мирской, спорящей о словах, должно быть читано святое писание, но духом мудрости Божией и простоты духовной. Апостол, определяя веру говорит: «она есть невидимых обличение и утверждение уповаемых» (не ожидаемых токмо или будущих); если же уповаем, то желаем; если же желаем, то любим; ибо нельзя желать того, чего не любишь. Или бесы имеют также упование? — Посему вера одна, и когда спрашиваем: «может ли истинная вера спасти кроме дела?» то делаем вопрос неразумным, или, лучше сказать, ничего не спрашиваем; ибо вера истинная есть живая, творящая дела; она есть вера во Христа и Христос в вере.

Те, которые приняли за веру истинную мертвую веру, т. е. ложную или внешнее знание, дошли в своем заблуждении до того, что из сей мертвой веры, сами того не зная, сделали восьмое таинство. Церковь имеет веру, но веру живую, ибо она же имеет и святость. Когда же один человек, или один епископ имеет непременно веру, что должны мы сказать? Имеет ли он святость? Нет, ибо он ославлен преступлением и развратом. Но вера в нем пребывает, хотя и в грешнике. Итак, вера в нем есть осьмое таинство, как и всякое таинство есть действие Церкви в лице, хотя и недостойном. Через сие таинство какая же вера в нем пребывает? Живая? Нет, ибо он преступник; но вера мертвая, т. е. внешнее знание, доступное даже бесам. И это ли будет осьмое таинство? Так отступление от истины само собою наказывается.¹

Должно разуместь, что спасает не вера и не надежда и не любовь (ибо спасает ли вера в разум, или надежда на мир или любовь к плоти?), но спасает предмет веры. Веруешь ли во Христа — Христом спасаешься в вере; веруешь ли в Церковь — Церковью спасаешься; веруешь ли в таинства Христовы — ими спасаешься: ибо Христос Бог наш, в Церкви и в таинствах. Авраам спасался тем же Христом, как и мы. Он имел Христа в уповании, мы же в радости. Посему желающий крещения крестится в желании; принявший крещение имеет крещение в радости. Обоих спасает одинаковая вера в крещение, но скажешь: «если вера в крещение спасает, к чему еще креститься». Если ты не принимаешь крещения, чего же ты желаешь? Очевидно, что вера, желающая крещения, должна совершиться в принятии самого крещения — своей радости. Посему и дом Корнилиев принял Духа Святого, не принявши еще крещения, и каженник исполнился того же духа вслед за крещением. Ибо Бог может прославить таинство крещения до его совершения, точно также как и после. Так исчезает разница между *opus operans* и *opus operatum*. Знаем мы, что многие не крестили младенцев и многие не допускали их к причащению св. таин, и многие не миропомазывали их; но иначе разумеет св. Церковь, крестящая и миропомазывающая и допускающая младенцев к причащению.

¹ Как непогрешимость в мертвой вере есть сама по себе ложь, так мертвенность ее выражается и тем, что эта непогрешимость связана с предметами мертвой природы, с местом жительства, или с мертвыми стенами, или с преемством епархиальным, или с престолом. Но мы знаем, кто во время Христовых страданий сидел на престоле Моисеевом.

Москва. Колокольня Ивана Великого в Кремле.

Не потому так положила она, чтобы осуждала некрещенных младенцев, коих ангелы всегда видят лице Божие; но положила сие по духу любви, в ней живущему, дабы и первая мысль младенца, входящего в разум, была уже не только желанием, но радостью за принятые уже таинства. И знаешь ли ты радость младенца, еще, по-видимому не вошедшего в разум? Не возрадовался ли о Христе еще нерожденный пророк? Отняли же у младенцев крещение и миропомазание и причащение св. даров те, которые, наследовав слепую мудрость слепого язычества, не постигли величия таинств Божиих, требовали во всем причины и пользы и, подчиняя учение Церкви толкованиям схоластическим, не желают даже молиться, если не видят в молитве прямой цели и выгоды. Но наш закон не есть закон рабства или наемничества, трудящегося за плату, но закон усыновления и свободной любви.

Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один; но никто один не спасается. Спасющийся же спасается в Церкви, как член ея, и в единстве со всеми другими ея членами. Верует ли кто в общении Веры; любит ли, он в общении Любви; молится ли, он в общении Молитвы. Посему никто не может надеяться на свою молитву, и всякий, молясь, просит всю Церковь о заступлении, не так как будто бы сомневался в заступничестве единого ходатая Христа, но в уверенности, что вся Церковь всегда молится за всех своих членов. Молятся за нас все ангелы и апостолы и мученики и праотцы и всех вышшая Мать Господа нашего, и это святое единение есть истинная жизнь Церкви. Но если беспрестанно молится Церковь видимая и невидимая — зачем же просить ее о молитвах? Не просим ли милости у Бога и Христа, хотя милость Его предваряет нашу молитву? Потому именно и просим Церковь о молитвах, что знаем, что она и непрозящему дает помощь своего заступления и просящему дает несравненно более, чем он просит: ибо в ней полнота духа Божиего. Так и прославляем всех, кого Господь прославил и прославляет; ибо как скажем, что Христос в нас живет, если не уподобляемся Христу? Посему прославляем святых и ангелов и пророков, но более всех чистейшую Мать Господа Иисуса, не признавая Ее или безгрешною, по рождению, или совершенною (ибо безгрешен и совершенен один Христос), но помня, что Ея непонятное превосходство перед всем Божиим творением засвидетельствовано ангелом и Елисаветою и более всего самим

Спасителем, назначившим ей в сыновнее повиновение и службу великого своего апостола и тайновидца Иоанна.

Так же как каждый из нас требует молитвы от всех; так и он всем должен своими молитвами, живым и усопшим и даже еще нерожденным; ибо, прося, чтобы мир пришел в разум Божий (как мы просим со всею Церковью), просим не за одни настоящие поколения, но и за те, которые Бог еще вызовет к жизни. Молимся за живых, дабы была на них благодать Господа, и за усопших, чтобы были они удостоены лицеизрения Божиего. Не знаем мы о среднем состоянии душ, не принятых в царство Божие и не осужденных на муку, ибо о таком состоянии не получили мы учения от апостолов или от Христа; не признаем чистилища, т. е. очищения души страданиями, от которых можно откупиться делами своими и чужими: ибо Церковь не знает ни про спасение какими бы то ни было внешними средствами или страданиями, кроме Христовых, ни про торг с Богом, откупающийся от страдания добрым делом.

Все сие язычество остается при наследниках языческой мудрости, при людях, гордящихся местом и именем и областью, при учредителях осьмого таинства мертвой веры. Мы же молимся в духе Любви, зная, что никто не спасется иначе, как молитвою всей Церкви, в которой живет Христос, зная и уповая, что, покуда не пришло совершение времен, все члены Церкви, живые и усопшие, непрестанно совершенствуются взаимною молитвою. Много выше нас святые, прославленные Богом; выше же всего св. Церковь, вмещающая в себе всех святых и молящихся за всех, как видно в боговдохновенной литургии. В молитве ее слышится и наша молитва, как бы мы ни были недостойны называться сынами Церкви. Если, поклоняясь и славя святых, мы просим, дабы прославил их Бог, мы не попадаем обвинению в гордости; ибо нам, получившим позволение назвать Бога Отцом, дано также позволение молиться: «да святится имя Его, да приидет Царствие Его и да будет воля Его». И если нам позволено просить Бога, да прославит Он имя Свое, и совершает волю Свою: кто нам запретит просить, да прославит Он Своих святых и да упокоит Он Своих избранных? За избранных же не молимся, как и Христос молился не о всем мире, но о тех, кого дал Ему Господь. Не говори: «какую молитву уделю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?» Ибо, неумеющий молиться, к чему молился бы ты и за себя? Молится же в тебе дух Любви. Также не говори: «к чему моя молитва другому, когда он сам молится и за него ходатайствует сам Христос?» Когда ты молишься; в тебе молится дух Любви. Не говори: «суда Божьяго уже изменить нельзя»; ибо твоя молитва сама в путях Божиих, и Бог ее предвидел. Если ты член Церкви, то молитва твоя необходима для всех ее членов. Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела, и она своей крови ему не даст, рука отсохнет. Так и ты Церкви необходим, покуда ты в ней; а если ты отказываешься от общения, ты сам погибаешь и не будешь уже членом Церкви. Церковь молится за всех, и мы вместе молимся за всех; но молитва наша должна быть истинною и истинным выражением Любви, а не словесным обрядом. Не умея всех любить, мы молимся о тех, кого любим, и молитва наша нелицемерна; просим же Бога, дабы можно было нам всех любить

и за всех молиться нелицемерно. Кровь же Церкви — взаимная молитва, и дыхание ее — славословие Божие. Молимся в духе Любви, а не пользы, в духе сыновней свободы, а не закона наемнического, просящего платы. Всякий спрашивающий: «какая польза в молитве?» признает себя рабом. Молитва истинная есть истинная Любовь.

Выше всего Любовь и Единение; Любовь же выражается многообразно: делом, молитвою и песнию духовною. Церковь благословляет все эти выражения Любви. Если ты не можешь выразить своей Любви к Богу словом, а выражаешь ее изображением видимым, т. е. иконою, осудит ли тебя Церковь? Нет; но осудит осуждающего тебя, ибо он осуждает твою Любовь. Знаем, что и без иконы можно спастись и спасались, и если Любовь твоя не требует иконы, спасаешься и без иконы; если же Любовь брата твоего требует иконы, ты, осуждая Любовь брата, сам себя осуждаешь; и если ты, будучи христианином, не смеешь слушать без благоговения молитву или духовную песнь, сложенную братом твоим, как смеешь ты смотреть без благоговения на икону, созданную его Любовью, а не художеством? Сам Господь, знающий тайну сердец, благоволил не раз прославить молитву или псалом: запретишь ли ты Ему прославить икону или гробы святых? Скажешь ты: «Ветхий завет запретил изображение Божие»; но ты, более св. Церкви понимающий слова ее (т. е. писания), не понимаешь ли, что не изображение Божие запретил Ветхий завет (ибо позволил и херувимов и медного змия и писание имени Божьего), но запретил человеку созидать себе Бога наподобие какого бы то ни было предмета земного или небесного, видимого или даже воображаемого.

Пишешь ли ты икону для напоминания о невидимом и невообразимом Боге, — ты не творишь себе кумира. Воображаешь ли себе Бога и думаешь, что Он похож на твое воображение, ты ставишь себе кумир, — таков смысл запрещения ветхозаветного. Икона же (красками писанное имя Божие) или изображение святых Его, созданное Любовию, не запрещается духом истины. Не говори: «перейдут де христиане к идолопоклонству»; ибо дух Христов, хранящий Церковь, премудрее твоей расчетливой мудрости. — Посему можешь и без иконы спастись, но не должен ты отвергать иконы.

Церковь принимает всякий обряд, выражающий духовное стремление к Богу, так же как принимает молитву и икону; но выше всех обрядов признает она св. литургию, в которой выражается вся полнота учения и духа церковного и выражается не условными какими-нибудь знаками или символами, но словом жизни и истины, вдохновенным свыше. Только тот понимает Церковь, кто понимает литургию. Выше же всего единение Святости и Любви.

10. Святая Церковь, исповедуя, что она часть воскресения мертвых и окончательного суда над всем человечеством, признает, что совершение всех ее членов исполнится с совершением ее самой и что жизнь будущая принадлежит не духу только, но и телу духовному; ибо один Бог есть дух совершенно безтелесный. Посему она — отвергает гордость тех, которые проповедуют учение о безтелесности за гробом и следовательно презируют тело, в коем воскрес Христос. Тело сие не будет телом плотским, но будет подобно телесности ангелов, как и сам Христос сказал, что мы будем подобны ангелам.

*С.-Петербург. Федоровский собор в память 300-летия
Дома Романовых.*

В последнем суде явится в полноте своей оправдание наше во Христе; не освящение только, но и оправдание: ибо никто не освятился и не освящается вполне, но еще нужно и оправдание. Все благое творит в нас Христос, в вере ли, надежде ли, или любви; мы же только покоряемся Его действию; но никто вполне не покоряется. Посему нужно еще и оправдание Христовыми страданиями и кровию. Кто же еще может говорить о заслуге собственных дел или о запасе заслуг и молитв? Только те, которые живут еще под законом рабства. Все благое творит в нас Христос, мы же никогда вполне не покоримся, никто, даже святые, как сказал сам Спаситель. Все творит благодать, и благодать дается даром и дается всем, дабы никто не мог роптать, но не всем равно, не по предопределению, а по предвидению, как гово-

рил апостол. Меньший же талант дан тому, в ком Господин предвидел нерадение, дабы отвержение большого дара не послужило к большому осуждению. И мы сами не растим дарованных талантов, но они отдаются купцам, чтобы и тут не могло быть нашей заслуги, но только не сопротивление благодати растущей. Так исчезает разница между благодатию «Достаточною и действующею». Все творит благодать. Покоряешься ли ей, в тебе совершается Господь и совершает тебя; но не гордись своей покорностью, ибо и покорность твоя от благодати. Вполне же никогда не покоряется; посему, кроме освящения, еще просим и оправдания.

Все совершается в совершении общего суда, и дух Божий, т. е. дух Веры, Надежды и Любви, проявится во всей своей полноте, и всякий дар достигнет полного своего совершенства: над всем же будет Любовь. Не должно однако же думать, что дары Божии, Вера и Надежда, погибли (ибо они не раздельны с Любовью), но одна Любовь сохраняет свое имя, а Вера, пришедшая в совершенство, будет уже полным, внутренним ведением; Надежда же будет радостью; ибо мы и на земле знаем, что чем сильнее она, тем радостнее.

11. По воле Божией св. Церковь, после отпадения многих расколов и римского патриаршества, сохранилась в епархиях и в патриаршествах греческих, и только те общины могут признавать себя вполне христианскими, которые сохраняют единство с восточными патриаршествами или вступают в сие единство. Ибо один Бог, и одна Церковь, и нет в ней ни раздора, ни разногласия.

Посему Церковь называется Православною или Восточною или Греко-Российскою; но все сие названия суть только названия временные. Не должно обвинять Церковь в гордости, потому что она себя называет Православною, ибо она же себя называет Святою. Когда исчезнут ложные учения, не нужно будет и имя православия; ибо ложного христианства не будет. Когда распространится Церковь или войдет в нее полнота народов, тогда исчезнут все местные наименования; ибо не связывается Церковь с какою-нибудь местностью и не хранит наследства языческой гордости; но она называет себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежит весь мир и что никакая местность не имеет особого какого-нибудь значения, но временно только может служить и служит для прославления имени Божиего, по Его неисповедимой воле.

Собрание соч. Т. II. М., 1907. С. 3—25.

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Игнатий Брянчанинов

Духовные наставления

О последовании Господу нашему Иисусу Христу

«Аще кто Мне служит, Мне да последует» (Ин. 12, 26), сказал Господь. Каждый христианин, обетами произнесенными при святом крещении, принял на себя обязанность быть рабом и служителем Господа Иисуса Христа; последовать Господу Иисусу Христу непременно должен каждый христианин.

Назвав себя пастырем овец, Господь сказал, что «овцы глас (этого Пастыря) слышат, и овцы по Нем идут, яко ведут глас Его» (Ин. X, 3, 4). Глас Христов — учение Его; глас Христов — Евангелие; шествие во след Христа по пути земного странствования — деятельность, всецело направленная по заповедям Его.

Чтоб последовать Христу, надо ведать глас Его. Изучи Евангелие, и возможешь жизнь твою последовать Христу.

Кто, родившись по плоти, «внидет в пакибытие» (Тит. III, 5) при посредстве святого крещения и сохранит состояние, доставляемое крещением, при посредстве жительства по Евангелию: тот спасется. Он внидет в богоугодное поприще земной жизни духовным рождением, и изыдет из этого поприща блаженною кончиною и в вечности вечную, обильнейшую, сладостнейшую, духовную пажить обрящет (Ин. X, 9).

«Кто Мне служит, Мне да последует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: И аще кто Мне служит, почти его Отец Мой» (Ин. XII, 25). Где находился Господь, когда Он произнес эти слова? Человечеством, соединенным с Божеством, Он находился посреди человеков, на земле, в юдоли их изгнания и

страданий, пребывая Божеством и там, где находился от безначального начала. «Слово бе у Бога» (Ин. I, 1) и в Боге. Это Слово возвестило о себе: «во Мне Отец, и Аз в Нем» (Ин. X, 38). Туда достигает и последователь Христов: «Иже исповесть устами, сердцем и делами, яко Иисус есть Сын Божий, Бог в нем пребывает, а той в Бозе» (Ин. IV, 15).

«Аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой»: побеждающему мир и грех, последующему Мне в земной жизни, дам в вечной жизни «сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих, и сдох со Отцем Моим на престоле Его» (Апок. III, 21).

Отречение от мира предшествует последованию за Христом. Второе не имеет места в душе, если не совершится в ней предварительное первое. «Иже хошет, сказал Господь, по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хошет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мк. VIII, 34, 35). «Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать свою, и жену и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, и не Мой быти ученик» (Лк. XIV, 26, 27).

Многие приступают к Господу, — немногие решаются последовать Ему. Многие читают Евангелие, услаждаются, восхищаются высотой и святостию учения его, — немногие решаются направить поведение свое по правилам, которые законополагает Евангелие. Господь всем приступающим к Нему и жела-

ющим усвоиться Ему, объявляет: «Аще кто грядет ко Мне, и не отречется от мира и от себя, не может Мой быти ученик».

«Жестоко есть слово сие», говорили об учении Спасителя даже такие человеки, которые по наружности были последователями Его и считались учениками Его: «кто может Его послушати?» (Ин. VI, 60). Так судит о слове Божиим плотское мудрование из бедственного настроения своего. Слово Божие — «жизнь» (Ин. VI, 63), жизнь вечная, жизнь существенная. Этим словом умерщвляется «плотское мудрование» (Рим. VIII, 6), родившееся из вечной смерти поддерживающее в человеках вечную смерть: слово Божие, для погубляемых плотским мудрованием и произволяющих погибнуть от него, «юрродство есть». Оно «спасаемых сила Божия есть» (I Кор. I, 18).

Грех столько усвоился нам при посредстве падения, что все свойства, все движения души пропитаны им. Отвержение греха, сроднившегося душе, соделалось отвержением души. Такое отвержение души необходимо для спасения души. Отвержение естества, оскверненного грехом, необходимо для усвоения естества, обновленного Христом. Выкидывают из сосуда всю пищу, когда она отравлена ядом; сосуд тщательно вымывают, потом уже влагают в него пищу, долженствующую поступить в употребление. Пища, отравленная ядом, по всей справедливости и сама называется ядом.

Чтоб последовать Христу, предварительно отречемся от своего разума и от своей воли. И разум и воля падшего естества вполне повреждены грехом; они никак не примирятся с разумом и волею Божиими. Соделывается способным к усвоению себе разума Божия тот, кто отвергнет свой разум; соделывается способным к исполнению воли Божией тот, кто отречется от исполнения своей воли.

Чтоб последовать Христу, «возьмем крест свой». Взятием креста своего названа добровольная, благоговейная покорность суду Божию, при всех скорбях, посылаемых и попускаемых промыслом Божиим. Ропот и негодование при скорбях и напастьях есть отречение от креста. Последовать Христу может только «взявший крест свой», покорный воле Божией, смиренно признающий себя достойным суда, осуждения, наказания.

Господь, заповедавший нам самоотвержение, отречение от мира и ношение креста, дает нам силу исполнять заповедание Его. Решившийся на исполнение этого заповедания и старающийся исполнять его, немедленно усматривает необходимость его. Учение, представлявшееся жестоким при поверхностном и ошибочном взгляде из плотского мудрования, является самым разумным, преисполнением благодати: оно воззывает погибших к спасению, убитых — к жизни, погребенных во аде — на небо.

Нерешающиеся на произвольное отречение от себя и от мира, насильно вынуждаются совершить то и другое. Когда придет неумолимая и неотразимая смерть: тогда они расстанутся со всем, к чему были привязаны; самоотвержение простирают до того, что скидают с себя самое тело свое, повергают его, оставляют на земле в снедь червям и тлению.

Самолюбие и привязанность к временному и суетному — плоды самообольщения, ослепления, душевной смерти. Самолюбие есть извращенная любовь к себе. Безумна и пагубна эта любовь. Самолюбивый, пристрастный к суетному и преходящему, к гре-

ховным наслаждениям — враг самому себе. Он — самоубийца: думая любить себя и угождать себе, он ненавидит и губит себя, убивает себя вечною смертию.

Осмотримся, развлеченные, отуманенные, обманутые суетою, опомнимся упоенные суетою, лишенные ею правильного самовоззрения! справимся с опытами, которые непрестанно совершаются пред очами нашими. Совершающееся пред нами, непременно совершится и над нами.

Тот, кто употребил всю жизнь на снискание почестей, взял ли их с собою в вечность? не покинул ли здесь громкие титулы, знаки отличия, весь блеск, которым он окружал себя? не пошел ли в вечность единственно человек с делами его, с усвоенными качествами во время земной жизни?

Тот, кто употребил жизнь на снискание богатства, кто накопил множество денег, приобрел обширные пространства земли в свое владение — устроил различные учреждения, дающие обильный доход, жил в чертогах, сияющих золотом и мрамором, разъезжал на великолепных колесницах и конях, — взял ли это в вечность? Нет! он оставил все на земле, удовлетворившись для последней потребности тела малейшим участком земли, в котором одинаково нуждаются, которым одинаково удовлетворяются все мертвецы.

Кто занимался в течение земной жизни плотскими увеселениями и наслаждениями, проводил время с друзьями в играх и других забавах, пировал за роскошною трапезою, — устраняется наконец самую необходимостью от привычного рода жизни. Наступает время старости, болезненности, а за ними час разлучения души с телом. Тогда узнается, но поздно, что служение прихотям и страстям — самообольщение, что жизнь для плоти и греха — жизнь без смысла.

Стремление к земному преуспеянию, какое странное, какое чудовищное! Оно ищет с иступлением. Едва найдет, как найденное лишается цены, и искачество возбуждается с новою силою. Ничем настоящим оно недоволено: оно живет одним будущим, оно жаждет только того, чего не имеет. Предметы желания приманивают к себе сердце искателя мечтою и надеждою удовлетворения: обманутый, постоянно обманываемый, он гоняется за ними на всем поприще земной жизни, доколе не восхитит его неожиданная смерть. Как и чем объяснить это искачество, поступающее со всеми подобно бесчеловечному предателю, и всеми владеющее, увлекающее всех? — В душах наших насаждено стремление к бесконечным благам. Но мы пали, и ослепленное падением сердце ищет во времени и на земле того, что существует в вечности и на небе.

Участь, постигшая отцов и братьев моих, постигнет и меня. Умерли они: умру и я. Оставлю келлию мою, оставлю в ней и книги мои, и одежды мои, и письменный стол мой, за которым проводил я многие часы; оставлю все, в чем нуждался или думал нуждаться во время земной жизни. Вынесут мое тело из этих келлий, в которых живу, как бы в преддверии к другой жизни и стране; вынесут мое тело, и предадут земле, послужившей началом для тела человеческого. Точно то же постигнет и вас, братия, которые читаете эти строки. Умрете и вы: оставив на земле все земное; одними душами вашими вступите в вечность.

Душа человека стяжывает качества, соответственные своей деятельности. Как в зеркале изображаются

предметы, против которых оно будет поставлено: так и душа запечатлевается впечатлениями соответственно своим занятиям и делам, соответственно своей обстановке. В зеркале бесчувственным образы исчезают при удалении предметов от зеркала; в словесной душе впечатления остаются. Они могут быть изглаждаемы и заменяемы другими, но для этого требуется и труд и время. Впечатления, составляющие достояние души в час смерти ее, остаются достоянием ее на веки, служат залогом или ее вечного блаженства, или ее вечного бедствия.

«Не можете Богу работать и мамоне» (Мф. VI, 24), сказал Спаситель падшим человекам, обнаружив пред человеками то состояние, в которое они приведены падением. Так врач поведаёт больному состояние, в которое он приведен болезнью и которого сам больной понять не может. По причине душевного расстройства нашего, нам необходимо для спасения благовременное самоотвержение и отречение от мира. «Никто же может двема господинома работати: либо единого возлюбит, а другого возненавидит: или единого держится, о другом же нерадити начнет» (Мф. VI, 24).

Опыты постоянно утверждают справедливость того воззрения на нравственную болезненность человеков, которое выразил всесвятый Врач в приведенных нами словах, сказанных с решительною определенностью: за удовлетворением суетных и греховных пожеланий всегда следует увлечение ими; за увлечением следует плен, умерщвление для всего духовного. Допустившие себе последование своим пожеланиям и плотскому мудрованию, увлеклись или, поработились им, забыли Бога и вечность, истратили земную жизнь напрасно, погибли погибелью вечною.

Нет возможности исполнять вместе волю свою и волю Божию: от исполнения первой исполнение второй оскверняется, соделывается непотребным. Так благовоенное, драгоценное миро утрачивает достоинство свое от ничтожной примеси смрада. Тогда только, возвещает Бог чрез великого Пророка, «благая земли снесете», когда произвольно «послушаете Мене. Аще же не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы пояст: уста Господня глаголаша сия» (Ис. I, 19, 20).

Нет возможности стяжать разум Божий, пребывая в плотском мудровании. «Мудрование плотское», сказал Апостол, «смерть есть. Мудрование плотское — вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может» (Рим. VIII, 6, 7). Что такое плотское мудрование? — Образ мыслей, возникший из состояния, в которое приведены человеки падением, направляющий их действовать на земле, как бы они были вечны на ней, возвеличивающий все тленное и временное, уничижающий Бога и все, относящееся к богоугождению, отъемлющий у человеков спасение.

Отречемся от душ наших, по завещанию Спасителя, чтоб приобрести души наши! отречемся произвольно от порочного состояния, в которое они приведены произвольным отречением от Бога, чтоб получить от Бога святое состояние обновленного человеческого естества вочеловечившимся Богом! Волю свою и волю демонов, которой подчинилась и с которою слилась наша воля, заменим волею Божиею, объявленную нам во Евангелии! мудрование плотское, общее падшим духам и человекам, заменим разумом Божиим, сияющим из Евангелия.

Отречемся от имени нашего, чтоб стяжать способность последовать Господу нашему Иисусу Христу! Отречение от имени совершается на основании правильного понятия о нем. Правильное понятие о вещественном имуществе доставляется Евангелием (Лк. 16, 1—31); когда же оно доставится, тогда разум человеческий невольно сознает всю правильность его. Земное имущество не есть наша собственность, как ошибочно думают никогда не думавшие об этом предмете; иначе оно всегда было бы, и навсегда пребыло бы нашим. Оно переходит из рук в руки, и тем само о себе свидетельствует, что дается лишь на подержание. Богу принадлежит имущество; человек бывает только срочным распорядителем имущества. Верный распорядитель с точностью исполняет волю доверившего ему распоряжение. И мы, управляя, врученным на срок, вещественным достоянием, потщимся управлять им по воле Божией. Не употребим его в средство удовлетворения нашим прихотям и страстям, в средство нашей вечной гибели: употребим в пользу человечества, так много нуждающегося, столько страдающего, употребим его в средство спасения нашего.

Желающие христианского совершенства вполне оставляют земное стяжание (Мф. XIX, 16—30); желающие спастись должны подавать возможную им милостыню (Лк. XI, 41), и воздержаться от злоупотребления стяжанием.

Отречемся от славолубия и честолубия! Не будем гоняться за почестями и санами, употреблять к сниканию их способы непозволительные и унижительные, сопряженные с попранием закона Божия, совести, блага ближних. Такие способы наиболее употребляются для приобретения земного величия искателями его. Зараженный и увлекаемый тщеславием, ненасытный искатель человеческой славы, неспособен к вере во Христа: «как вы можете веровати», сказал Христос современным Ему честолубцам, «славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите» (Ин. V, 44). Если подобную той, какую оказывают волкам агнцы, непретворяющиеся в волков и незащищающиеся от волков зубами (Мф. 10, 16) (см. Житие св. великомуч. Варвары). Святая ненависть к ближним заключается в сохранении верности к Богу, в несоизволении порочной воле человеков, хотя бы эти человеки и были ближайшими родственниками, в великодушном терпении оскорблений, наносимых ими, в молитве о спасении их, — отнюдь не в злоречии и не в однородных злоречию действиях, которыми выражается ненависть естества падшаго, ненависть богопротивная.

«Не мните, сказал Спаситель, яко приидох воврещи мир на землю: не приидох воврещи мир, но меч. Приидох бо разлучити человека на отца своего, и дочь на мать свою, и невесту на свекровь свою» (Мф. X, 34—35). «Приидох, — объясняет святой Иоанн Лествичник приведенные слова Господа разлучити боголюбивых от миролюбивых; плотских от духовных; славолубивых от смиренномудрых: угрождается Бог разделением и разлучением, когда оно совершается ради любви к Нему» (Лествица).

Пророк назвал землю местом «пришельства своего» (Пс. CX, 54), а себя пришельцем и странником на ней: «превелник аз есмь у Тебе», сказал он в молитве своей к Богу, «и пришлец якоже вси отцы мои» (Пс. XXXVIII, 13). Очевидная, осязательная истина! истина, забываемая человеками, несмотря на очевид-

Спас Вседержитель.

ность свою! Я — пришлец на земле: вошел я рождением; выйду смертью. Я — преселник на земле: переселен на нее из рая, где я осквернил и обезобразил себя грехом. Переселяюсь и с земли, из этого срочного изгнания моего, в которое я помещен Богом моим, чтобы я одумался, очистился от греховности, снова соделался способным для жительства в рае. За упорную, окончательную неисправимость я должен низвергнуться навечно в темнища ада. Я — странник на земле: странствование начинаю с колыбели, окончиваю гробом: странствую по возрастам от детства до старости, странствую по различным обстоятельствам и положениям земным. Я — «пришлец и странник, якоже вси отцы мои». Отцы мои были пришельцами и странниками на земле: вступив на нее рождением, они удалились с ее лица смертью. Исключений не было: никто из человеков не остался навсегда на земле. Уйду и я. Уже начинаю отшествие, оскудевая в силах, подчиняясь старости. Уйду, уйду отсюда по непреложному закону и могущественному установлению Создателя и Бога моего.

Убедимся, что мы странники на земле. Только из этого убеждения мы можем сделать расчет и распоряжение безошибочные для земной жизни нашей, только из этого убеждения можем дать ей направле-

ние верное, употребить ее на приобретение блаженной вечности, не на пустое и суетное, не на погубление себя. Ослепило и ослепляют нас падение наше! и принуждены мы насильно, в течение долгого времени убеждать себя в яснейших истинах, ненуждающихся, по ясности своей, в убеждении.

Странник, когда остановится на пути, в странно-приимном доме, не обращает на этот дом особенного внимания. К чему внимание, когда он приютился в доме на кратчайшее время? Он довольствуется одним необходимым; старается не истратить денег, которые ему нужны на продолжение пути и на содержание в том великом городе, куда он шествует; недостатки и неудобства претерпевает великодушно, зная, что они — случайность, которой подвергаются все путешественники, что ненарушимое спокойствие ожидает его на том месте, куда он стремится. Не привязывается он сердцем ни к какому предмету в гостинице, как бы предмет ни казался привлекательным. Не теряет он времени для посторонних занятий: ему нужно оно для совершения многотрудного путешествия. Постоянно углублен он в размышление о великолепной царской столице, в которую направился, о тех значительных препятствиях, которые должно преодолеть, о средствах, могущих облегчить путешествие, о разбойничьих засадах, наветующих путь, о несчастной участи тех, которым не удалось совершить этот путь благополучно, о счастливейшем положении совершивших его с желанным успехом. Пробыв нужное время в гостинице, он благодарит хозяина ее за оказанное ему гостеприимство, и, ушедши, забывает о гостинице или помнит о ней поверхностно, потому что холодно было к ней сердце его.

Стяжем и мы такие отношения к земле. Не растратим безумно способностей души и тела; не принесем их в жертву суете и тлению. Охранимся от привязанности к временному и вещественному, чтоб она не воспрепятствовала нам приобрести вечное, небесное. Охранимся от удовлетворения наших неудовлетворимых и ненасытных прихотей, от удовлетворения которых развивается наше падение и достигает страшных размеров. Охранимся от излишеств, довольствуясь только существенно нужным. Устремим все внимание к ожидающей нас загробной жизни, не имеющей уже конца. Познаем Бога, заповедавшего нам познание Его и дарующего это познание Своим словом и Своею благодатью. Усвоимся Богу в течение земной жизни. Он предоставил нам теснейшее соединение с Собою, и дал на совершение этого величайшего дела срок — земную жизнь. Нет другого времени, кроме времени, определяемого земною жизнью, в которое могло бы состояться чудное усвоение: если оно не совершится в это время, то не совершится никогда. Приобретем дружбу небожителей, святых Ангелов и почивших святых человеков, чтоб они приняли нас «в вечные кровы» (Лк. XVI, 9). Стяжем познание духов падших, этих лютых и коварных врагов рода человеческого, чтоб избежать козней их и сожительства с ними в пламени адском. Святильником на жизненном пути нашем да будет слово Божие. Прославим и возблагодарим Бога за обильные блага, которыми преисполнен, в удовлетворение потребностей наших, временный приют наш — земля. Чистотою ума проникнем в значение этих благ: они — слабые образы благ вечных. Вечные блага изображаются ими так слабо и недостаточно, как изобра-

жаются тению предметы, от которых она падает. Даруя нам земные блага, Бог таинственно вещает: «Человеки! временный приют ваш снабжен разнообразными, бесчисленными благами, пленяющими, восхищающими и взор, и сердце, удовлетворяющими до преизбытка потребностям вашим: заключайте из этого о благах, которыми снабжено ваше вечное жилище. Поймите бесконечную, непостижимую благость Божию к вам, и, почтив земные блага благочестивым разумением и созерцанием их, не поступите безрассудно: не поработите себя ими. Пользуясь ими сколько нужно и должно, всеми силами устремитесь к приобретению благ небесных».

Устраним от себя все ложные учения и деятельность по ним: овцы Христовы «по чуждем гласе не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа» (Ин. X, 5). Ознакомимся определенно с гласом Христовым, чтоб немедленно узнать его, когда услышим, и немедленно последовать Его велению. Стяжав в духе сочувствие к этому гласу, мы стяжем в духе отчуждение от чуждаго гласа, который издается плотским мудрованием в разнообразных звуках. Едва услышим чуждый глас — побежим, побежим от него, по свойству овец Христовых, спасающихся от чуждаго гласа бегством: решительным невниманием ему. Внимание ему уже опасно: за вниманием вкрадывается обольщение, за обольщением — погибель. Падение праотцев наших началось с внимания праматери к чуждому гласу.

Наш Пастырь не только призывает нас гласом, но и руководствует Своим образом жизни: Он «пред овцами Своими ходит» (Ин. X, 4). Он заповедал нам отречение от мира, отречение от себя, взятие и ношение креста своего: Он и совершил все это пред взорами нашими. «Христос пострада по нас, нас оставил образ, да последуем стопам Его» (1 Петр. II, 21). Благоволил Он принять на Себя человечество, хотя от племени царского, но низшедшего по положению своему в разряд простого народа. Рождение Его совершилось во время странствования Его святейшей

Матери, для которой не нашлось места в домах человеческих. Рождение совершилось в вертепе, в котором помещался домашний скот; колыбелью для Ново-рожденного послужили ясли. Только что пронеслась весть о рождении, как составилась и заговор о убийстве. Младенец уже преследуется! Младенец ищется на убийство! Младенец бежит чрез пустыни в Египет от разъяренного убийцы! Детство Свое Богочеловек проводил в повиновении родителям, нареченному отцу и естественной матери, показывая пример смирения человеку, погибшим от гордости и производимого ею непослушания. Лета мужеские Господь посвятил проповеди Евангелия, странствуя из града в град, из веси в весь, не имея собственного приюта. Одежду Его составляли хитон и риза. В то время, как Он возвещал человекам спасение, и источал на них божественным благодеянием, человеки возненавидели Его, задумали и не раз покушались убить Его. Наконец, они казнили Его, как уголовного преступника. Он попустил им совершить ужаснейшее злодеяние, которого жаждало их сердце, потому что восхотел казнию Всесвятого избавить от клятвы и казни вечных преступный род человеческий.

Страдальческою была земная жизнь Богочеловека: окончилась она страдальческою кончиною. Вслед за Господом прошли в блаженную вечность все святые, прошли путем тесным и прискорбным, отрицаясь от славы и наслаждений мира, обуздывая плотские пожелания подвигами, распиная дух на кресте Христовом, который составляют собою для падшего человеческого духа заповеди Евангелия, подвергаясь различным лишениям, гонимые духами злыми, гонимые своею братиею — человеками. Послужим Христу и сонму святых, шествовавшему за Ним! Богочеловек «Собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величества на высоких» (Евр. I, 3). Туда призывает Он последователей Своих: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие (Мф. XXV, 31). Аминь.

ДВЕ ДОРОГИ

«Иди за мной!» — взывает дух лукавый. —
«О человек! Тебя я одарю и счастьем, и честью, и славой...
Сомненье прочь! Я правду говорю!»

«Испить до дна земные наслажденья! —
Вот жизни цель, — вот жизни красота!
И грозный суд, и адские мученья, —
Всё звук пустой, утопия, мечта!»

«Зачем страдать? Зачем тебе стремиться
В какой-то мир, неведомый, другой!
Ведь умереть и в землю обратиться —
Единственный, конечный жребий твой!..»

— «Не верь врагу!» — вещает голос тайный: —
«О человек! Иди вослед за мной,
И грозный суд и ад — не звук случайный!
За гробом есть прекрасный мир другой!

И честь и блага жизни скоротечной —
Минутный сон, утопия, мечта!
Творить добро, стремиться к жизни вечной —
Вот жизни цель, — вот жизни красота!..»

Так человек двум голосам внимает
И видит два различные пути:
Один и честь, и славу обещает,
Другой велит тяжелый крест нести.

Куда идти? — К незримому-ль стремиться,
Иль предпочесть доступное очам?
О Господи! Не дай нам усомниться,
Не дай врага довериться речам!

Ты всемогущ! Мы — немощны и хилы!
Погибнем мы без помощи Твоей!
Дай веры нам, Создатель наш, — дай силы
Отринуть зло!.. Спаси Твоих людей!

В. Б.

(из журнала «Кормчий», 1911, № 1)

Архим. Иоанн (Крестьянкин)

РОССИЯ ЧЕРЕЗ СЕМЬ ТАИНСТВ

Проповедь в день празднования 1000-летия крещения Руси

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА!

*«Величаем Тя, Триипостасный
Владыко, верую Православную
землю русскую озарившаго и
святых сродников наших сонм
велий в ней прославльшаго»*

Сегодня, други мои, на Руси ДЕНЬ АНГЕЛА — день памяти всех святых нашей Русской земли, и этот день мы отмечаем ежегодно.

Но нынче празднование памяти русских Святых угодников Божиих, чьими трудами и скорбями, чьим величием духа мы с вами теперь православные христиане, особенно и величаво еще и тем, что тысяча лет прошло с тех пор, как началось духовное рождение русского народа в Святом Крещении, когда призрел на Русь Господь и вдохнул в нее дух жизни.

И этот 1000-летний юбилей заставляет обернуться всех на историю, на пройденный прожитый путь, и особо оценить то событие, которое случилось так давно и которым живет по сию пору Россия. И этого не могут не признать, не могут не оценить все живущие независимо от своего мировоззрения и вероисповедания. И единодушно звучит и празднуется торжество и религиозное, и национальное, и государственное, и культурное.

«С Крещения Руси вообще можно начать историю Руси и историю русской культуры» — говорят и современные ученые.

И именно поэтому весь мир «от восток солнца до запад» отмечает сегодня день 1000-летнего юбилея КРЕЩЕНИЯ РУСИ.

«Без Мене не можете творити ничесоже», — сказал Господь.

И сколько племен и народов ушли из истории в небытие, а Россы, вскормленные благодатью Святого Духа, данного Господом им, как дар в Святом Крещении, стали великою Русью, Россией.

Великие ценности дара Божия Русь приняла не формально, но потрудились, пленивши ум и сердце заповедям Божиим.

«Люби ближнего своего, как самого себя, — в этом весь закон и пророки».

Как просто слово Божие, как благо, но скольких жертв и трудов требует, чтобы воплотить его в жизнь. Но 1000-летняя история показала всему миру, что только этим можно жить, и только это слово родит к жизни и вскармливает, и выращивает, и хранит.

Хранит и нас Господь, пока мы храним это слово жизни — Любовь.

А с чего начиналось, что пережито и как развивалось, и кто бы первым на этом нелегком пути, ведущим по жизни даже и в жизнь вечную?

В кратком слове трудно охватить все, но основное надо вспомнить.

ПЕРВЫЙ век — Христос — Сын Божий пришел в мир и всего три года жизнью и словом являет миру новые моральные духовные ценности, неслыханные доселе миру.

Любовь!

Гимн любви!

Любовь даже до смерти!

Любовь к врагам!

И кто может это слышать, а кто воспринимать? 12 человек — 12 апостолов, и среди них Андрей Первозванный.

Вдумайтесь, только 12 человек!

Но воистину, Сын Божий в мир явился. Ибо от одного, и притом умершего и воскресшего родилось то, что потрясло и изменило целый мир.

Христос умер и воскрес, а 12 безвестных и неведомых пошли в мир и понесли искры новой веры и учения. И к русским племенам дошел Самовидец Христа апостол Андрей. И водрузил на Киевских горах Крест

и сказал слово сильное и неложное благодатию Святого Духа — «На этих горах возсияет благодать Божия».

Апостол Андрей сказал слово — семя посеял, но сколько времени трудился Господь, чтобы семя прозябло, трудился Сам неведомо и незримо во мраке языческого жестокого мира, среди избранных людей.

Об этом молчит история; как все мы видим, жизнь в 10 веке вдруг, как всплеск, являет миру опять первого и равноапостольного князя Владимира.

Теперь мы говорим, что он святой, и теперь стоит он на Киевских горах с крестом в руке, взирая на Русь и на плоды своих трудов.

Теперь он Святой!

Но тогда, 1000 лет назад, князь-язычник, достигший в жизни всех пределов земных наслаждений, безудержный и грубый во всем, сын зла, если мерить христианскими понятиями. Он словно вобрал в себя один все прошлое Руси. Его восхождение к вершинам власти связано с убийством родного брата. Как бы он мог перевоплотиться в нового человека?

Но, достиг его Христос, и он не стал советоваться со своей разнузданной плотью и кровью, но повернулся ко Христу и отдал Ему свое сердце. И всех своих позвал за собою.

Жестоко и решительно слово князя: «Кто не придет креститься, тот не друг мне».

И пошли верные за своим князем, поверив и его избранию, и поняв разницу между Перуном-богом, требовавшим кровавых жертв, и Христом-Богом, — любви ко всем людям.

И разумеется, человеческая природа сразу не могла измениться. Люди оставались людьми со всеми присущими им достоинствами и недостатками, но Заповеди Божии уже звучали в ушах и сердцах и связывали грех, живущий еще в сердцах, и вели к нравственному возрождению. Русь приняла путь Христа, путь разрыва со всем дурным, со всем тем, что приковывает к земле. А какой пример князя Владимира, на котором все увидели чудо преображения великого грешника в праведника, который призвал к жизни целый великий народ.

И святой князь Владимир, отмеченный этим чудом, стоит на вратах христианской Руси. И по сей день завещание другого русского князя Владимира (Мономаха) своим детям, а значит и нам, ведет по жизни и в жизнь вечную. Только прими, только живи им, только поверь, тем более, что уже все подтверждено самой прожитой 1000-летней жизнью. Нам говорит он:

«Мы, люди, грешны, грешны и смертны и если кто сотворит нам зло, то мы хотим его поглотить и скорее пролить кровь его. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь... Как отец, чадо любя, его бьет и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их ПОКАЯНИЕМ, СЛЕЗАМИ и МИЛОСТЫНЕЮ.

Владимир «Красное солнышко» — так прозвал русский народ святого равноапостольного князя Владимира — своего духовного родоначальника. И в этой оценке все: и признание, и благодарность за дарованное тепло, радость и саму жизнь.

В X веке от угодника Божия и от государственного мужа началась новая Русь, новый народ, новый дух, новый путь, новая культура. И если мы теперь просле-

дим жизнь русского народа от самого Крещения и доныне, то увидим, что наша Русь идет путем, который определил ей дух и пример ее крестителя.

Поколение за поколением рождалось на русской земле и было поставлено перед выбором одного из двух царств и избрало Царство Небесное. И жило им, и уходило, оставляя потомкам уроки своего жизненного пути в святых своих. И ничто так не может увлекать и одушевлять, как наглядный пример; и ни от кого нельзя так легко и радостно научиться жить по-христиански, как от того, кто сам искренно и радостно работает Христу.

Угодники Божии, молитвенники земли русской — сколько их?

Им же несть числа во всей истории, явленных и не явленных — множество святых мужей, святых жен, святителей, чудотворцев, князей, монахов... и разные свойства русской религиозности являют они; но роднит их то, что все они напоены одним духом — Духом святой веры и церковного благочестия, духом христианским.

Историческое значение русской жизни было разным: были колебания, были застои, были и остановки. Река русской народной жизни, рождающая святых, текла в заданном направлении, но иногда быстро и плодотворно, иногда медленно, иногда же так тихо, что трудно было установить, течет ли она вперед или назад. И вот, теперь, через 1000 лет можно обозначить основные периоды русской религиозной истории от святого князя Владимира до сего дня.

Их — шесть, и седьмой приближается, и как-то оно само сравнение напрашивается этих семи периодов с семью Христовыми Таинствами.

ПЕРВЫЙ период — Владимирский — соответствует Тайне Святого Крещения. Он короткий, но необычайно знаменателен вследствие коренного переворота в жизни и сознании народа, вследствие устремления к новой цели. Рождение от воды и Духа. И вот появляются первые святые наставники к истинной вере и наши ходатаи ко Владыце.

Плоды, достойные святости отца — два сына св. князя Владимира — первые мученики и блаженные страстотерпцы Борис и Глеб.

Послушайте, о други мои, посмотрите, как идет на крест подвигом веры юный сын великого князя Борис: «Сердце мое горит, душа мне разум мутит, к кому обратиться и к кому направить эту горькую печаль, к брату ли, чтобы был мне вместо отца, но думаю, что теперь он предается суете мирской и об убийстве моем помышляет; если он на убийство мое решится, то мученик я буду перед Богом, так как я не воспротивлюсь, ибо писано: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать...», — так готовится принять смерть проповедник христианского незлобия.

ВТОРОЙ период — следует за первым и тянется до монгольского ига. И этот период соответствует Тайне Миропомзания.

В этот период народ мужает и лечится от остатков язычества, утверждаясь в религии Креста, когда над каждой отдельной русской душой должно было совершиться перерождение и на каждую душу нужно было наложить печать Царства Небесного.

А миропомзание, как тайна, и означает утверждение в вере печатью дара Духа Святого. «Проповедует Православие и паче труды вопиет священная и великая Лавра от преподобного Антония начало приемшая».

* Сколько достопамятных деяний и примеров дают они — Божии угодники монахи — там и летописцы и духовники и безмездные целители — врачи душ и телес.

ТРЕТИЙ период — соответствует Тайне святого Покаяния, ибо в рабстве, в слезах и в горе под властью монголов протекает он.

Было необходимо, накопившиеся за время свободы грехи сдунуть с души народа суровым ветром рабства.

И этот трудный период направлен на достижение главной цели — очищение духа от земли и избрание Царства Божия.

И в этот период дарует Господь чудных житием и разумом мужей и послушания рачителей, сонм святителей: Петра, Алексия, Иону, Филиппа. Собор преподобных и множество других. Недостает времени, чтобы перечислить всех явленных на Руси святых в этот прискорбный период.

ЧЕТВЕРТЫЙ период — от свержения монгольского ига и до царя Петра.

Освобождение началось Куликовской битвой, где явил величие духа благоверный воин — князь Димитрий Донской, любовь народная к которому и благодарная память, пронесенная через века, объявила его сегодня святым.

Этот блестящий период свободы отвечает святой Тайне Брака.

Душа народная, очищенная страданием, обручается и всецело предается своему Небесному Жениху.

На русской земле нераздельно царствует Христос, русская земля украшается бесчисленными святыми. — Это период свадебного пира — соединение народа с Богом. В этот период более 150 новых святых встают пред престолом Божиим ходатаями за свой народ. И среди них преподобные, епископы, князья, Христа ради юродивые, строители, миссионеры, богоносные отцы — ПИР ВЕРЫ.

ПЯТЫЙ период — соответствует святой Тайне Елеосвящения. И исторически начинается от царя Петра и до первой мировой войны продолжается.

Синодальный период, в течение которого русская интеллигенция разлагается и колеблется. Уходят из России на Запад и приносят вместо былых своих добродетелей — чужие заблуждения.

Число забывших Бога и избравших для себя кумиром царство земное лихорадочно растет. Идолы, сокрушенные св. князем, оживают в душах колеблющихся. И река русской религиозной жизни замедляет свое течение.

ШЕСТОЙ период — от первой мировой войны и донныне. Этот период соответствует Тайне Причащения.

Никогда русский народ — «малое стадо» — так искренно не соединялся с возлюбленным им Христом, как теперь, когда неверующие попирают святую, когда «князю мира сего» попущено до времени опять явить свою силу и власть. И мрачный злой дух напрягается, но народ причащается и особенно омывается страданием подвига жизни крестной, еще теснее соединяющей его со Христом.

И даст Господь в свой СЕДЬМОЙ период восполнить сосуды веры христианской и *Сам осветит русский народ Своею благодатию*, которая даст силы во имя Сына Божия снова и снова свободно избрать

людям Царство Божие — Царство Небесное — целью жизни на земле.

И будет соответствовать этот период святой Тайне Рукоположения. *И станет русский народ священным народом, утренней звездой между народами.*

Но, други мои, когда бы ни жили мы, во все времена бесценно благо спасения души человеческой. И только это и является целью жизни человека, и только о спасении бесценной души печется Господь. И в самые трудные периоды жизни мы в изумлении видим, как сила Божия в нашей немощи совершается, и преклоняемся мы перед Божиим величием и чудом, явленном в Промысле Божиим. И не будем ходить далеко за примерами.

В 1918 году, когда в предсмертной агонии кончался многовековой уклад русской жизни, и в муках рождения появилось неведомое, когда все сокрушалось вокруг, Господь ставит Свою земную Церковь на прочный фундамент ПАТРИАРШЕСТВА.

Вспомните — ведь это чудо и дело рук Божиих.

Церковь земная и Церковь Небесная — это ТЕЛО ХРИСТОВО, и не может не сострадать скорби и не сорадоваться радости того, или иного его члена, и не может Церковь Небесная торжествующая и ликующая не принимать участия в другой ее части, живой еще исповеданием и часто страданием. И потому посылаются в Церкви земной посланцы небесные — новые святые, новые молитвенники и новые чудотворцы, дающие нам свою духовную энергию и силу.

Перечислю лишь святых, пришедших в нашу Церковь в современный нам исторический период с 1917 года.

На Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917—1918 гг. были причислены к лику святых святители Софроний Иркутский и Иосиф Астраханский.

В 1977 году, по обращению Священного Синода Православной Церкви в Америке канонизирован и причислен к лику святых на Руси митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов).

Любовь и благодарность японцев к своему миссионеру, принесшему в Японию Свет Христовой Истины, — Святителю Русской Православной Церкви Николаю (Касаткину) — в 1970 году причислила его к лику святых.

Из Константинопольской Церкви пришел к нам Иоанн Русский, канонизированный там в 1962 году.

Из Америки в 1970 году вернулся в Россию святой Герман Аляскинский, ушедший на Аляску из Валаамского монастыря в 1794 году.

А ныне, в юбилейный год, даровал Господь новых ходатаев, исполненных Божией благодати.

В разное время они жили и разными дорогами шли по пути Божию в Царство Небесное, то так ярко горели их сердца к Богу, что свет этот не угас во времени, но достиг и нас, и нам светит теперь на нашем пути к Богу. Ибо делом явили они истинность и достоверность силы своих молитв, своих дел, в служении Богу, Церкви и людям.

И ныне на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном юбилею 1000-летия Крещения Руси, проходившем в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре с 6-го по 9 июня, возгласил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен:

«Изволися Духу Святому и нам причислить к лику святых угодников Божиих для Всероссийского церковного преклонения —

1. **Благодарного князя великого Московского Дмитрия Донского (1350—1389 гг.)**, показавшего подвиг праведной и благочестивой жизни, «отдавшего душу свою за други своя».

Дмитрий Донской защищал Христову веру, основывая монастыри, строил храмы, благотворил бедным.

2. **Преподобного Андрея иконописца (Рублева — 1360 г.)** — постника и аскета, богослова, совершенно выразившего догмат о Троице Боге в своей иконе «Святая Троица», известной и почитаемой всем миром. Преподобный Иосиф Волоцкий писал об Андрее Рублеве, что тот сподобился видения и созерцания невидимого Божественного Света. А по смерти своей монах Андрей являлся своему сподвижнику иконописцу Даниилу облаченным в сияющие ризы.

3. **Преподобного Максима Грека (1470—1556)** св. чудотворца, монаха-аскета и учителя иноческого жития. Он, как духовный учитель, углубил святоотеческие традиции.

4. **Митрополита Московского и всея Руси Макария (1482—1563 г.)** — подвигом и добродетельной и постнической жизни сподобился дара прозорливости и чудотворения. Церковная его деятельность отмечена борьбой с ересями, а также собиранием духовных сокровищ Церкви.

5. **Схиархимандрита Паисия Величковского (1722—1794 гг.)** — возродившего на Руси школы старчества.

6. **Блаженную Ксению Петербургскую (конец XVIII—начало XIX вв.)** — подвижки любви к ближним она пронесла через всю многострадальную жизнь и получила любовь Божию в даре прозорливости и чудотворения, и любовь человеческую, которая не угасает уже второе столетие.

7. **Епископа Кавказского Игнатия Брянчанинова (1807—1867 гг.)** — подвижника благочестия и учителя христианской жизни и духовного писателя.

8. **Иеросхимонаха Амвросия Оптинского (1812—1891 гг.)** — старца, пастыря и проповедника, делателя любви к Богу через людей.

9. **Епископа Феофана Затворника (1815—1894)** — явившего высоту и святость жизни в плодотворном служении Церкви, сохраняя православную чистоту и богопросвещенность.

Молитвами новопрославленных святых да даст Господь Свою милость и благословение всем, с верою и любовью притекающим к их небесному представлению.

Милостив Господь — это ПИР ВЕРЫ, это, чтобы не смущалось сердце наше никакими трудностями жизни, это чтобы видели мы, что не оставил Господь Церковь Свою и нас, ее членов, чтобы насыщались мы плодами ее, вдохновлялись примерами жизни и высоким подвигом тех, кто уже достиг вожденного Небесного Царства и ликует со Ангелами.

Угодники Божии, святые Русские, явленные и не явленные, но ведомые Богу, — они с нами, они рядом всегда, они зовут нас: «УЧИТЕСЬ, МОЛИТЕСЬ, ПРОСИТЕ!», и примет нас Господь, и примут нас они, как собратьев: как друзей — житницу Христову для вечной радости.

Други мои! Поздравляю вас с неземной нынешней радостью, посетившей нас!

Не забывайте молиться им, — новым святым, и особенно теперь, когда они в силе и величии того, что сотворил с нами Господь.

«РАДУЙТЕСЯ ПРАВЕДНИИ О ГОСПОДЕ, ПРАВИМ ПОДОБАЕТ ПОХВАЛО».

Други наши, сегодняшнюю Литургию предваряла торжественная панихида, за которой мы с вами молили Бога о живых, трудившихся, радовавшихся и страдавших и отошедших в путь всея земли людях.

А после Литургии первый раз праздничным молебном возвестили мы о явлении новых наших святых. И в молитве ко всем русским Угодникам Божиим, земная жизнь которых завершилась столь чудно, ибо дела их — светлые крылья Ангелов, возносивших их к Божию Престолу, — будем просить их молить Бога о нас.

Мы будем петь их величание и пойдем с крестным ходом, чтобы все живое обрадовалось нашей радости и нашему нынешнему торжеству.

И будем просить у Господа благословения, а у всех русских святых, молитв на вступление во второе тысячелетие, чтобы их молитвами не оскудела на Руси Православная вера во всей чистоте, чтобы не забыли ни мы, ни наши потомки Божиих Заповедей и заветов.

И еще будем благодарить Господа за ушедшее в вечность ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ.

«Христос, воцарися, Христос прославися, велий еси Господи и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!»

Боже наш — СЛАВА ТЕБЕ за все и за вся во веки веков. Аминь.

Псково-Печерский монастырь

30 мая/12 июня 1988 г.

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов

Свято-Троицкая Церковь («Кулич и Пасха»)

Есть в нашем городе храм удивительного вида: сама церковь, круглая в плане, напоминает пасхальный кулич, а стоящая рядом колокольня-пирамида похожа на творожную пасху. Освященная во имя Святой Живоначальной Троицы, церковь эта, в народе называемая «Кулич и Пасха», стоит на Троицком Поле, юго-восточной окраине Петербурга.

Небольшой каменный храм, давший название местности, возвышается посреди большой (б. Церковной) площади, в уютном сквере, обнесенном белой каменной оградой с металлической решеткой. Он считается памятником архитектуры и охраняется государством.

В конце XVIII века здесь, на Шлиссельбургском тракте, была основана мануфактура, которая по имени будущего Императора Александра I получила название Александровской. Из флигелей, выстроенных для рабочих и служащих мануфактуры, образовалось селение, вскоре превратившееся в богатое пригородное село Александровское. Близ села, на Неве, находилось имение генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского, который в начале 1780-х годов был назначен управляющим Императорским фарфоровым заводом и избрал летней резиденцией находившееся рядом свое поместье, где начал сооружение обширного усадебного дома и разбил парк.

После того, как в 1783 году Императрица Екатерина Великая пожаловала князю 200 тысяч рублей за верную службу, он задумал возвести рядом с домом в центре парка храм и посвятить его празднику Обновления храма Воскресения Господня в Иерусалиме (Воскресению Словущему). При этом он пожелал выстроить церковь такой, чтобы она напоминала собой пасхальный хлеб (кулич), а колокольня — пасху.

В 1783 году Святейший Синод дозволил строительство в усадьбе каменного храма, и через два года по благословению митрополита С.-Петербургского Гавриила (Петрова) оно было начато, закончившись в 1787 году. Однако, из-за того, что средства на постройку церкви были пожертвованы Императрицей Екатериной II, храм по желанию Государыни был освящен на Троицу 1790 года в честь Святой Живоначальной Троицы.

О царских щедротах напоминают надписи на мраморных досках, помещенных на стенах храма: «Екатерина II. В память твоих щедрот. Начата 1785 г.» — на северной стене церкви; «Твои щедроты соорудили. Окончена в 1787 г.» — на южной, и «Здесь благословятся благодетельствовавшие мне в роды и роды. Освящена в 1790 году. Екатерина II» — над главным входом в храм с западной стороны.

Строительство Троицкой церкви было осуществлено по проекту известного зодчего русского классицизма Н. А. Львова. Снаружи ротонда храма окружена 16-ю колоннами ионического ордена и перекрыта плоским куполом; овальные окна второго яруса придают храму особое изящество. Внутреннее пространство церкви просто и гармонично, — круглый

в плане зал, высота которого равна диаметру, украшен коринфскими пилястрами.

В верхнем ярусе колокольни помещается звонница; в двух нижних ярусах, соединенных внутренней лестницей, находятся крещальня и жилые помещения. Архитектура храма в свое время так поразила Д. Кваренги, что он зарисовал его в своем дорожном альбоме.

Само здание храма с XVIII века изменилось мало, лишь в 1857—1859 гг. на средства Свято-Троицкой церкви и Александровской мануфактуры было произведено обновление, и с запада к церкви пристроен каменный притвор и ризница, а также сооружена новая церковная ограда с аркой из плитняка и двумя часовнями по бокам ее (не сохранились). В 1905 году престол храма прихожане украсили мраморной с инкрустацией одеждой.

Первым настоятелем храма с 1790 года был священник Илия Петров (до 1806 года). Почти 30 лет, с 1872 по 1904 годы причт храма возглавлял прот. В. Китаев; в 1904—1915 гг. в храме служил прот. Николай Иоаннович Успенский, автор большого количества назидательно-духовных брошюр для простого народа. В наши дни во главе причта стоит прот. Виктор Голубев, епархиальный секретарь.

В начале века храм находился за городом, в пяти верстах от городской черты; приход его составляли крестьяне сел Александровского, деревень Леснозаводской и Мурзинки, а также питомцы местного отделения Воспитательного дома, рабочие и служащие Обуховского сталелитейного завода, мастеровые и мещане.

Трижды в год в приходе свершались крестные ходы: 8 июля — в деревню Мурзинку, в Ильинскую пятницу — в деревню Леснозаводскую, 20 мая — вокруг села Александровского, в память избавления от холеры в 1848 году.

Прихожан храма хоронили на небольшом местном кладбище, находившемся в одной версте от церкви. На нем стояла приписная к Троицкой церкви кладбищенская Успенская часовня, где на Успение совершали поминание усопших. В 1852 году вместо нее была выстроена церковь Успения Божией Матери, уничтоженная после революции вместе с кладбищем.

16 октября 1883 года при церкви Святой Троицы земской управой была открыта народная школа на 50 человек, в 1871 году — устроено приходское попечительство, просуществовавшее почти полвека. Работала при храме и библиотека, имеющая достаточное количество книг для любителей благочестивого чтения. Имела церковь также два каменных дома — один для причта, другой для богослужений в зимнее время и для приюта богомольцев, приходящих издалека, например, из деревень Леснозаводской и Царской Славянки.

В 1935 году власти закрыли храм и вывезли его убранство. Закрытым он стоял до конца войны, богослужения в нем возобновились в 1946 году. Из Благовещенской церкви на Васильевском острове был перенесен и поставлен в храме синий с золотом барочный иконостас. Тогда же было восстановлено внутреннее и внешнее убранство. В середине 1960-х годов колокольня храма была поновлена: крошившаяся кирпичная кладка ее была покрыта сшитыми между собой металлическими листами.

Поныне церковь Пресвятой Троицы («Кулич и Пасха») остается единственной действующей на огромные районы левого и правого берегов Невы, новостроек Веселого Поселка, Обухова, Рыбацкого, Купчина. Рассчитанный на 800 человек, сегодня храм явно

Иконостас.

тесен и существует насущная потребность в открытии в упомянутых районах новых храмов и молитвенных домов.

До 1936 года главной святыней храма была икона Святой Троицы, сооруженная в 1824 году крестьянами села Александровского, пропавшая вместе с другими образами по закрытии храма. Хранящиеся ныне в храме иконы попали сюда уже после возобновления его в 1946 году.

Главными святынями церкви Святой Троицы являются особо почитаемые иконы: знаменитая чудотворная Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» («с грошиками»), прославившаяся в 1888 году чудом обновления, и чудотворный образ святителя Николая Чудотворца, находившийся раньше в Свято-Троицкой церкви в Колпино.

Чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» («с грошиками»), по преданию, была сооружена и пожертвована в Тихвинскую часовню близ Стеклянного городка одним благочестивым купцом, который возвращался по делам из Петербурга в Ладогу и спасся во время бури на Неве, причалив к берегу против Тихвинской часовни. 23 июля 1888 года во время страшной грозы молния ударила в деревянную часовню и, попавив все иконы, оставила невредимой одну только икону Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», обметав ее мелкими медными монетками в пол-копейки, принесенными богомольцами в храм и положенными ими в ящик у киота. При этом икона дивным образом обновилась, стала будто заново написанной. Монеты не врезались в образ, а прилипли к его поверхности. От этой иконы проистекали и проистекают многие чудесные исцеления притекающим к образу с верой в заступничество Царицы Небесной. Икона эта простого письма суздальской работы, а монеток всего — одиннадцать.

На месте Тихвинской часовни на берегу Невы, где произошло чудо обновления, была сооружена часовня большего размера. А прежнюю, дабы сохранить ее как реликвию, перенесли в выстроенный рядом большой каменный храм в русском стиле во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» («с грошиками»). Неизвестно, где хранился чудотворный образ после сноса храма в 1936 году, но после 1946 года он был передан прихожанами в Свято-Троицкую церковь «Кулич и Пасха», где пребывает и поныне.

Другой чудотворный образ — святителя Николая Чудотворца попал в храм из Колпина, где пред ним

Чудотворная икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» («с грошиками»).

молились тысячи богомольцев. Еще до основания посада Колпино, образ этот явился 23 декабря (5 января — н. ст.) 1713 года пришедшему из Каргопольского уезда Олонецкой губернии работному человеку Иакову, который, страдая цингой и опухолью ног, лежал при смерти в больнице на старой пыльной мельнице на реке Ижоре. И «явился образ святителя Николая Чудотворца сицевым образом... лежал на земли, никому не ведом и не бегом, весьма обветшавши». От него Иаков и другие работные люди получили исцеление. После закрытия Свято-Троицкой церкви в г. Колпино, где хранился образ, он был в числе других икон отдан на один из колпинских заводов для сожжения в печи. На заводе, в мусоре его нашла одна благочестивая женщина и унесла домой. В 1947 году ею он был передан в Свято-Троицкую церковь («Кулич и Пасха»).

Интересен запрестольный крест в серебряном окладе, помещающийся в алтаре храма. Богомольцы почитают также находящиеся в храме иконы Божией Матери Тихвинской и Казанской, прп. Серафима Саровского, молящегося на камне, прпп. Нила Столбенского. Молясь пред иконами прп. Серафима и Нила, прихожане храма испытывают особое благоговение: и в один и в другой образы вложены частицы св. мощей преподобных.

Каждый вторник перед образом прп. Серафима Саровского всенародно поется акафист преподобному, каждый четверг — святителю Николаю Чудотворцу перед его образом, а по воскресеньям — Божией Матери («с грошиками»).

В наши дни причт храма продолжает традиции благоговения, милосердия и помощи нуждающимся. С 1989 года местом постоянного попечения причта и прихожан Свято-Троицкой церкви о душах одиноких людей престарелого возраста стала больница № 34 близ станции Понтонная. Там призываются 60 человек, из которых каждый раз исповедуются и причащаются Св. Тайн 15—20 человек. С 1990 года церковь перечисляет средства на детский дом.

С этого же года по средам, субботам и воскресеньям при храме действует воскресная школа на 85 человек. Занятия Закона Божия и церковно-славянского языка ведут клирики храма: прот. Виктор Сажин, священник Георгий Артемьев и диакон Владимир Рождественский. Обучаются в школе совместно мальчики и девочки в возрасте от 7 до 18 лет. Порой они приходят на занятия вместе с родителями (что приветствуется клиром церкви), дабы прививаемые в школе начала добродетельной христианской жизни окружали ребят не только в стенах храма, но и дома. С будущего года в школе планируется также преподавание церковного пения.

Престольным праздником храма является день Святой Троицы. Кроме того в храме празднуются торжественно:

2(15) января — преставление преподобного Серафима Саровского.

9(22) мая — перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар-град.

19 июля (2 августа) — обретение мощей преподобного Серафима Саровского Чудотворца.

23 июля (5 августа) — иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» («с грошиками»).

24 октября (6 декабря) — иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте».

6(19) декабря — преставление святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских.

Ежегодно 7(20) декабря, в день памяти прп. Нила Столбенского, пред его образом читается акафист прп. Нилу Столбенскому, накануне в храме служится все-нощное бдение.

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Проф. Н. А. Мещерский

Отрывки воспоминаний

(окончание)

О моей деятельности в 1928—1929 гг.

Я учился в аспирантуре с 1926 по 1928 год. После отчисления, в январе 1929 года, мне пришлось проходить военные сборы, а затем я стал давать частные уроки. К этому моменту относится мое знакомство с Толей Левитиным (Анатолием Левитиным — Красновым). Я вывесил объявление, что репетиторствую и даю уроки; в объявлении указал телефон. В феврале или марте 1929 года звонок по телефону — сочный баритон: «У нас к Вам просьба. Мы Вас просим зайти к нам. Мы хотим, чтобы Вы занимались с нашим мальчиком». Назвал адрес — дом на углу Биржевой линии и Тучковой набережной.

Захожу. Встречает холеный мужчина лет сорока, хорошо одетый, живущий в свое удовольствие. «Мы очень бы хотели, чтобы Вы позанимались с нашим Толей. Он в шестом классе. Ему нужно помочь в подготовке уроков. Но предупреждаю Вас — это мальчик со странностями. Будьте к нему снисходительны. Он иногда исчезает». Мы стали заниматься всеми предметами. Толя делал уроки под моим наблюдением. Но однажды меня встречает бабушка — совершенно откровенная еврейка — и рассказывает: «Наш Толик странный мальчик. Он исчезает. Иногда на целые сутки. Мы спрашиваем: «Где ты был?» Говорит: в Александро-Невской лавре или в Новодевичьем монастыре». «А что ты ел?» «Старушка дала мне просфорку. Я и поел».

Я своего лица не раскрывал, просто слушал и сочувственно кивал головой. Наши занятия прекратились в конце учебного 1929 года. После этого я встречал Левитина несколько раз уже после моего возвращения из лагеря в 1938 или 1940 году. Однажды я шел по Университетской набережной, он идет навстречу, в хорошем летнем костюме, но то ли сделал вид, что меня не видит, то ли, действительно, не узнал.

Как-то я был в Князь-Владимирском соборе и видел его среди молящихся. Видел, что на фоне очень хорошего костюма у него на руке были четки. Потом мы встретились в 1966—1967 гг. Он заходил на факультет и почему-то называл меня своим учителем. Потом он сидел, а теперь живет за границей. В его воспоминаниях много фантазий и ошибок. Главный недостаток — он приписывает отдельные приходы к отдельным движениям: иосифлянству, обновленчеству..., хотя все было изменчивым. Александро-Невская лавра, например, три раза меняла хозяина.

В феврале 1930 года мне надо было вновь отбывать воинскую повинность, на сей раз в здании бывших пересыльных казарм. Когда оказалось, что набрано слишком много, меня отпустили. Кто-то из знакомых посоветовал мне обратиться в Книжный фонд, находившийся на Фонтанке, 20, против Инженерного замка. Заместитель директора, Михаил Васильевич Чернаков, крестьянский писатель, сказал: «Вам нужна работа? Мы можем предоставить. Здесь будет представитель Молдавского научного комитета. Поможете ему подобрать книги».

На следующий день прихожу. Сидит еврей, который представляется: «Самуил Лейхцыр, молдавский поэт». В то время существовала Молдавская автономная республика с центром в Тирасполе, где был создан Научный комитет и при нем библиотека. Мы договорились очень быстро — 30 рублей еженедельно. Дня три мы бродили по зданию фонда, где лежали завалы книг — от пола до потолка. Свезены были книги из закрытых библиотек, в том числе из Зимнего дворца и из духовных учебных заведений, в частности, из Тверской семинарии.

В фонд приходили многочисленные представители библиотек, выбирая книги и разбирая этот хаос. Чернаков предложил мне заказ Харьковского института марксизма-ленинизма. В течение месяцев

четыре я занимался этой интересной работой. Особенно интересна была библиотека Зимнего дворца с книгами в роскошных изданиях и бархатных переплетах. Помню «Избранные места из переписки с друзьями» Гоголя в великолепном переплете. В собрании Тверской семинарии было очень много книг с автографами Болотова.

В фонде работали весьма уважаемые люди — в том числе А. И. Бриллиантов — до того, как попал в лагерь в начале 1931 года. На лето — июнь, июль, август 1930 года закрыли фонд по каким-то техническим причинам. Молдавский комитет дал мне тогда поручение — подобрать библиографию по истории Молдавии, для чего я ходил в Публичную библиотеку. Я обратился к Серно-Соловьевичу, старому революционеру народнического толка, у которого были книги по Молдавии, и просил продать некоторые книги, в частности, книги 17 века Досифея Сочаевского.

Осенью 1930 года работа Книжного фонда возобновилась, и хотя я тогда уже не очень нуждался в заработке, все же ходил в него ежедневно и получал 30 рублей до конца года. В сентябре меня устроили преподавателем немецкого языка на кафедру иностранных языков в Институт коммунального строительства. Устроил очень интересный человек — Дмитрий Дмитриевич Михайлов, филолог, и поэт, который писал драмы на древнеассирийском материале, по эпосу Гильгамеша. Мы познакомились у В. В. Струве. Дмитрий Дмитриевич преподавал литературу и заведовал учебной частью в реформатском училище, а в 30-х годах перешел заведовать кафедрой в указанный институт, где я пробыл до конца 1930 года.

В сентябре 1930 года оказался в заключении В. Я. Пропп, хороший друг Михайлова. Я думаю, что он состоял в кружке, не чуждом богословско-философских интересов. Пропп был арестован по «немецкому делу». Меня взяли на его место на кафедру иностранных языков в Плановый институт. Это был один из отделов разукрупненного экономического факультета Политехнического института. Занятия проходили в комендантском флигеле Аничкова дворца. Таким образом, у меня появились сразу занятия и в Плановом, и в Архитектурном институте. Они хорошо оплачивались.

Осенью 1930 года мне пришлось принять участие в разборе коллекций П. П. Лихачева, чем занималась целая комиссия. Меня и Ю. Я. Перепелкина пригласил В. В. Струве для разбора собрания древностей. Под общим руководством В. В. Струве мы работали с начала октября до конца декабря. Мы вынимали из шкафов материалы, записывали их самым кратким образом в опись и следили, чтобы они были уложены в ящики и отвезены в «Институт книги, документа, письма», который помещался в БАНе на 1-м этаже.

В то время Василий Михайлович Истрин попросил меня сделать для него перевод сирийского текста шестой книги «Истории иудейской войны». Я сделал и получил неплохой гонорар.

В 1931—1932 гг. при всех этих занятиях я стал также работать в Ленинградском отделении ГАИС — Государственной Академии искусствоведения, занимаясь с аспирантами немецким языком.

В начале 1932 года из Москвы перевели громадную кучу аспирантов и предложили мне заведовать

кафедрой иностранных языков ГАИС, но я благодарно отказался. Вскоре начались мои заключения.

Макарьевская пустынь

Находилась приблизительно в 20 км к северо-востоку от ст. Любань. В дневнике Блока есть одно место, где он имеет ввиду Макарьевскую пустынь: кто-то ему рассказал, что в Новгородской губернии среди торфяных болот есть монастырь, который устроил точную модель Афонской горы из камешков и насыпей. Макарьевская пустынь не имела монастырской ограды, так как кругом были болота.

В 1922 году туда вторглись какие-то жители, был организован совхоз, но церковь действовала, и монахи (человек тридцать) продолжали жить на своих местах. Настоятелем был игумен Кирилл, который в 1923 году был поставлен в епископа Любанского, а в 1924—1925 годах, приняв схиму с именем Макарий, стал архиепископом Макарием Любанским. Устав в обители соблюдали строго с одной разницей — утреню стали служить в 5 часов утра. Километрах в трех от Макарьевской пустыни, на берегу реки Мги, был скит с церковью и келейка, в которой жили два-три монаха, обслуживающие церковь. В ней любил служить Владыка Макарий. В Любани действовало подворье Макарьевского монастыря.

Закрита Макарьевская пустынь была в 1932 году, одновременно с нашим делом. По нашему делу проходили некоторые макарьевцы, в том числе о. Симон, иеродиакон. Он был с нами в этапе. На месте Макарьевской пустыни было позднее какое-то отделение Свирьлага. До закрытия мы ежегодно с разными попутчиками совершали паломничество в пустынь. В 1928 году это был о. Игнатий Лобковский, в следующем году я был один, в 1930 — с Юрой Муретовым. В 1931 году я был с Никитой Муретовым и моим троюродным братом Игорем Дмитриевичем Комаровым. Его отец, Дмитрий Виссарионович Комаров, в 1931 году был расстрелян, и я хотел немного утешить Игоря. Кстати, недалеко от Любани лежало имя Комаровых — Драгатино.

Эта линия Комаровых была в родстве с Данилевскими и через них — с Маяковскими. Виссарион Виссарионович Комаров был женат на дочери Григория Данилевского и был участником Балканской войны. По возвращении с войны он занялся издательской деятельностью, начав издание газеты «Свет» славянофильского направления. Он был одним из самых активных деятелей Славянского благотворительного комитета.

У Виссариона Виссарионовича, умершего в начале 20 века, было четыре сына и две дочери. Старший сын — Григорий Виссарионович кончил Училище правоведения, работал в Государственной канцелярии. Он женился на богатой молдавской помещице и потому после революции остался в Румынии. Второй сын — Виссарион Виссарионович в 1918 году был арестован и погиб при эпидемии испанки. Третий — Дмитрий Виссарионович после Училища правоведения поступил вольноопределяющимся в Семёновский полк.

Вольноопределяющиеся служили год, а потом, сдав офицерский экзамен, зачислялись в полк или в запас. Дмитрий Виссарионович провалился на офицерском экзамене.

Вскоре после этого должен был быть высочайший смотр Семеновского полка. Один из Комаровых — Владимир Александрович был комендантом Зимнего дворца и довел дело до сведения Николая II. На смотре Дмитрий Виссарионович стоял в строю как вольноопределяющийся. Николай II обратился к командиру Семеновского полка: «Правда ли, что человек, окончивший Училище правоведения, провалился на офицерском экзамене?» «Правда». «Комаров, выйти из строя! Поздравляю тебя с подпрапорщиком». Вскоре началась Первая мировая война, и Дмитрий Виссарионович одним из первых попал на фронт, а в 1915 году приехал на излечение в госпиталь в Петроград с искалеченной левой рукой и с пулями в животе. Он вылечился, вернулся в строй.

В 1917 году Комаров служил в том же Семеновском полку. Поскольку солдаты очень его любили, то он стал первым выборным командиром полка. Пользуясь инвалидностью, командир вышел в отставку и в Красной Армии не служил. Он работал техническим сотрудником Геологического комитета. В 1930 году, когда началось «дело военных», его забрали вместе с другими, как бывшего офицера. Им инкриминировали то, что они хранили историческое знамя Семеновского полка в подвале Введенской церкви. Всех расстреляли.

До войны Комаров был женат на Нине Ивановне Дурдиной из «пивных» Дурдиных. Она кончила курсы сестер милосердия и работала в том госпитале, где лечился Дмитрий Виссарионович. В 1935 году ее с младшим сыном выслали в Алма-Ату.

Это было 18 февраля 1932 года

В тот день я возвращался домой поздно, около часу ночи. Мы жили на 10-й линии, 13. Ход к нам шел через черную лестницу и кухню. Открывая ключом дверь, я обратил внимание, что на лестничной площадке стоят какие-то гепоушники и конвойный с винтовкой и звонят в квартиру напротив, где жил Вася Махновский, большой хулиган, который потом стал комсомольским активистом. Видимо, он был негласный агент для слежки за нашей квартирой.

Едва я вошел в свою комнату и в ней расположился, с другого конца, с парадной лестницы, пришел гепоушник и «попка» (охранник с винтовкой), которые взялись производить обыск: искали переписку, принялись за книги. Я сказал: «Если будете возиться с книгами, это никогда не кончится». Чекист махнул рукой на книги, полистав лишь несколько. В пятом часу обыск кончился, и мне разрешили попроститься с матерью. Мы вышли.

В ту ночь было так много арестов, что машин не хватало. Мы пошли пешком, по 10-й линии и набережной. На набережной гепоушник остановил первую машину, которая оказалась с мельничного комбината, отчего мы потом были перепачканы мукой. Нас с охранником посадили в кузов, а гепоушник сел в кабину, и повезли в ДПЗ на ул. Войнова («Большой дом» тогда только строился). Там я увидел, что было арестовано очень много народу. (Говорили, что нужно заготовить 500 порций завтрака). Проходила первичная регистрация, отбирали недозволенные вещи. Регистровали комсомольцы-активисты и активисты-добровольцы.

Меня отправили в общую камеру № 9 на третьем этаже, где все было забито до отказа. 18 коек на 60 человек. Когда я в нее попал, там еще спали, и мне пришлось стоять несколько десятков минут, потому что некуда было ни лечь, ни сесть. Спали на койках, под койками, между койками. В 7 часов побудка, стали поднимать. Я узнал, что среди арестованных в этой камере есть знакомый — о. Александр Медведский (мы потом вместе были и в лагере), прекрасный проповедник, который в то время был настоятелем Князь-Владимирского собора. Когда нас вывели на прогулку, я увидел, что в соседней камере сидит о. Афанасий Карасевич.

Вечером этого дня начали раздавать квитанции на отобранные вещи и перед каждой камерой читали весь список. Поэтому я узнал весь круг лиц, которые были уже арестованы, что мне весьма пригodiлось во время допроса. Я узнал, например, что арестован Порфирий Петрович Мироносицкий, литургист, специалист по гимнологии, автор популярных брошюр по гимнологии и литургике. Последние годы жизни он был преподавателем Богословского пастырского училища.

Вечером 21 февраля меня вызвали с вещами и переправили под конвоем на второй этаж, в одиночку. Одинокaя камера была 14 шагов в длину и 4 в ширину. Окно — высоко под потолком, зарешечено и закрыто щитом, чтобы никакого света не смогло проникнуть. Между окном и койкой — санузел и раковина, между койкой и дверью — столик и полочка. Я сравнил с бытом в общей камере, и одиночка показалась мне райским блаженством. Никаких лишений я не почувствовал, а, напротив, облегчение и приятность. На первых порах мне не разрешали ни прогулки, ни книги.

Как я проводил время? Во-первых, занимался физкультурой, особенно у стенки. Дошел до того, что, сгибаясь назад, целовал стенку за собой. Устраивал себе водные процедуры — обтирался с головы до ног. В-третьих, отбивал поклоны — как раз были великопостные дни. Затем нашел занятие. Когда я уходил из дому, мама мне дала булку и какое-то количество сахарного песка. При обыске все это превратилось в месиво из сахарного песка и крошек. Я поставил себе целью — разобрать в отдельности.

Единственное, что в то время разрешалось покупать — это папиросы и спички. Кто-то из сидящих в общей камере дал мне совет: не пренебрегайте такой возможностью, это потом будет неоценимым богатством, и я начал покупать папиросы и спички, у меня было около пяти рублей. Складывая папиросы на полочку, из спичек и коробочек строил деревянные конструкции. Так что пребывание в одиночной камере не было для меня тягостным. Через десять дней вызвали на допрос. Как обычно, ночью.

Следствие по нашему делу вел некий Николай Николаевич Волков. Он мне рассказал, что он — сотрудник Института этнографии, и работает по совместительству, ибо его интересует современное состояние религии. Он, мол, де, хочет говорить со мной как коллега с коллегой. Начал он с того, что застучал кулаком и заорал: «Говори, кто тебя постригал!» Я ему ответил, что я не монах, и меня никто не постригал, и потребовал, чтобы он не кричал, а то я не буду говорить. Он переменял тон, разговаривал вежливо, но с подвохами. Я пользовался тем, что примерно знал круг арестованных лиц и представлял,

С.-Петербург. Введенский собор лейб-гвардии Семеновского полка.

о ком можно говорить и о ком лучше не упоминать. Единственный, в ком я ошибся, это был о. Серафим Сударихин, о котором я тоже говорил, как об участнике монашеского кружка, хотя он по ошибке не был арестован. У меня дома, на столе, стояла групповая фотография, изображающая хор Федоровского подворья. Следователь спросил: «А это кто?» и указал на меня. Я сказал: «Не знаю». «Как, вы себя не узнаете!»

На втором допросе следователь вел себя иначе. Предложил папиросы, чай с конфетами, задал несколько малосущественных вопросов. Потом говорит: «У нас серьезная проблема. Нам надо очистить Ленинград от людей, которые могут нам всадить нож в спину. Мы хотели бы, чтобы Вы нам помогли». Я ничего не ответил. В третий раз: «Я вижу, что Вы не разоружились. Значит, Вам придется поехать, хоть и не далеко (я уже представил свою будущую судьбу). От того, как Вы будете себя вести, будет зависеть кара — будете ли Вы отвечать как один из руководителей, или только как привлеченный».

С.-Петербург. Сенная площадь и церковь Успения Пресвятой Богородицы.

После второго допроса, в последних числах марта, мне разрешили прогулки по полчаса в день, в закрытом дворе. Старались, чтобы заключенные не встречались, но это не всегда удавалось. Изредка я встречал кого-нибудь и заметил, что у людей, сидящих в заключении, совсем другие глаза.

Разрешили и книги. В библиотеке работали заключенные. В первый раз я выписал Маркса на немецком языке, чтобы поупражняться, и «Историю Тридцатилетней войны» Шиллера. В библиотеке, видимо, оказалась добροхотка, предложившая «Сущность христианства» Фейербаха, что мне было очень приятно. Книга пронизана цитатами — от Оригена до Лютера. Подкладывали и увлекательную беллетристику, меняя книги каждый день. Когда разрешили книги, у меня день был полностью заполнен, и я прекрасно себя чувствовал. Ничего плохого от ДПЗ у меня не осталось.

11 апреля закончили следствие по нашему делу, и приговор выездной сессии ОГПУ был уже готов. Нас стали вызывать расписываться под ним. Тут я встретил многих участников нашего дела. Дали от десяти лет до вольной высылки. «Десятку» получил о. Лев Егоров, о. Варлаам Сацердоцкий, о. Сергей Ляпунов, о. Вениамин Эссен и иеромонах Авделаи — «бессловесная скотина», полуграмотный хохол, постриженник Афонского Пантелеймонова монастыря. Почему? Вероятно, потому, что он вообще ни на какие вопросы не отвечал.

Владыка Гавриил получил пять лет — его не причислили к руководителям, потому что он высказывал скептические воззрения на деятельность братства, о чем знал Волков. О. Серафим Сударихин получил пять лет. Когда за ним приходили, его не было дома — он дежурил в церкви, поэтому оставался на свободе до 14 марта. Пять лет получили о. Афанасий Карасевич, хотя арестован был без ордера, Николай Киселев, я и дьякон о. Павел с Федоровского подворья, совсем простой человек, не монах; его о. Лев привез из Тамбовской губернии.

Из всех этих людей, получивших разные сроки, было сформировано несколько этапов — кого в Темники, кого в Сибирь, кого на Беломорканал. А нас — в Свирьлагерь. Вместе со мной из наших однодельцев были о. Серафим Сударихин, о. Афанасий Карасевич, дьякон Павел, Николай Киселев и о. Александр Медведский, который проходил по другому делу. У него было только три года.

Этап наш отправился 13 апреля по новому стилю из ДПЗ на ул. Войнова. Перед этим мне разрешили встретиться с матерью. Около двух часов погрузили в закрытые машины и свезли на платформу пересыльной тюрьмы. Там нас погрузили в столыпинские вагоны. Сперва загрузили нас, из ДПЗ, потом заключенных из Крестов, откуда привезли Карасевича и Сударихина. Пока нас загружали в вагоны, я видел, как вели заключенных, заполняли вагоны. Отправлялись в разные места — кто в лагерь, кто в ссылку. С нами вместе везли уголовников. Столыпинский вагон был забит до отказа.

Что такое столыпинский вагон? Он был введен в 1905—1907 гг. — зарешеченные окна и двери, коридор отделен от купе, при входе стояли «попки». Тут я понял, как мне пригодились папиросы. За них урки делали все, что угодно. Уступали место, добывали какие-то продукты, носили чемодан. У меня был большой запас — 20—30 пачек, и я их угощал. На поса-

дочной платформе мы стояли часов пять, и уже начало смеркаться, когда мы двинулись.

Ехали кругом, мимо Финляндского вокзала, потом в сторону Обухова. Наутро, 14-го, прибыли на Волховстрой, где нас встречало начальство Свирылага. Пришли посмотреть, что за люди едут. Все это тянулось очень долго. Только на следующее утро мы прибыли в Лодейное Поле. Далее надо было ехать на Свирыстрой, но настал весенний ледоход и перевоза через Свирь к приемному пункту не было. Нас посадили в товарные вагоны и отправили в Заостровье.

Часа в два выгрузили, и мы должны были идти во второй лагпункт, где временно, на весеннее время, размещался приемный пункт.

Был пасмурный весенний день. Во второй половине дня разведрило. Мы с охраной идем по дороге до пункта километра три, по лесной дороге, через мелкий сосняк. Приближаемся к лагерю, ручей какой-то, обрыв. Мне запомнилось, как кто-то из уроков, увидев своих, крикнул: «О, та це Микита, вин кони напаяет». Ввели нас еще засветло в лагерь. Мы сидели посреди двора, нас остригли (даже духовных лиц) и повели в баню. Так закончился день 15 апреля. Следующий

день мы провели опять на пункте. Состоялась «квалификационная комиссия» и, хотя документов ни у кого не было, в составе комиссии были специалисты разных профилей. Они должны были на глаз определить, что за люди прибыли, и на что они могут быть использованы.

Мы узнали, что в лагере есть ларек, и можно кое-что купить. Мне удалось купить огромную банку кабачковой икры объемом литра три. И мы позволили себе роскошь — ели хлеб с кабачковой икрой. Кормили нас прилично — 500 г. хлеба в день. На следующий день, в пятое воскресенье Поста, нас построили и отправили на работу в Шоткусы. Погнали по зимнику, который уже растаял. Прибыли в Шоткусы, когда солнце уже заходило. Увиденный вид был необычным — какие-то шалаши или вигвамы, а между ними дымки. На самом деле это были древки багров. Готовились к сплаву.

У меня остались поэтические, приятные воспоминания, ничего печального, ничего тяжелого.

(на этом магнитопись обрывается)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не скоро еще, очевидно, будет написана история нашей православной интеллигенции, которая в годы гонений не отреклась от веры и сопротивлялась как могла беспощадному натиску официального атеизма. В этой истории наверняка будет и имя профессора Н. А. Мещерского, крупного филолога и историка русского языка, который жил и умер как православный христианин.

Его жизнь до ареста хорошо изложена в предлагаемых воспоминаниях, очень важном источнике для истории нашей Церкви и епархии в драматичные 1920-е годы, от которых дошло, увы, не так много точных свидетельств. Выйдя из заключения, автор возвращался в основном среди ученых и педагогов. С 1937 г. он преподавал русский язык в Оренбурге и Бузулуке, а после войны — в университете Петрозаводска. В 1946 году защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусский перевод книги Есфирь», а с 1963 г. до кончины заведовал кафедрой русского языка в Ленинградском университете. Будучи филологом широкого профиля и энциклопедически образованным человеком, он много сделал для подготовки научных кадров. Научная деятельность Мещерского, посвященная разностороннему изучению родного языка и его источниковедению (его библиография насчитывает 200 названий), нашла свое завершение в напечатанной в 1981 году «Истории русского литературного языка».

Коллеги и студенты любили спокойного, доброго и справедливого профессора, но мало кто из них знал о его сокровенной жизни православного христианина. Время было такое... На отпевании в церкви в поселке Толмачево, где ученый долго жил летом (и где он погребен), многие с удивлением слышали, что, находясь в отпуске, маститый ученый трудился в ней временами псаломщиком.

Воспоминания проф. Н. А. Мещерского были записаны на пленку и после редактирования впервые опубликованы в сборнике «Лепта» (1989—90, вып. 1—2), приложении к самиздатскому журналу «Невский духовный вестник».

Публикация В. В. Антонова

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Е. Поселянин

Идеалы христианской жизни

МИР ВЕРЫ

(продолжение)

Глава I

ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРЫ

В нашей православной России жизнь церкви и жизнь народа, жизнь земли были так тесно связаны между собою, что история церкви русской есть история самой России. И сколько святых русских имеют значение общегосударственное, потому что с именем их связано воспоминание о тех знамениях, которые сотворил Господь для спасения России.

Как чудными маяками, которые в тихую погоду напоминают о безопасности во время бури и на которые в бурю направляют плавание свои корабли, как такими надежными, испытанными в прошлом, маяками обставлена русская страна чудотворными иконами.

Вот, в теплом Киеве над заветными волнами Днепровскими дивная икона Успения Богоматери Киево-Печерская, которую Сама Владычица передала во Влахерне благочестивым братьям зодчим, договаривая их идти в дальнюю Россию на создание Ей чудного храма. Вот «Нерушимая Стена» — это символ покрова, распростертого над южной Россией. Той Богоматерью, Которую так трогательно зовет тамошний народ «Мати русского краю». Вот, подвигаясь к северу, в селе Каплуновке, Харьковского уезда, одна из отраслей Казанской иконы — икона Каплуновская, помогшая Петру Великому в его борьбе с Карлом двенадцатым и находившаяся на поле знаменитой Полтавской битвы.

Перейдем на запад. Вот, икона Одигитрии — Смоленская, от которой был голос к воину Меркурию во время нашествия татар, повелевая ему идти бесстрашно в татарский лагерь и сразиться с тамошним богатырем. Вот, в нескольких шагах от нея

Смоленская Надворотная икона, которая была вынесена из разоренного Смоленска в двенадцатом году дивизией генерала Неверовского, которую обносили перед Бородинским боем по рядам русского войска, пред которой излито готовившимися к смерти борцами столько чувств, столько дум о вечности в прощании с землей. Как Богоматерь, посещавшая Елизавету, день в день пребывала Смоленская Надворотная икона при армии три месяца и вернулась в Смоленск: «пребысть Мариам с нею яко три месяцы и возвратится в дом свой».

Вот, в верном оплоте России от западных ее врагов, седом Пскове, Псково-Печерская икона, благодатью которой сброшена со Пскова осада великого полководца того времени, польского короля Стефана Батория...

Вот, в Новгороде икона Знамения, спасшая Новгород от разорения ратью Андрея Боголюбского и в Новгородских же пределах явившаяся в воздухе Тихвинская икона, спасшая Тихвинский монастырь от пленения шведским полководцем Делагарди.

На крайнем севере в Архангельском монастыре икона Сосновская, благодатью своей оградившая в 1854 году Соловки от захвата англичанами и во время бомбардировки обители принявшая на себя рану, причем навсегда потемнел лик иконы.

Войдем во внутрь коренной России... Сколько икон, сколько воспоминаний!

На окраинах Москвы икона Донская, принесенная с Дону на Куликово поле, видевшая эту победу, которая открыла России зарю новой жизни. А неподалеку от кремля, в церкви того же имени, Гребенская икона, принесенная к той битве гребенскими казаками. Вот, в виду памятников Минина и Пожарского и кремлевских стен белеет Казанский собор, и в нем та икона, которая пришла под Москву с освободительной ратью Минина и Пожарского и которую несли в челе русских дружин, вступавших в отбитый от поляков кремль. А в Успенском соборе, этом алтаре всей русской земли, в великой славе сияющая Владимирская икона, с именем которой связано избавление Москвы от разорения Тамерланом, свержение татарского ига, и сколько еще других спасительных событий.

В новой русской столице, на берегах Невы, в великолепном соборе лик чудотворной Казанской иконы благостно склоняет свои очи на приходящий к Ней неизсякающий народ. И тут же, под высокими сводами, спит в своей могиле великий полководец Кутузов. Здесь он, принимая командование над русской армией для борьбы с Наполеоном, со слезами молился пред этой иконой, которая на него была возложена и осенила его своею благодатью для последнего его победоносного и чудесного бессмертного подвига.

А сколькими нитями связаны отдельные людские существования с разными заветными для отдельных родов и семей иконами.

У одной бедной старушки, тихо доживавшей свой век смотрительницей богадельни в Москве, я увидел в небольшой комнате громадных размеров икону Спаса Нерукотворенного:

— Мой муж, умирая, — рассказывала она, — не оставил мне ничего, указал он только на эту вот икону и говорит: «вот тебе мое наследство, с ним ты проживешь»...

— Эта икона меня поддерживала. Приходилось тяжело, но я никогда окончательно не падала духом, вырастила детей, которые все разошлись по разным дорогам и живут честною жизнью. Теперь вот под этим ликом жду своего конца. Вера моего мужа оправдалась.

Есть семьи, где вам покажут старинные иконки, которые находились на дедах и прадедах в бою, принимая на себя вражеские пули, сплющивались, но спасали огражденных ими людей.

Мне пришлось в окрестностях одного старинного города посетить родственную семью, живущую в старой усадьбе, жалованной роду первыми Романовыми. Дело было осенним вечером. Держа старинную канделябру в руках, хозяин с женой водили меня по старому дому, строенному пред отечественной войной, показывая старые семейные вещи и семейные портреты. Подойдя к дверям одной комнаты, они заговорили шепотом.

— В этой комнате, — сказала хозяйка, — его отец родился, — и кивнула головой на мужа. Этот отец был известный русский поэт, оставивший заметный след в русской литературе. Мы вошли. В просторной полупустой комнате стояла колыбель, и в ней под кисейным пологом сладко чмокал во сне, раскинувшись на подушке, младенец. Комната была озарена мягким светом лампы. Синий огонек озарял лик иконы в золоченом окладе.

— Казанская, — тихо прошептала хозяйка, — отца моего тестя благословляли ею на свадьбу.

Казалось, глаза Пречистаго Лица достигали колыбели и охраняли спящего там младенца. Тут была преемственность поколений, цепь существования, охраняемая заветной родовой святыней.

Дети с непосредственностью своих свежих здоровых чувств очень любят иконы шейные и стенные. Умилительно видеть, как маленький мальчик или девочка, собираясь в путешествие, хлопотливо снимают со стенки образок и бережно его завертывают, не желая расставаться с ним. Есть образа, прославившиеся потом, в которых заключен порыв чистой детской веры.

В Москве на Остоженке, в Дурновском переулке, есть Барыковская богадельня, и в домово́й церкви при ней замечательная икона. Генерал Дурново,

бывший владелец этого дома, привез из Турецкой кампании с собой пленного турченка, к которому привязался, как к сыну. Мальчик был тихий, сдержанный, умный, с глубокими чувствами и сильно заинтересовался христианской верой. Его приготовили к принятию христианства, и он был крещен. Вскоре после того он стал еще более молчаливым и сосредоточенным, постоянно молился и никого не пускал в большую, отведенную ему комнату.

В то же время он сильно ослабел телом, но был чрезвычайно ясен и радостен духом. Он как-то выразил желание говеть, приобщился и в ночь после этого дня был найден бездыханным на своей кровати. А на стене этой комнаты, куда давно уже никто не заходил, оказался нарисованным лик Нерукотворенного Спаса громадных размеров, голова приблизительно в человеческий рост.

Впоследствии из роскошного дома генерала Дурново была устроена богадельня, а образ Спаса так и остался на стене в той комнате, которая потом отошла под церковь. Длинная гирлянда лампад горит пред громадным черным ликом, живопись которого можно еле разобрать после бывшего тут пожара. И все в этой тихой церкви полно воспоминаний о таинственном мальчике, излившем свою новую и пламенную веру в создании этого лика и отлетевшего к Отцу света.

Вокруг этой местности расположено много учебных заведений мужских и женских. И ежедневно гурьбы детей, отправляясь учиться, заходят к чудотворному образу, нарисованному, около века назад, непорочным чужеземным ребенком.

Для верующего несомненно, что иконы являются часто теми орудиями, которыми Божество и небожители как бы беседуют с людьми. Лица, склонные к духовной жизни, несомненно, наблюдали не раз, что какими-то непостижимыми путями люди иногда получают неожиданно те иконы, которых жаждут или которые, по некоторым обстоятельствам, им следует иметь.

Некоторые почитатели великого старца Серафима Саровского, с нетерпением ожидавшие его церковного прославления, передают, что не раз им совершенно неожиданно доставались старинные изображения старца, именно такие, о которых они мечтали.

В одной православной семье молодой человек, читавший превосходную книгу графа М. В. Толстого «Рассказы из истории русской церкви», находился под сильным впечатлением повести о явлении Феодоровской иконы и особенно желал иметь ее, так как родные его были костромские помещики. У этого молодого человека с раннего детства была небольшая икона в золоченом окладе, с которою он никогда не расставался и которую он считал за Владимирскую.

В те самые дни, когда более года длившееся желание иметь у себя Феодоровскую икону не давало ему уже покоя, эта его любимая икона упала, причем от нея отделился оклад, и на доске он прочел ясно: «икона Божией Матери Феодоровская».

Так как эта семья хранилась в Москве в Донском монастыре, то сестра этого молодого человека захотела иметь Донскую икону. И что же, как-то осенью по возвращении из летнего отсутствия, чистая иконы, она заметила на иконе, висевшей в ее комнате, которую она считала за Смоленскую, не за-

меченную ею доселе надпись на краю: «икона Донская».

Мне известен еще такой случай. Один человек обогнал на Петербургской улице сборщицу-монахиню, не подав ей. А потом, точно остановленный какой-то силой, подождал ее и спросил, на какую обитель она собирает.

— Божией Матери «Отрада и Утешение», — ответила она.

Он подал и подумал про себя: «какое значительное и прекрасное название икона Богоматери «Отрада и Утешение». В тот же день получил он письмо от одной старинной знакомой, которая писала ему: «Знаете ли вы, что в день вашего ангела празднуется иконе Богоматери «Отрада и Утешение». Если у вас ее нет, я вам ее пришлю».

Отраден вид тех жилищ, где живут по старозаветному, где «в красных углах» стоят иконы большого размера с теплящимися пред ними лампадами. И как жалки те, еще верующие, но не смеющие исповедывать открыто свою веру, семьи, где в парадных комнатах иконы прячут или вешают такие маленькия иконы, что они сливаются с рисунками обоев.

Если бы мы верили горячее и чище, и, пока мы в силе, собирая себе видимые предметы веры, мы сосредоточили бы свою любовь на тех иконах, которые нам были дороги по каким-нибудь воспоминаниям, по обстоятельству тех явлений, наконец, по самым именам своим: мы тогда получили бы много духовного счастья, потому что Богоматерь не оставляет без отклика тех, кто к Ней стремится.

Одни имена икон Богоматери, если в них вдуматься, дают душе такое утешение!

Самый вид этих икон как возвышает душу!

Вот, Богоматерь нежно прижимает обеими руками к щеке головку Младенца («Касперовская»). Вот, держа правой рукой Младенца, левую с выражением страдания прижимает к голове («Утоли моя печали»). Вот, крепко обеими руками держит Младенца Христа, словно боясь, что от Ней Его отнимут, как готова держать и охранять всякую доверившуюся Ей душу («Взыскание погибших»). Вот, показывает Христу, спящему в рубашечке у Ней на коленях, небольшой крест, за который Младенец ухватился своей ручкой, а около стоит та таинственная чаша, которую Ему предстоит испить («Козельщанская»). Вот, держит в левой руке ветку расцветших цветов («Неувядаемый цвет»). Вот, одной рукой обнимает Младенца, в другой лестница в знамение того, что она является связью между землей и небом («Путивльская»). Вот, поникнув головой, поддерживает руками семь стрел, пронзивших Ея сердце («Семистрельная»). Вот, стоит среди огненной звезды («Купина неопалимая») — прообраз Ея неизменной непорочности — до Рождества Дева, в Рождестве Дева, по Рождестве Дева. Вот, одетая в царские одежды, в неизъяснимом величии царицы, в неизъяснимой красоте и скромности белой лилии, сложив руки на груди, с поникшей головой внимает как-им-то тайнам, совершающимся в Ея сердце («Остробрамская»).

Замечают, что женщина, окруженная прекрасными изображениями во время плодоношения, родит прекрасного ребенка. Так, на жизни, которую она носит в себе, отражаются те образы, которыми она окружена.

Как прекрасна была бы наша душа, если бы окруженные со всех сторон иконами Богоматери и теми картинами, на которых лучшие художники отразили свою святую мечту о Ней, мы бы заставили нашу душу все сильнее и полнее отражать в себе бесконечные совершенства Девы Марии.

Общая разрушаемость всего земного имеет в себе что-то глубоко печальное человека. Эта разрушаемость есть отражение того проклятия, которое пало на человека после его грехопадения. В раю все было вечно нетленным, вечно свежим, возобновляющимся в силе своей, в своем непрерывном развитии; это было ликующее торжество бытия.

Ужас охватывает душу, когда думаешь о том, как время сметает с лица земли без остатка целые народы и страны, как безмолвная пустыня разстилается там, где были некогда города значительнейшие во вселенной, блестящие богатством, кипевшие жизнью и громадной деятельностью.

К таким сказочным городам древнего мира принадлежал Мемфис, лежащий в Египте, в нескольких десятках верст от теперешнего бойкого и торгового города Каира.

Пишущему эти строки пришлось посетить ту пустыню, которая разстилается теперь на месте Мемфиса. Глубокие сыпучие пески, перемежающиеся бедными деревнями феллахов и пальмовыми рощами. Жгучее солнце. В одной из рощиц лежащая навзничь на подпорках чудовищная по величине каменная фигура одного из фараонов, своими каменными глазами всматривающаяся в небо. Погребенные под песком остатки зданий... Вдали загадочные пирамиды и открытые под песком загадочные могилы обожествленных быков-аписов, загадочные храмы со странными фресками по стенам и с каменными фигурами фараонов, кое-где наметенный ветром правильный узор на песчаной поверхности пустыни...

Вас охватывает ужас и жуть от этого мертвящего безлюдья и мертвенности там, где люди бились и страдали, любили, надеялись и были счастливы, мыслили и чувствовали. Все это время сокрушило, не пощадило ни железа, ни камня, сгладило всякий след жилья, обратило в безличное, страшное ничто...

Когда вам случается видеть что-нибудь оставшееся от дорогого умершего человека, какую-нибудь бумажку, на которой дорогая рука начертила несколько строк, не становится ли вам странным это сопоставление, что вот — эта ничтожная бумажка существует, а человек, изобразивший на ней свои мысли, ушел безвозвратно. И как бы вам хотелось закрепить эти убегающие существования, которые ничем удержать нельзя; как бы вам хотелось удержать, если не самую жизнь в этих людях, что невозможно, то, по крайней мере, сделать неизменяемыми и нетленными их оболочки.

И это чудо в мире совершается: люди, которые достигли безгрешного состояния первого человека, люди праведные избегают общего закона тления, и тела их сохраняются неповрежденными.

Надо самому присутствовать при торжестве открытия мощей, чтобы пережить то необыкновенное, возвышенное чувство, которое охватывает душу, когда раку с нетленными мощами извлекают из земли, и праведник словно выходит, как новый Лазарь, из своей могилы к ожидающему его народу.

Мало того, что здесь произошла победа нескончаемой во Христе жизни над законом общего разру-

шения. Божья благодать дает еще мощам цельбоносную силу. Совершающиеся у них исцеления и бывают обыкновенно поводом к освидетельствованию мощей и к признанию чудотворящих праведников святыми, Церковью прославляемыми.

У нас недостаточно распространены точные и правильные сведения относительно святых мощей. Признаками мощей является их цельбоносность, а не та или другая степень их сохранности. Известны случаи полного сохранения тел лиц, далеких от какой бы то ни было святости и даже известных своею широкою и рассеянною жизнью. И, наоборот, величайшие мировые праведники не имели мощей так называемых «целокупных», то есть тел, сохранившихся в полном своем составе. К числу таких праведников принадлежит великий святитель Николай Чудотворец, кости которого источают целебное миро.

Есть мощи, отличающиеся особо ярко выраженным нетлением. Рассказывают, что к таким мощам принадлежат почивающие на острове Корфу, близ берегов Греции, мощи великого милостивца, участника первого вселенского собора святителя Спиридона Тримифунтского, сохраняющиеся в таком виде полторы тысячи лет. Ежегодно оне при большом стечении народа, в день памяти святителя, носятся в торжественном шествии по городу.

Доводилось слышать рассказы, что иностранцы, особенно англичане, проживающие на этом острове для пользования его хорошим климатом, оказывают крайнюю, не всегда почтительную любознательность к мощам святителя, и что даже от этого на нетленном лице является выражение какой-то скорби.

Из мощей, в России почивающих, особенно жизненных во Владимире мощи юного князя Глеба, сына святого благоверного князя Андрея Боголюбского. Он умер за несколько дней до мученической кончины своего отца, и мощи его пролежали в земле до обретения много веков. Все тело князя сохранилось, как у живого, рука свободно гнется.

Передают о такой же жизненности мощей святителя Феодосия Углицкого. Присутствовавший при переоблачении его, покойный праведный епископ Черниговский Антоний, передавал мне, что, когда при переоблачении нажали на грудь — это нажатие, как у живого человека, отдалось в ногах.

Наиболее чтимыми мощами в России являются мощи великих русских иноков Антония и Феодосия Киево-Печерских с великою ратью их сподвижников и последователей в Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, преподобного Сергия Радонежского в созданной им Троице-Сергиевской лавре под Москвой, святителей Московских в Успенском соборе, святителей и князей Новгородских в древней Новгородской Софии, князя Гавриила-Всеволода в Псковском Троицком соборе, преподобного Тихона Калужского в Тихоновой Калужской пустыни, также и мощи новых чудотворцев русской земли, открытые в течение последнего века — Дмитрия Ростовского, Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феодосия Черниговского, Серафима Саровского, Иоасафа Белгородского.

Мир верующих жадно ищет доказательств своей веры в бессмертие и с особым умилением и усердием подходит к ракам людей, восторжествовавших над смертью и лежащих в этих раках, как к громким проповедникам бессмертия и вечности.

Сколько дум, сколько чувств навевают на вас узкие, низкие, глубоко ушедшие в землю, пещеры Киево-Печерской лавры с небольшими углублениями, в которых помещены в простых раках нетленные мощи здесь в тяжелом подвиге трудившихся и здесь упокоившихся праведников.

Там, наруже, солнце сияет, заливая ярким светом дивную картину Днепра и Киевских высот, на которую досыта не насмотришься, вдосталь не налюбуешься. А тут, в недрах земли, в этих темных глубоких пещерах чувствуется своя красота и цветет своя счастливейшая весна. Здесь дух человека, положивший во Христе все свое стремление, сострадал Христу, определяя себя на вольные муки. Здесь люди, не слышавшие живого слова человеческого, не видевшие неба, усилием веры чувствовали себя в ином прекраснейшем небе, и, живя, с человеческой точки зрения, в постоянной пытке, услаждались видениями нескончаемого блаженства, предвкушая неопишуемую райскую сладость.

«Войдя во внутреннюю клеть свою, дай свободу своему духу, смири свою плоть, присядь у ног Христовых, и дай животворным речам Его литься в свою душу — вот, что шепчут верующему человеку Киевские пещеры.

Есть святые, которые по величайшему смирению своему не хотели, чтобы мощи их были извлекаемы из недр земли и покоились наруже. Вследствие общего убеждения в их святости были делаемы попытки копать землю у их могил, но всякий раз из земли выходило пламя, отгонявшее копавших.

Так было на месте погребения преподобного Антония Киево-Печерского, так же было и у могилы преподобного Варлаама Хутынского. Ее хотел разрыть Иоанн Третий, но из могилы появилось грозное пламя, которое устремилось прямо на великого князя. Он в ужасе убежал, бросив свой жезл, который обгорел и, доныне хранимый в ризнице Варлаама-Хутынского Новгородского монастыря, свидетельствует о происшедшем здесь знамении.

Существует ряд подвижников, место последнего покоя которых даже вовсе не известно. Это было со многими великими Египетскими отцами-аскетами и с величайшим из апостолов, Иоанном Богословом, тайновидцем.

Нужны ли Богу дары человеческие, Богу Вседолюющему и Вседовольному? Они нужны душе человеческой, которая в этих дарах выливает волнующие ее чувства: благоговение, благодарность, восторг.

Одним из ярких выражений таких чувств являются огни, которые теплят во имя Божие пред иконами людьми. Что может быть отраднее церкви ярко освещенной, с пучками свеч, сияющих у иконостаса пред чтимыми святынями?

Когда вы подходите к какой-нибудь общенародно чтимой иконе, как к Иверской в Москве, Казанской или Нерукотворенного Спаса в домике Петра Великого в Петербурге и, подходя к иконам, смотрите на эти милые и мирные огоньки лампад и свеч, прислушиваетесь к тихому потрескиванию тающего воска, вам начинает думаться: вот, символ живых слез, что кипит здесь пред этими святынями в душах людей, вот, чистые жертвы Богу, принесенные в благодарность, в моление, как крик о помощи, как стон страдающей груди:

Дорог мне перед иконою,
В светлой ризе золотой,

Этот яркий воск, возженный
 Чьей, неведомо рукой.
 Знаю я: свеча пылает,
 Клир торжественно поет,
 Чье-то горе утихает,
 Кто-то слезы тихо льет.
 Светлый ангел упованья
 Пролетает над толпой,
 Этих свеч знаменованье
 Чую трепетной душой.
 Это медный грош вдовицы,
 Это лепта бедняка,
 Это, может быть, убийцы
 Покаянная тоска.
 Это светлое мгновенье
 В диком мраке и глуши,
 Память слез и умиленья
 В вечность глянувшей души.

Описывая древний русский монастырь и тот народ, который под сводами его искал утешения от великого русского бедствия, татарского ига, поэт говорит:

И в темных маленьких церквях
 Душистый воск горит, как жар,
 Пред образами в жемчугах —
 Сердец скорбящих чистый дар.

Человек, который ставит свечу, как будто говорит Богу: пусть горит она пред Тобою тем огнем, которого во мне так мало. Пусть заменит она, сияя пред Тобою своим чистым огнем, ту чистоту, которой во мне нет.

Самый материал, который горит в свечах и лампадах, имеет особое высокое значение. Свет в лампадах есть знак милосердия Божия, так как в древности елей возливался на раны для промывания их. А что может быть чище того воска, который отлагает пчела, собрав в хобот свой чистейший сок листьев и цветов: в свечах и лампадах приносится чистейшая жертва Источнику чистоты.

Есть какое-то особое мистическое значение в горящей за душу человека свече, в неугасимо тепловой лампаде.

Замечают, что человек, который решил всю жизнь теплить в жертву Богу одну или несколько неугасимых лампад, никогда не останется без куска хлеба, потому что Бог не допустит, чтобы человек, приносящий ему непереставаемый дар, был бы лишен возможности этот дар продолжать.

Как высок порыв тех людей, которые по смерти своей завещают установить где-нибудь неугасимую лампаду! Чрез много лет по их смерти, как дар их души, давно отлетевшей от земли, пред излюбленными святынями будет безстрастным огнем своим теплиться, как тихое сияние давно переставшего биться сердца, зажженная усердием их лампада.

Случалось ли вам в больших или малых городах поздним вечером или ночью, видеть сквозь стекла окон тихие огоньки лампад, зажженных перед иконами? Утомленные дневным трудом люди покоятся, поручив этим огням гореть за них пред Богом, как память о Нем, благодарность, молитва.

Гори лампада!.. озаряй
 Святых икон киот отрадный
 И слабый свет свой проливай
 В приют печали безпощадной!..

Пусть отблеск риз сих золотых
 Твое сиянье оттеняет,
 Пусть разноцветность камней их
 Тебя в отлив свой одевает!..
 Гори лампада!.. Озаряй
 Моих икон киот священный
 И тихим блеском освещай
 Приют, святыней осененный!..

Особенно трогают огни лампад в убогих лачугах, где для приобретения месячного количества масла людям приходится урезывать и без того скудное свое пропитание.

Бывает, что богатые женщины не удовлетворяются тем, чтобы теплить лампады и свечи перед иконами на свои незаработанные деньги и исполняют какие-нибудь женские работы, помышляют продавать их, и эти-то трудовые деньги и употребляют на масло и свечи.

Иногда пред чтимыми святынями вы увидите поставленное на время паникадило с громадной свечей. Это кто-нибудь для испрошения милости или в благодарность затеплил большую свечу, которая должна гореть, пока вся не выгорит.

Иные, умирая, поручают родным своим поставить за них после похорон своих свечи пред теми святынями, к которым они ходили при жизни молиться.

Задумывались ли вы когда-нибудь во время обедни, смотря на так называемый канунный столик, на котором теплят свечи за упокой отшедших людей? Тихо тающий воск, чуть дрожащие огоньки как-то особенно тепло и трогательно говорят о людях, отлетевших с земли, которых не забыли, о которых молятся, за которых предстательствуют оставшиеся без них и любившие их люди.

Вот, замечательная черта из жизни великого старца Серафима Саровского. Он всегда усердно молился за всех христиан усопших и живых, усилил эти молитвы в последние годы своей жизни. В келии отца Серафима горело много лампад и особенно много пучков восковых свечей большого и малаго размера. Они были поставлены на круглый поднос, и от постоянного их горения в тесной келии была постоянная жара. Отец Серафим сам объяснил значение этих свечей почитателю своему Мотовилову:

«Я имею, как вам известно, много особ, приходящих ко мне и благотворящих моим сиротам Дивеевским. Эти особы приносят мне елей и сами просят помолиться за них. Вот, когда я читаю «правило» свое, то и поминаю сначала их единожды. А так как, по множеству имен, я не могу повторять их на каждом месте «правила», где следует, — тогда и времени мне не осталось бы на совершение моего «правила», — то я и ставлю эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных же постоянно тепло лампады. И, где следует на «правиле» помянуть их, говорю: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз убогий сии свещи и кандила». А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, или, так, простое мое усердие, ни на чем не основанное: то я приведу вам в подкрепление слова божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигает перед Мною кандила во дни и нощи, сия бо угодна есть предо Мною и жертва приятна Ми

есть». — Так вот, почему святая Церковь приняла в обычай возжигать в святых храмах и в домах верных христиан кадила или лампы перед иконами».

Разсказывали, что чудотворным образом отец Серафим чрез эти свечи знал о душевных опасностях, грозивших этим людям, так как тогда та свеча, которую он за эту душу поставил, падала...

В последний день своей жизни — первого января 1833 года — отец Серафим, отслушав литургию в дорогом ему храме Соловецких чудотворцев, обошел все иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свечи.

Люди, восприимчивые к церковным впечатлениям, сами знают, какую отраду производит на душу вид множества зажженных в церкви лампад и теплящихся перед иконами свечей.

В великолепной Афонской часовне во имя великомученика Пантелеймона в Москве на Никольской, у Лубянских ворот, производят сильное впечатление большие паникадила, в которых горят лампы.

Надо стараться приобретать добрые привычки, и одна из таких необходимых для православного человека привычек — это теплеть перед одной из дорогих сердцу икон неугасимую лампаду.

Храм, и все, что относится к храму, настолько высоко и свято, что нельзя относиться к этому с достаточным благоговением. Между тем, мы, по легкомыслию и недомыслию людскому, видим постоянное небрежение по отношению к храму.

Там, где присутствует невидимо Бог, где в страхе перед ежедневно возобновляющимся чудом Евхаристии ангелы склоняют свои лики, — люди смеются, болтают и злословят! Возможно ли предположить, чтобы в ближайшем присутствии земного царя кто-нибудь мог стоять небрежно или болтать со своим соседом? Как же допускать такое вопиющее небрежение в церкви — этом дворце и престоле живого Бога!

Совершенно неправилен привившийся во многих церквях обычай давать доступ в алтарь почетным прихожанам, которые часто, собравшись компанией из нескольких человек, развлекаются во время богослужения праздными беседами. В алтарь не должен иметь доступ никто, кроме священнослужителей и помогающих при служении, как-то: свещеносцев и лиц, разжигающих и подающих кадила. Между тем во многих петербургских соборах образуются целые кружки в несколько десятков лиц, присвоивших себе право стоять в алтаре.

На одной из архиерейских хиротоний довелось мне видеть, как стоявшего на коленях у престола с возложенным на главу его развернутым евангелием, в сонме архиереев, возлагавших на него руку, во время произнесения слов хиротонии — новопосвящаемого окружала густым кольцом толпа любопытствующих мирян.

Образовался у нас даже термин совершенно бессмысленный и совершенно противоцерковный: «почетные богомольцы». Почетных богомольцев нет и не может быть, как не может быть «почетных христиан». Все мы одинаково ничтожны перед величием Божиим, все мы одинаково мелкие пылинки, и всякое отличие, даваемое людям в храме, идет против Бога. Если в храме Христовом нет равенства, то где же оно будет?

Поэтому верх безчинства позволяют себе такие сварливые люди с более или менее видным положением, которые не представляют себе молитвы иначе, как на особенном, почетном месте. И, если кто-нибудь случайно это место займет, грубыми выходками или расталкиванием очищают они себе это место.

Локтями в Царствие Божие не проберешься.

Не правилен также обычай ублажать «почетных прихожан» таким вниманием, как вынос им во время причащения духовенства, чрез причетника, на подносе просфоры с теплотой. В старое время в Малороссии был еще более неправильный обычай подносить таким прихожанам, во время малаго входа, евангелие для целования.

Великий святитель Иоасаф Белгородский, происходивший сам из высшего малорусского сословия, решительно возстал против такого человекоугодничества в церквях и грозил таким священникам-человекоугодникам гневом Божиим.

В древней Руси немислимо было, чтобы православный человек прошел мимо церкви, не сняв перед нею шапки и не осенив себя крестом. Теперь сплошь и рядом вы увидите нарушение этого обычая даже верующими людьми. Безобразно и непростительно. Человек, который не осмелится пройти не только мимо высшего человека, в котором он нуждается, но и перед равным собою, не приветствуя его поклоном, проходит перед местом особого присутствия Божия, ничем не выразив своего уважения этому месту. Снимать шапку перед храмами и креститься на них нужно внушать детям с раннего возраста.

Старец Серафим Саровский, имевший исключительно высокое мнение о святости храма, говорил, что нет выше послушания, как при храме, что большое счастье подметать там даже пол. О святости всего того, что относится к области храма, он говорил так, что все похищенное из храма, даже вынесенный из него сор, представляет собою огонь, разрушающий благосостояние человека. Поэтому даже сор, вынесенный из храма, он советовал не выбрасывать зря, а сжигать, развеивая пепел по воздуху.

(продолжение следует)

